

Костища гляденовской культуры
в Среднем и Верхнем Прикамье

Древняя культура
финно-угорских народов
Пермского Прикамья

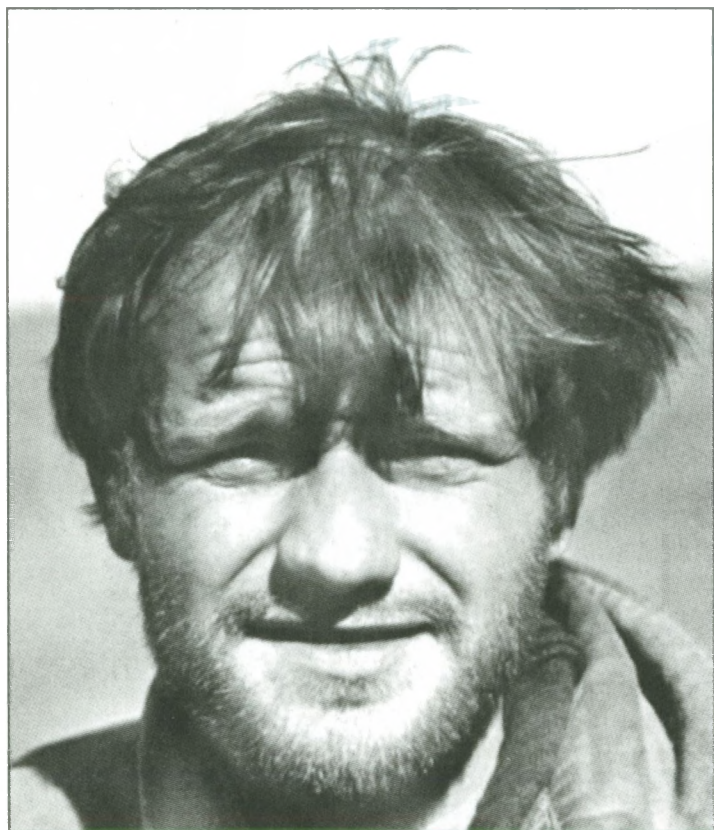
А. Н. ЛЕПИХИН

КОСТИЩА ГЛЯДЕНОВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ
в Среднем и Верхнем Прикамье

А. Н. ЛЕПИХИН

СЕРИЯ

**Древняя культура
финно-угорских народов
Пермского Прикамья**

СЕРИЯ

Древняя культура
финно-угорских народов
Пермского Прикамья

А. Н. ЛЕПИХИН

**КОСТИЦА ГЛЯДЕНОВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ
в Среднем и Верхнем Прикамье**

ООО “Издательский дом
“Типография купца Тарасова”

2007

Составление и подготовка:
Белавин А. М., Неганов С. В.,
Подвинцев О. Б., Студеникина Л. И.

Лепихин А. Н.

Л48 Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Серия: Древняя культура финно-угорских народов пермского Прикамья – ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2007 г. – 224 с.

В книге, посвященной памяти А. Н. Лепихина, подводится своеобразный итог более чем вековому изучению древних археологических памятников Прикамья – костищ, намечаются пути дальнейшего развития и исследования данной темы. Книга содержит текст диссертации А. Н. Лепихина «Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье» и будет интересна всем, кто интересуется древней историей и культурой Прикамья.

Издание осуществлено по заказу департамента внутренней политики Администрации губернатора Пермского края на средства и в рамках реализации краевой целевой Программы развития и гармонизации национальных отношений народов Пермского края

ББК 63.5 (235.55-4Пер)

ISBN 978-5-91437-003-6

© Лепихин А. Н. 2007
© Администрация губернатора Пермского края, 2007
© ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», верстка и дизайн, 2007

К читателю

Этой книгой мы открываем серию книжных изданий, посвящённых древней культуре финно-угорских народов Пермского Прикамья.

Многое из того, что определяет современный облик этой земли, связано с финно-угорским миром, с древней финно-угорской культурой. Само название «Пермь», серебряный медведь в древнем Пермском гербе, народы, издревле живущие здесь, — коми-пермяки, коми-язьвинцы, удмурты, марийцы, манси и другие — все это уходит корнями в самую давнюю историю Пермского Прикамья и формирует современный облик Пермского края, уникальную культуру людей, здесь живущих. Невозможно понимать современную жизнь нашего края без глубокого и многогранного представления о его древней истории и культурных истоках. Этот культурно-исторический слой единого духовного потенциала Пермской земли сегодня недостаточно глубоко изучен и совсем мало вовлечён в современный культурный оборот.

Будем надеяться, что открываемая сейчас книжная серия внесет свой весомый вклад в изучение древней истории и культуры народов Прикамья, сделает уникальную Пермскую культуру более открытой и доступной для современного общества.

На мой взгляд, очень символично то, что новую серию открывает научная работа Анатолия Николаевича Лепихина «Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье». Данная работа посвящена одному из интереснейших явлений, изучаемых археологической наукой в Прикамье. И это основной научный труд человека, посвятившего свою жизнь археологии.

Для меня, как и для многих из тех, кто участвовал в издании этой книги, Анатолий Николаевич Лепихин был всегда просто Толиком, очень хорошим и светлым человеком. Трагическая и в чем-то мистическая гибель его у ночного костра на раскопе поразила всех, кто Толю знал, и всем нам трудно поверить, что его уже нет. Но так же, как в нашей памяти, Анатолий Лепихин продолжает жить в своей работе.

Думаю, символично и важно то, что последний научный труд А. Н. Лепихина открывает новую серию книг, посвященных древней истории и культуре Прикамья. А значит, открывает новые перспективы, дает живой импульс научному поиску, формирует и продвигает культурный облик пермской земли сегодняшнего и завтрашнего дня.

*С. В. Неганов
Председатель департамента
внутренней политики Администрации
губернатора Пермского края*

Предисловие

Присоединение к большинству, как определяют иногда смерть, относительно любого человека представляется большой потерей для близких ему людей, но уход молодого человека, у которого жизненный путь только начинался, оценивается живущими как нелепая, трагическая и невозполнимая случайность.

Все, кто знал Анатолия Николаевича Лепихина, помнят его как человека добрейшего, обаятельного, очень скромного и внимательного к другим. Мне довелось встречаться с ним далеко не часто и о его жизни я знаю немного. Но я была научным руководителем при подготовке им кандидатской диссертации «Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье» и, надеюсь, что могу достойно оценить его вклад в археологию Приуралья.

Хотелось бы вспомнить одну из наших встреч с А. Н. Лепихиным в 1999 г. в г. Чердыни. Там администрацией района, вдохновлённой выдающимся учёным широкого профиля – этнографом, историком, археологом, лингвистом, географом и т. д., профессором Пермского университета, уроженцем здешних мест Георгием Николаевичем Чагиным, была организована оригинальная по составу участников и обсуждаемой проблематике научная конференция «Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России», посвящённая 100-летию Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина. К открытию этой конференции была полностью перестроена экспозиция Чердынского краеведческого музея. Археологическую часть готовил Анатолий Николаевич Лепихин. Как всегда, времени не хватило и пришлось и обедать, и ночевать прямо в музее. Когда в первый день работы конференции была открыта новая экспозиция музея, бледные, похудевшие, осунувшиеся её устроители были откровенно счастливы. С удовольствием демонстрировал специалистам свои разделы и Анатолий Николаевич Лепихин. К чести его, археологическая экспозиция была выполнена высокопрофессионально, с учётом новейших достижений музейного дела, максимальным использованием богатейших материалов, накопленных за многие десятилетия в фондах музея г. Чердыни.

Темой своей научной работы А. Н. Лепихин избрал жертвенные места Пермского Предуралья — оригинальные памятники, которые вот уже около 130 лет (со времени опубликования А.Е. Теплоуховым первых сведений о них) неизменно привлекают внимание учёных. Но, несмотря на большой интерес учёного мира к этим объектам, они так и не стали предметом всестороннего, многопланового анализа. Не удивительно, что именно эту работу взял на себя А.Н. Лепихин.

Сложность Исследования заключалась в том, что основные источники, собранные различными авторами в разные годы, имели разную степень достоверности. Многие были за давностью лет и драматичностью прошедших исторических событий утрачены или депаспортизованы, некоторые были раскопаны не лучшим образом. Но А.Н. Лепихин постарался использовать все доступные ему фрагменты источников. В результате он собрал материалы о 8-ми достоверных и 11-ти предположительных костышах.

Поскольку информация о материалах костыщ, исследованных до революции 1917 г. весьма скудна, А.Н. Лепихин предпринял значительные собственные раскопки наиболее значимых памятников: в 1992—1994 гг. Слепушкинского костыща на р. Сылве; в 1995—1997 гг. Гляденовского и Юго-Камского — по 280 кв.м. Это особенно впечатляет, учитывая, что раскопки костыщ требуют больших людских ресурсов и времени, поскольку слой обычно насыщен костями и находками, которые надо очень осторожно расчищать.

Начиная с середины 90-х гг. А.Н. Лепихин интенсивно занимался камеральными работами по изучению материалов костыщ. Это привело к созданию достаточно стройного монографического исследования, в котором автор попытался всесторонне осветить все проблемы, связанные с этим источником (см. оглавление предлагаемой работы). Конечно, далеко не все вопросы ему удалось решить, но он ставил их и последовательно отстаивал свою точку зрения на обсуждаемые проблемы. Ему удалось создать у читателя целостное представление об этом своеобразном археологическом источнике Пермского края. При этом он использовал не только большую археологическую литературу, но и показал глубокие знания в области этнографии, истории, мифологии, фольклористики, искусствоведения и других науках.

Начиная с 1999 г. А. Н. Лепихин, получив уже значительные результаты в области исследования костыщ, стал активно выступать на конференциях разного уровня и публиковать статьи и небольшие монографии. Из них шесть он написал вполне самостоятельно, а семь — в соавторстве со своим коллегой по полю — А. Ф. Мельничуком. Интересно, что геогра-

фия выступлений и публикаций А. Н. Лепихина весьма широка. Кроме Перми, его работы опубликованы в Челябинске, Москве, Ижевске, Брезниках, Свердловске.

Оценив то наследие, которое оставил А. Н. Лепихин, я убеждена в том, что ему удалось подвести итоги более чем 130-летних исследований уникальных памятников Прикамья – костищ, сделать это профессионально, глубоко, всесторонне, доказательно, о чём свидетельствует предлагаемая читателю книга. Жаль, что автор не успел оформить официально защиту этой работы в качестве диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук, но то, что он фактически уже достоин этой степени, не подлежит сомнению.

Вызывает чувство всяческого уважения желание его друзей и коллег опубликовать монографию А. Н. Лепихина посмертно, что ещё раз подчёркивает его качества как учёного и как личности.

Р. Д. Голадина

Вступительные замечания

В сентябре 2002 г. в результате трагического стечения обстоятельств ушел из жизни пермский археолог и наш общий друг, сотрудник Пермского областного краеведческого музея Анатолий Николаевич Лепихин. Его археологическая жизнь началась еще в детстве, когда он пришел на занятия в Школу юных археологов. Уже тогда он демонстрировал огромный интерес к далекому прошлому Прикамья, усердие и увлеченность историей. Став студентом исторического факультета Пермского государственного университета, он занялся изучением памятников раннего железного века. Огромную роль в формировании А. Н. Лепихина как исследователя сыграла его работа в Ильинском краеведческом музее. Именно там сложился особый неспешный стиль его работы, весьма напоминавший стиль работы отца и сына Теплоуховых и многих других археологов, краеведов и любителей старины XIX в. Анатолий впоследствии не раз говорил: “Поздненько я родился, мне бы в конце прошлого века”. Его основной исследовательской темой стало изучение святилищ Прикамья периода раннего железного века, на это так же оказало влияние два фактора – непосредственное знакомство с Теплоуховским наследием и регулярные походы с друзьями из Ильинского музея на берега реки Масляны, где на склоне поросшей сосняком горы находится Ильинское костыще – место, ставшее роковым в его судьбе.

Вскоре после перехода на работу в Пермский областной краеведческий музей А.Н. Лепихин возглавляет сектор отдела археологии. В его ведении были многие коллекции отдела, в том числе и знаменитая коллекция любимых им Теплоуховых. Он с большой любовью относился к своему хранению. Всегда, кто бы не пришел поработать с коллекцией (от маститого ученого до любопытного школьника), он легко находил любой нужный предмет, и не только излагал его официальную легенду, но и добавлял интересные факты родословной этого предмета. А.Н. Лепихин вел большую популяризаторскую работу: проводил экскурсии, выездные лекции, участвовал в работе передвижного музея. Частым гостем был А. Н. Лепихин на занятиях Школы юных археологов Пермского Дворца

творчества юных, многие выпускники этой Школы свои первые научные рефераты и доклады подготовили под его руководством. А. Н. Лепихин знал множество преданий, легенд, просто занимательных историй, был приятным и интересным собеседником, имел множество друзей. Его “былички” и “сказки” вечером у костра в экспедиции, за дружеским столом во время “вечерних заседаний”, на конференциях всегда были к месту, всегда были живыми и соответствовали моменту. Его было трудно назвать образцовым ученым или музейщиком. Но с вечно растрепанной головой, в вечной безрукавке (“кацавейке” – как он её уничижительно именовал) он прекрасно себя чувствовал как в компании не совсем трезвых механизаторов, пришедших поглазеть “Чей-то копаете”, так и в компании маститых ученых, интересовавшихся содержимым археологических фондов музея.

А. Н. Лепихин автор четырех десятков научных публикаций. В том числе, полтора десятка из них вводили в научный оборот новые данные о кострищах, полученные им самим или при его активном участии. Много внимания уделял он и попыткам паспортизации коллекции Теплоуховых, которая в результате многочисленных перевозок и перетрясок утратила большую часть этикетаж. В последние годы жизни им была подготовлена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, которая успешно прошла предварительную экспертизу в Диссертационном совете при историческом факультете Удмуртского университета. Руководителем этой работы «Кострища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье» являлась Р. Д. Голдина, профессор и зав. кафедрой археологии УдГУ. Понимая важность и значение поднятой Анатолием темы, она, как и многие друзья Анатолия, решительно настаивала на скорейшей доводке диссертации и её защите. Огромное спасибо Римме Дмитриевне, иначе этот труд мог бы и не увидеть света! А Толик, как всегда, не торопился: “Вот еще немного покопаю Слепушку, а то плохо её описал, да и Масляну надо докопать”. К сожалению, защищать диссертацию А. Н. Лепихину не пришлось, хотя ученой степени он был, безусловно, давно достоин.

Группой близких друзей Лепихина еще на поминальном обеде было принято решение издать посмертно не защищенную им диссертацию в виде монографии. Для археологии Прикамья работа эта действительно очень важна – она фактически подводит основные итоги более чем вековому изучению кострищ, резюмирует многие дискуссии, которые ведутся вокруг этих памятников, намечает пути дальнейшего развития исследований данной темы.

В своей Работе (именно с большой буквы!) А. Н. Лепихин приводит много новых фактов, ясно и обоснованно отсортировывает реальные

костища (имея в виду культовые памятники гляденовской культуры) от ряда памятников, которые в силу научной традиции или особенностей терминологии разных регионов также именуется в археологической литературе “костищами”. Ему удается обосновано, на многочисленных этнографических примерах, доказать, что традиции культовой практики, фиксирующейся на костищах, продолжают как у ряда финских, так и у угорских народов Большого Урала – тем самым продемонстрировав действительно выдающееся место, которое занимают эти памятники в историческом прошлом региона. Интересны и наблюдения А.Н. Лепихина за хронологией находок на костищах, особенно на самом крупном, но и наиболее полно изученном – Гляденовском костище. Так судя по аналогиям ряда изделий, в том числе арочных и подковообразных блях с медведем в жертвенной позе, на памятниках потчевашской, усть-ишимской культур и в Айдашинской пещере какие-либо культовые действия могли исполняться на ряде костищ уграми Урала и в период раннего средневековья. Автор указывает на это, утверждая: “С долей условности к позднему периоду существования костища можно отнести фигурки, сюжеты которых имеют продолжение в ломоватовское время”. Вероятно, он прав, оценивая выделенную им весьма позднюю группу железных двурогих наконечников-срезней, как возможно связанных с “кладбищем и жертвищем остяцким” XVI века, разрушенным св. Трифоном Вятским, которое находилось если не на одной из площадок Гляденовского городища, то где-то поблизости от него. Объясняя устойчивое использование как Гляденовского, так и ряда других костищ в культовой практике местного населения на протяжении многих веков, А.Н. Лепихин пишет: “Сохранение многих черт обрядности костищ до этнографической современности объясняется относительно непрерывной линией развития культур раннего железного века и средневековья вплоть до русской колонизации Урала”. Он намеренно не рассматривает вопросы этнической истории Предуралья, углубляясь в археологический анализ. При этом автор проявляет себя, как опытный исследователь-культуролог, анализируя смысловую обрядность костищ и символику жертвенных предметов.

Нельзя не отметить и мягкого, красивого русского языка, которым написана работа А.Н. Лепихина. Он, как и в устной речи, оказался свободен от псевдонаучных оборотов и условностей, текст порой очень точно передает особую манеру Лепихина-рассказчика.

Текст работы, при подготовке её к печати, не подвергался смысловому редактированию. Исправлению подверглись лишь орфография и пунктуация, да несколько механически возникших опечаток в названиях. Единственное на что пришлось пойти – это попытка дополнить ав-

торский текст некими иллюстрациями. Эти скудные иллюстрации, часть из которых заимствована из статей А. Н. Лепихина, часть – из изданий других авторов, конечно, ни в коей мере не восполняет утраченного авторского комплекта иллюстраций, но позволяет акцентировать внимание читателя на тех или иных существенных моментах работы.

В 2008 г. Анатолию Лепихину исполнилось бы сорок пять лет...

А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова

Введение

Крупные и богатые археологические памятники, получившие название костыщ, издавна привлекают к себе внимание исследователей древностей Урала. Костыща известны, по меньшей мере с XVIII века и, по-видимому, сам термин возник в крестьянской среде бывшей Пермской губернии, а затем перешел в научную литературу. Другие местные названия этих памятников – «костяная горка», «костышка», «чучкое молитвище», «лосиное кладбище», «чудская бойня». Изучение памятников этого типа началось в XIX веке, но, тем не менее, с костыщами до сих пор связан ряд спорных и неразрешенных проблем и вопросов. В общих чертах эти проблемы сводятся к следующим:

1. Проблема хронологии и культурной принадлежности памятников. Мнения ученых о датировке костыщ очень разнообразны. Достаточно сказать, что начало существования Гляденовского костыща датируется от VII-VI вв. до н.э.¹ до II в. до н.э.² и даже III-IV вв.³ Финальная дата памятника А. П. Смирновым доводится до VIII в., а В.Ф. Генингом – до II-III вв. Такие же разногласия имеются и по датировке верхнекамских, так называемых «малых костыщ». Принадлежность Гляденовского и близкого к нему по ряду признаков Юго-Камского костыщ к гляденовской культуре в настоящее время никем не оспаривается. Но относительно костыщ бассейнов рр. Сылвы, Обвы, Туя, Гаревой и Косьвы, в научной литературе имеются значительные разногласия. Их относят к позднему этапу гляденовской⁴, ломоватовской⁵, или гаревской⁶ культурам.

¹ Смирнов А.П. Фигурка барана из Гляденовского костыща //Труды государственного исторического музея. Археологический сборник. М.,1960. С.82.

² Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988. С.132-133.

³ Спицын А.А. Гляденовское костыще // Записки Русского археологического Общества. Спб., 1901. Вып 1-2. С.41.

⁴ Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье. Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1980.

⁵ Генинг В.Ф. Памятники харинского времени в Прикамье // Краткие сообщения института истории материальной культуры АН СССР. М., 1955. Вып. 57. С.123; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. С.110.

⁶ Генинг В.Ф. Этническая история ... С.133.

2. Проблема происхождения и исторической судьбы костыщ. Поскольку известно, ни один из археологов не пытался дать развернутого объяснения причин появления столь своеобразных культовых памятников. В. Ф. Генинг обратил внимание на некоторые аналогии между обрядностью костыщ и некоторых памятников ананьинской культуры¹.

А. В. Шмидт объяснял возникновение жертвенных мест, в том числе и костыщ, социально-экономическими причинами². Слабо освещены в литературе и причины исчезновения костыщ с началом эпохи средневековья.

3. Проблема характера костыщ.

С самого начала изучения исследователи однозначно считали памятники этого типа святилищами – жертвенными местами. Об этом говорит само название первой работы, посвященной костыщам, опубликованной А. Е. Теплоуховым в 1880 году³. В. Ф. Генинг в ряде работ⁴ обосновывал предположение, что костыща являются, прежде всего, могильниками с обрядом трупосожжения. некоторое время эту точку зрения разделяли В. А. Оборин⁵ и Ю. А. Поляков⁶. Однако затем оба ученых отошли от точки зрения В. Ф. Генинга, а Ю. А. Поляков подверг ее серьезной критике⁷. С определенными оговорками с В. Ф. Генингом согласилась Р. Д. Голдина, однако она считает, что к концу харинского периода ломоватовской культуры костыща перестают использоваться как погребальные памятники⁸.

4. Проблема реконструкции религиозных представлений и культовой практики населения, оставившего костыща. Разумеется, восстановление в полном объеме религиозных воззрений населения, жившего в Прикамье 1,5–2,5 тыс. лет назад, невозможно, и вряд ли будет возможно когда-либо. Однако материалы раскопок костыщ дают возможность представить многие черты древних обрядов, а привлечение этнографических параллелей,

¹ Генинг В.Ф. Осинское городище // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М., 1959. Вып.1. С.169–170; Генинг В.Ф. Этническая история ... С.167–168.

² Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М., 1932. Вып.1–2. Т.13. С.14–16.

³ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1880. Т. 6. Вып. 1.

⁴ Генинг В.Ф. Осинское городище; он же. Гляденовское костыще – могильник с обрядом трупосожжения // Древности Волго-Камья. Казань, 1977; он же. Этническая история Западного Приуралья.

⁵ Генинг В.Ф., Оборин В.А. К вопросу о гляденовской культуре // Учен. зап. Перм. ун-та. 1960. Т. 12. Вып. 1.

⁶ Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Учен. зап. Перм. ун-та. 1967. № 148.

⁷ Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье. С.132–136.

⁸ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С.110.

прежде всего финно-угорских народов позволяет попытаться установить смысл этих обрядов и религиозную символику вещей, найденных на костыщах. Что касается конкретных форм религиозных представлений – «культ животных», «культ Солнца» и т.п., то они могут быть приписаны людям той эпохи лишь гипотетически, с большей или меньшей степенью вероятности.

Таковы основные проблемы, связанные с прикамскими костыщами. Попытка решить их и является основной целью данной работы. Кроме того, задачей работы является введение в научный оборот неопубликованных материалов костыщ.

Источники по костыщам довольно многочисленны. Прежде всего, это материалы раскопок и сборов известных ученых А. Е. и Ф. А. Теплоуховых, хранящиеся в фондах Отдела археологии Пермского областного краеведческого музея. Здесь представлены коллекции с Гаревского, Ильинского, Усть-Туйского, Панкрашинского, Пьянковского, Останинского (оно же Пермское или Косьвинское) и один предмет из Черновского костыщ. Всего 9 коллекций, включающих 1481 единицу хранения. Из них только Гаревское костыще исчерпывающе опубликовано вскоре после раскопок¹, материалы остальных введены в научный оборот в незначительной степени. Следует отметить, что по ряду причин коллекции из раскопок XIX в. оказались частично депаспортизированными, что снижает возможность их использования. Материал раскопок Гляденовского костыща 1896-1897 гг. в настоящее время разделен на две части: одна (9888 единиц хранения) находится в Пермском областном краеведческом музее, другая (4444 единицы хранения) – в фондах Государственного исторического музея.

Коллекции раскопок советского периода также, в основном, хранятся в фондах Пермского музея. Это материалы раскопок Усть-Туйского (1952 г.), Гляденовского (1980-1984, 1990, 1995-1997 гг.), Юго-Камского (1964-1965, 1998-1999 гг.), Слепушкинского (1991-1994 гг.) костыщ. Здесь же хранится и весь остеологический материал с этих памятников (кроме Усть-Туйского). Отдельные предметы, главным образом случайные находки, изучены также в фондах Кабинета археологии Пермского госуниверситета (ПГУ) и Ильинского районного краеведческого музея Пермской области.

Из архивных материалов дореволюционного времени наибольшее значение для данной темы имеет рукопись неопубликованной статьи Ф. А. Теплоухова «Период древнейших костыщ» (1899 г.). Три варианта ее

¹ Теплоухов А. Е. О доисторических жертвенных местах...

хранятся в архиве ПОКМ. Были использованы также обрывочные записи Теплоуховых из фондов Государственного архива Пермской области и Ильинского районного краеведческого музея. Автору удалось также ознакомиться с Археологическим дневником первого исследователя костищ А. Е. Теплоухова, хранящемся в архиве ИИМК в Петербурге. Основные архивные материалы, посвященные костищам, хранятся в архиве Кабинета археологии ПГУ. Это отчеты о раскопках Усть-Туйского (автор В. Ф. Генинг, 1952 г.), Юго-Камского (Ю. А. Поляков, 1964-1965 гг.) Гляденовского и Слепушкинского (А. Д. Вечтомов, 1980-1984 гг., А. Ф. Мельничук, 1991 г.) костищ. Наибольшую информацию содержат отчеты Ю. А. Полякова и А. Ф. Мельничука. Там же хранятся отчеты о разведках 1950-х гг. Ю. А. Полякова 1954 г. и Н. В. Воронковой 1963 г., в ходе которых были осмотрены Ильинское, Панкрашинское и Топосихинское костища и сняты их планы. Земляных работ в ходе этих разведок не проводилось, поэтому информативность этих отчетов невелика. Отчеты автора о раскопках Слепушкинского, Гляденовского и Юго-Камского костищ с 1992 по 1999 годы хранятся в архиве ПОКМ. Материалы по раскопкам могильников позднего этапа ананьинской и гляденовской культур были предоставлены автору В. П. Денисовым, В. П. Мокрушиным и С. Н. Коренюком, а по исследованию Ломотинского костища – Г. Т. Ленц, за что автор приносит глубокую благодарность этим археологам.

Впервые научные исследования были проведены А. Е. Теплоуховым на Гаревском костище в 1874 году. Результаты раскопок были довольно быстро опубликованы. Ряд памятников был осмотрен А. П. Ивановым в 1881 году, в том числе Гординское и Останинское костища. Но раскопки при этом не проводились. В 1880-90-е годы Ф. А. Теплоухов провел раскопки на ряде костищ, находившихся на землях Пермского нераздельного имения Строгановых (ныне Ильинский и Добрянский районы Пермской области). Были исследованы Ильинское, Панкрашинское, Останинское и Усть-Туйское костища. Ф. А. Теплоухов систематизировал и описал собранный материал в специальной работе «Период древнейших костищ», но она осталась неопубликованной. В другой работе Ф. А. Теплоухов, исследуя среди прочих предметы культового литья с костищ, пытался связать их с угорским этносом¹. Ф. А. Теплоухов обратил внимание другого исследователя, С. И. Сергеева, на Гляденовское костище и в 1896 г. тот начал его раскопки. Затем их продолжил председатель Пермской ученой архивной комиссии Н.Н. Новокрещенных. Всего за 1896-97 гг. на костище была вскрыта площадь в 170 кв. сажен (771 кв. м) и получен огромный

¹ Теплоухов А.Ф. Древности камской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Пермь, 1893. Т.2. С.70.

материал. Результаты раскопок были оперативно опубликованы известным русским археологом А. А. Спицыным¹. Отчет автора раскопок был опубликован посмертно с примечаниями Ф. А. Теплоухова². Кроме того, Н. Н. Новокрещенных осмотрел еще два небольших костыща – Топосихинское на р. Н. Мулянка и Пьянковское в нынешнем Осинском районе Пермской области³. Раскопки на этих памятниках не проводились, место хранения материала неизвестно. После этого в исследованиях костыщ наступил долгий перерыв.

В 1936 году А.В. Збруевой был произведен осмотр и сбор подъемного материала на Усть-Туйском костыще⁴, а в 1937 году – на Гляденовском городище и костыще⁵. Собранный при этом материал был невелик. В 1949-1950 гг. В.Ф. Генинг провел основательную шурфовку Гляденовского городища и костыща. На площадке костыще были заложены 16 шурфов, на остальной площади городища – 11. Судя по публикации⁶, результаты этих работ были невелики. Кроме того, в 40-60-е годы XX в. проводились многочисленные выезды на ряд костыщ: в 1949 В.Ф. Генинг побывал на Усть-Туйском, Ильинском и Гаревском костыщах, в 1957 г. Г. Шокшув – на костыще «Костяная горка» (Юго-Камское), в 1963 г. Н. В. Воронкова – на Топосихинском, в 1958 А. Д. Вечтомов, а в 1966 Ю. А. Поляков – на Гляденовском городище. Материалы всех этих разведок представлены исключительно фрагментами керамики и отдельными костями.

В 1952 году В. Ф. Генинг провел стационарные раскопки Усть-Туйского костыща. Вскрытая площадь составила 450 кв. м. Результаты раскопок были очень кратко опубликованы три года спустя⁷. Важным этапом в исследовании костыщ и гляденовской культуры в целом стали раскопки Юго-Камского костыща под руководством Ю. А. Полякова в 1964-1965 гг. Впервые в советское время было почти полностью раскопано нетронутое ранее костыще, установлены его планировка, стратиграфия, изучен ряд жертвенных сооружений. Общая площадь двух раскопок составила 620 кв. м. Тем не менее, полностью костыще раскопано не было.

¹ Спицын А. А. Гляденовское костыще.

² Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1914. Вып.11.

³ Новокрещенных Н.Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1901. Т.IV. С.123, 132.

⁴ Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. Вып.27, № 876.

⁵ Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. Вып.30. С. 263-264.

⁶ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С. 135-137.

⁷ Генинг В.Ф. Памятники харицкого времени в Прикамье. С.115-123.

В 1980 году при проведении охранных работ на Гляденовском городище А. Д. Вечтомовым была прошурфована площадка костыща и выявлен мощный костеносный слой с находками бусин и наконечников стрел. Дальнейшие исследования 1981-1984 гг. на площади 500 кв. м позволили получить новые материалы, дающие возможность уточнить хронологию этого памятника. По мнению А. Д. Вечтомова, на костыще исследовались не изученные Н. Н. Новокрещенных участки памятника. Однако относительно небольшое количество находок культовых предметов, сильно фрагментированная посуда, отсутствие каких-либо крупных скоплений костей, жертвенников позволяет утверждать обратное – исследовались перекопы 1896-97 гг., так как методика раскопок того времени была далека от совершенства, и при траншейном методе исследований рабочие естественно могли пропускать часть предметов, оставляя иногда нераскопанные участки. Лишь северо-западный склон костыща, где было найдено жертвенное захоронение жеребенка, не был исследован в 1896-1897 гг. Однако А. Д. Вечтомовым было установлено, что под слоем костыща находится культурный слой с керамикой позднего этапа ананьинской культуры (V-III вв. до н.э.), который в ходе раскопок 1896-97 гг. совершенно не исследовался. В 1990 году раскопки костыща были продолжены отрядом Камской археологической экспедиции под руководством А. Ф. Мельничука. В раскопе, расположенном в северной части площадки костыща и на его склоне, выявлен костеносный слой с многочисленными находками культовых предметов, наконечников стрел, бус и, что крайне важно, впервые зафиксированы жертвенники и жертвенные комплексы. Площадь раскопа – 92 кв. м.

В 1995-1997 гг. раскопки Гляденовского костыща были продолжены под руководством автора. Вскрыта площадь 280 кв. м. и изучен ряд сооружений и объектов.

В 1991-94 гг. под руководством А.Ф. Мельничука и автора были проведены раскопки Слепушкинского костыща на р. Сылве. Всего вскрыто 285 кв. м. Несмотря на то, что памятник сильно разрушен водами Камского водохранилища, раскопки дали очень богатый и интересный материал, позволяющий характеризовать поздний этап развития костыщ.

Наконец, в 1997 году С.Р. Казанцевым были проведены охранные раскопки на Юго-Камском костыще. В ходе раскопок выяснилось, что и этот памятник исследован не полностью. В 1998-1999 гг. раскопки были продолжены автором. Общая площадь составила 280 кв. м. Несмотря на то, что исследовались в основном периферийные участки, результаты раскопок оказались довольно интересными.

Исследования костыщ гляденовской культуры отражены в довольно большом количестве научных работ. Самая ранняя из них принадлежит

А. Е. Теплоухову и посвящена раскопкам Гаревского костыща. Помимо подробного описания материала и некоторых деталей, в статье приводятся некоторые аналогии с обычаями остяков (хантов) и коми-пермяков, а также с археологическими находками из Западной Европы. Чуть позже вышла работа А. П. Иванова. В ней изложены результаты осмотра ряда археологических памятников, в том числе Гординского, Ивкинского, Останинского и Пастаноговского костыщ¹.

Наиболее подробно были опубликованы результаты раскопок Гляденовского костыща, проведенных в 1896-97 гг. С. И. Сергеевым и Н. Н. Новокрещенных. Работа Н. Н. Новокрещенных, вышедшая посмертно с примечаниями Ф. А. Теплоухова в 1914 году, представляет собой очень подробный отчет о раскопках, сопровождаемый большим количеством иллюстраций². Статья А. А. Спицына³ имеет более аналитический характер. В ней исследователь дает анализ находок, датировку и характер памятника. Уникальный материал костыща рассматривается в связи с материалом других памятников археологии – Ананьинского могильника, Томских курганов и других. Сводная работа по костыщам Пермской губернии, написанная Ф. А. Теплоуховым, осталась неопубликованной.

В советское время проблемой костыщ занялся А. В. Шмидт⁴. Значение его работы очень велико, несмотря на сравнительно небольшой объем. В ней впервые возникновение и развитие жертвенных мест связывается с эволюцией древних обществ и их экономики. Несмотря на характерную для тех времен модернизацию (употребление термина «торговый капитал» и т.д.), основные выводы А. В. Шмидта не потеряли своего значения до сих пор. Описание Гляденовского городища, на котором расположено костыще дано в работах А. В. Збруевой и Н. А. Прокошева. Оба исследователя считали, что городище возникло раньше костыща и неразрывно связано с ним⁵. А. П. Смирнов впервые после А.А. Спицына провел детальный анализ коллекции Гляденовского костыща⁶. Материал был им разделен на три хронологические стадии: 1. IV-III вв. до н.э.;

¹ Иванов А.П. Материалы к антропологии Пермского края // Труды общества естествоиспытателей при Казанском ун-те. Казань, 1881. Т. X. Вып. 1.

² Новокрещенных Н. Н. Гляденовское костыще.

³ Спицын А. А. Гляденовское костыще.

⁴ Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края.

⁵ Збруева А.В. История населения Прикамья. С. 263; Прокошев Н.А. Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье // Советская археология. М., 1948. Т. 10. С.198-199.

⁶ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. Вып.28; Смирнов А. П. Фигурка барана из Гляденовского костыща.

2. II в. до н.э.-III в. н.э.; 3. IV-VI вв., возможная нижняя дата доводилась им даже до VII-VI вв. до н.э.¹. Ильинское костыще по А. П. Смирнову относится к первым вв. н.э., Останинское возникло в IV-V вв., остальные датированы им первой половиной I тыс. н.э.²

Все перечисленные исследователи считали костыща жертвенными местами. В 1960 году В. Ф. Генинг и В. А. Оборин выдвинули предположение, что костыща и, прежде всего Гляденовское, были коллективными могильниками с обрядом трупосожжения. Впоследствии В. Ф. Генинг дал развернутое обоснование этой гипотезы³. Гляденовское и Юго-Камское костыща он датировал III в. до н.э. – II в. н.э., а все остальные относил к выделенной им гаревской культуре III – V вв. Малым костыщам Верхнего Прикамья посвящена одна из глав монографии Р. Д. Голдиной⁴. Она обосновывает довольно позднюю дату этих памятников и относит их к ломоватовской культуре. Относительно характера памятников Р. Д. Голдина с некоторыми оговорками поддерживает точку зрения В. Ф. Генинга. Первоначально ее поддержал и Ю. А. Поляков⁵, однако затем подверг ее критике⁶.

Результаты раскопок Гляденовского костыща 1980-90-х гг. были кратко опубликованы А. Д. Вечтомовым в сборниках Археологические открытия за 1982-85 гг., а затем более подробно – А. Ф. Мельничуком и автором⁷. Ими же опубликованы и материалы раскопок костыща Слепушка – самого позднего по времени обнаружения памятника этого типа⁸. Материал Ильинского костыща частично опубликован автором⁹.

Несмотря на довольно большое количество публикаций, посвященных костыщам, надо отметить, что изучены они неравномерно. Более или менее полно введен в научный оборот только материал Гляденовского,

¹ Смирнов А. П. Фигурка барана из Гляденовского костыща. С. 82.

² Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории... С. 94.

³ Генинг В. Ф. Гляденовское костыще; он же. Этническая история Западного Приуралья.

⁴ Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С. 99-112.

⁵ Поляков Ю. А. Итоги изучения памятников ...

⁶ Поляков Ю. А. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье; Поляков Ю. А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001. Вып. 1.

⁷ Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф. К проблеме хронологии костыщ гляденовской культуры // Полевой симпозиум «Святыни и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996; они же. Гляденовское костыще. Раскопки 1995-1997 гг. Каталог коллекций. Пермь, 1999.

⁸ Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф. Костыще Слепушка – жертвенное место поздней стадии развития гляденовской культуры // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998.

⁹ Лепихин А. Н. Материалы Ильинского костыща в фондах Пермского музея // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001. Вып. 1.

Ильинского, Слепушкинского и Гаревского костыш. Жертвенные сооружения и другие детали устройства памятников освещены недостаточно.

Одной из категорий находок Гляденовского костыша, бляхам и пластинам с изображениями, посвящена небольшая, но очень информативная работа И. В. Белоцерковской¹. Кроме того, много вещей с костыш опубликовано в различных сводных работах².

¹ Белоцерковская И. В. Гравированные изображения из Гляденовского костыша // Труды Государственного исторического музея. М., 1990. Вып. 74.

² Спицын А.А. Гляденовское костыше; Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976; Оборин В. А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988 и др.

ГЛАВА I. ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОСТИЩ. СООРУЖЕНИЯ И ДЕТАЛИ

1.1. Территориальное расположение костыщ. Топография

В настоящее время на территории Пермской области известны следующие памятники, характеризующиеся как костыща:

1. Гляденовское. Находится на средней площадке одноименного городища на левом берегу р. Нижней Мулянки, левого притока Камы, в окрестностях г. Перми. Раскопки проводились в 1997-98 гг. С. И. Сергеевым и Н. Н. Новокрещенных, в 1981-84 гг., А. Д. Вечтомовым, в 1991 г., А. Ф. Мельничуком, в 1995-97 гг., автором.

2. Юго-Камское. Находится на площадке Юго-Камского I городища на правом берегу р. Юг, левого притока Камы, в окрестностях пос. Юго-Камск Пермского района. Раскопки проводились в 1964-65 гг. Ю. А. Поляковым, в 1997 г. — С. Р. Казанцевым, в 1998-99 гг. — автором.

3. Ильинское. Находится на склоне площадки одноименного городища на правом берегу р. Масляны, правого притока р. Обвы, правого притока р. Камы на территории пос. Ильинский. Раскопки А. Е. Теплоухова в 1874 г.

4. Усть-Туйское. В устье р. Малый Туй, правого притока Камы, в окрестностях д. Усть-Туй Добрянского района. Раскопки Ф. А. Теплоухова 1890 г., В. Ф. Геннинга — в 1952 г. В настоящее время размыто Камским водохранилищем.

5. Гаревское. Левый берег р. Гаревая, правого притока Камы в районе д. Старо-Гаревая Добрянского района. Раскопки А. Е. Теплоухова в 1871-72 гг. Скорее после раскопок было разрушено, при вывозке костей на фосфорный завод¹.

6. Панкрашинское. Находится на левом берегу р. Солонина, правого притока р. Б. Туй, правого притока Камы, в окрестностях д. Панкраши Ильинского района. Раскопки Ф. А. Теплоухова 1880-е гг.

¹ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах... С. 4.

7. Останинское (Перемское, Косьвинское). Правый берег р. Косьвы, левого притока Камы, в окрестностях д. Останино Добрянского района. Раскопки проводились помощниками А.Е. Теплоухова в 1870-е гг.¹

8. Слепушкинское. Левый берег р. Сылвы, левого притока р. Чусовой, близ д. Слепушка Пермского района. Раскопки А.Ф. Мельничука и автора в 1991-94 гг.

9. Ломотинское. Правый берег р. Сылвы в 700 м к юго-западу от д. Ломотина Кунгурского района. Открыто Г. А. Шокшуевым в 1961 г. В обнажении берега прослежен костеносный слой мощностью 0,5-1,5 м, в котором найден трехгранный костяной наконечник стрелы. Обследовано Г. Т. Ленц в 1981 г. На берегу найден череп и две нижних челюсти коровы. В 1995 г. осмотрено Г. П. Головчанским и автором. Находок не обнаружено, но, по словам местных жителей, ранней весной на берегу иногда находят кости.

10. Черновское. Правый берег р. Черной, правого притока Камы, близ д. Черной Краснокамского района. Раскопки не проводились. Материал представлен единственной фигуркой всадника, хранящейся в Пермском музее².

11. Топосихинское. Левый берег р. Н. Мулянка, левого притока Камы, в районе с. Башкултаево Пермского района. Обследовалось Н. Н. Новокрещенных в 1900 г., Н. В. Воронковой — в 1963 г. Находки были представлены бусами и костяными наконечниками стрел³. Материал не сохранился.

12. Пастоноговское (Пыстоноговское). Находится на площадке одноименного городища на левом берегу р. Обвы, правого притока Камы. Раскопки не проводились⁴.

13. Ыкское. Правый берег р. Иньвы, правого притока Камы, в окрестностях д. Ык (Ик) Кудымкарского района Коми-пермяцкого Автономно-го округа⁵. Раскопки не проводились.

14. Пьянковское (Лужковское). На р. Лужковой, левом притоке Очера, около д. Пьянковой Оханского района. В.Н. Шишонко указывает, что “в дачах Очерского завода, на верховье р. Лужковой, у починка Пьянковского, есть три или четыре ямы, наполненные размозженными костями лосей, оленей и др. животных”⁶. Раскопки не проводились. В фондах ПОКМ хранится костяной наконечник и кости животных.

¹ Иванов А.П. Материалы к антропологии Пермского края. С. 39.

² Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // Материалы по археологии России. СПб, 1902. Вып.26. Табл. IV, 7.

³ Новокрещенных Н.Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии. С.123.

⁴ Иванов А.П. Материалы к антропологии Пермского края. С.24.

⁵ Смирнов И.Н. Пермяки // Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете. Казань, 1891. Т.IX. Вып.2. С.262.

⁶ Шишонко В.Н. Пермская летопись. IV период. Пермь, 1884. С.627.

15. Пьянковское (Осинское). Между д. Пьянково Осинского района и р. Пизь, левым притоком Камы. Обследовалось Н. Н. Новокрещенных в 1890-е гг.¹ Раскопки не проводились. Место хранения материала неизвестно.

16. Митрохинское. На р. Качке, левом притоке р. Камы, у д. Митрохины Пермского района². Раскопки не проводились.

17. Феклятское. На р. Черной, левом притоке р. Полуденной, правого притока р. Камы, в 3 км к востоку от с. Филатова Ильинского района. В качестве костища упоминается А. В. Шмидтом³. В районе деревни найдено медное изображение лошади, датированное А. А. Спицыным III-IV вв., и крупная пастовая бусина⁴.

18. Подбобыкское (Камень Светик). Левый берег р. Колвы, правого притока р. Вишеры, близ бывшей д. Подбобыка Чердынского района. Раскопки С. И. Сергеева 1895 г.⁵

19. Городищенское. «Около д. Городище (9 район) вблизи р. Камы, Соликамского уезда»⁶. Раскопки не проводились.

За пределами ареала гляденовской культуры известны также: Ивкинское костище на р. Юм, левом притоке р. Пижмы в Кировской области, Гординское, недалеко от истока р. Камы⁷, Тынское и Туманское на р. Тавде и Юдинское на р. Туре – притоках Иртыша⁸.

Список костищ выглядит довольно внушительным, но при более внимательном изучении выясняется, что далеко не все характеризуемые авторами как костища памятники являются таковыми на самом деле.

Основными признаками гляденовских костищ являются, во-первых, наличие слоя пережженных костей и костной золы, а во-вторых, слоя сырых костей, который расположен вокруг зольного слоя, а иногда перекрывает его.

Исходя из этих признаков, только первые 8 памятников из приведенного выше списка можно, безусловно, считать костищами. Все они в той или иной мере подвергались раскопкам. Ломотинское костище обследовалось

¹ Новокрещенных Н.Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии. С. 132.

² Звезда. 1938. 2 сент. (№ 203).

³ Шмидт А. В. Жертвенные места Камско-Уральского края. С. 8.

⁴ Спицын А. А. Древности Камской чуди. Табл. IV,3; XXXVI, 7.

⁵ Сергеев С.И. Раскопки на р. Колве Чердынского уезда // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1901. Т.22.

⁶ Теплоухов Ф.А. Период древнейших костищ. 1899. // Архив Пермского областного краеведческого музея. № 11409/14. С.1.

⁷ Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. С.29, 190; Иванов А.П. Материалы к антропологии Пермского края. С. 8-9.

⁸ Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987. С.166.

уже сильно разрушенным и его можно отнести к этому типу памятников лишь условно. Черновское и Феклятское костыще представлены отдельными находками, которые по облику относятся к гляденовскому времени, но поскольку неизвестно, в каких условиях они залегали, остается неясным и характер памятника. Это может быть селище, клад или, скорее всего, случайная находка. Вещевой материал Пьянковского (Лужковского) костыща представлен единственным костяным наконечником стрелы, который невозможно точно датировать. Поэтому и сам памятник интерпретировать как костыще нельзя. Митрохинское костыще названо так только в заметке в Пермской областной газете. Осмотревший его М.В. Талицкий нашел на пашне лишь несколько костей и обломков керамики¹. Сплошного слоя костей там, по-видимому, не было. Отнесение к костыщам памятника у д. Пастоновой вообще основано на недоразумении. На самом деле это не что иное, как широко известное Рождественское городище родановской культуры. Правда культурный слой этого городища содержит много костей животных (сообщение А. М. Белавина). То же относится и к Городищенскому костыщу. На самом деле это городище, исследованное А.М. Белавиным и датированное родановским временем. Подбобыкское святилище по ряду признаков также отличается от костыщ и относится к иной культурной традиции. Что касается остальных перечисленных выше памятников, они известны только по кратким (иногда в 3-4 строки) сообщениям и невозможно установить ни их датировку, ни характер. То же относится к Ивкинскому и Гординскому костыщам. Только твердая локализация и хотя бы небольшие раскопки могут помочь выяснить истинный характер этих археологических объектов. Итак, в данной работе будут использованы, прежде всего, материалы 8 прикамских костыщ, на которых проводились раскопки.

Территориально костыща в основном совпадают с племенными группами гляденовской культуры, выделенными Ю. А. Поляковым². Наибольшее количество костыщ находится в пределах Туйско-Обвинской племенной группы. Это Ильинское, Усть-Туйское, Гаревское и Панкрашинское костыща. В Сылвенско-Чусовской группе известны Слепушкинское и разрушенное Ломотинское костыща, в мулянской – Гляденовское и недостоверные Топосихинское и Митрохинское, в юговской – Юго-Камское. Некоторые недостоверные костыща также находятся в пределах определенных племенных групп: Черновское и оба Пьянковских. За пределами ареала гляденовской культуры известно только одно достоверное костыще – Останинское на р. Косьве.

¹ Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. С. 52.

² Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры ... С.202-203.

Описания Гляденовского городища и костыща, встречающиеся в литературе, наиболее разноречивы. Это справедливо отмечено В. Ф. Генингом¹. Однако и сам В. Ф. Генинг допустил ошибку, преуменьшив высоту городища почти в два раза, – 60 м вместо 105². Следует признать, что, несмотря на устаревшую терминологию («остряк» вместо «мыс» и т. д.), наиболее подробно и точно памятник описан Н. Н. Новокрещенных³. В 1989 году на Гляденовском городище В. П. Мокрушиным была проведена инструментальная съемка, которая в целом подтвердила данные Н. Н. Новокрещенных.

Гляденовское костыще (рис.1) находится на территории одноименного городища в 2 км к западу от д. Малое Савино Пермского района Пермской области. Деревня Гляденово, давшая название памятнику, в настоящее время полностью разрушена. Гляденовское городище занимает длинный мыс левого коренного берега р. Камы. У подножия мыса протекает р. Нижняя Мулянка, впадающая в р. Каму в 3,5 км южнее городища. С севера и юга мыс ограничен глубокими древними логами, поросшими хвойным лесом, главным образом еловым. Площадка мыса имеет в длину около 500 м и ширину от 15 до 120 м. Наибольшая высота над уровнем р. Нижняя Мулянка достигает 106 м и зафиксирована у почти разрушенного карьером наружного вала, на котором стоит триангуляционная вышка.

Сохранившийся к настоящему времени участок вала имеет длину не более 40 м, высоту 2,5 – 3 м. До разрушения длина его достигала 140 м. К западу от вала ранее находилась площадка Гляденовского городища ананьинского и гляденовского времени, размеры которой достигали 200 x 120 м. Ныне эта площадка полностью разрушена карьером для добычи гравия. Далее на запад мыс резко сужается и на протяжении около 300 м понижается почти на 30 м. Второй вал и небольшой ров перед ним ограничивают с запада территорию средней площадки городища, на которой и находится Гляденовское костыще. Размеры ее 100 м на 150 м. Длина второго вала более 50 м при высоте не более 1 м, глубина рва около 40 см. Ров и вал заросли деревьями и кустарником, сильно заплыли и в настоящее время почти незаметны. Площадка костыща покрыта высокой травой, в западной части – кустарником. Далее к западу от второго вала, имевшего, очевидно, декоративный или культовый характер, простирается третья площадка городища. Длина ее около 160 м, ширина 130 м. Эта площадка покрыта густым еловым лесом, частично – сухостоем.

¹ Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья. С. 134-135.

² Там же.

³ Новокрещенных Н. Н. Гляденовское костыще. С. 22-24.

Юго-Камское костыще находится в 2 км к юго-западу от пос. Юго-Камск Пермского района Пермской области. Оно расположено на площадке Юго-Камского I городища на мысу коренного правого берега р. Юг, левого притока р. Камы, в 6 км от устья. Мыс имеет довольно крутые склоны, поросшие хвойным лесом. С юга он ограничен поймой р. Юг, с запада и востока – двумя оврагами. В западном овраге протекает небольшой ручей, имеющий местное название «Холодный ключ». Высота площадки над уровнем р. Юг достигает 84 м.

Площадка городища, расположенная на вершине мыса, имеет размеры 125 м x 42 м и вытянута по оси север – юг. Она сильно заросла деревьями, главным образом хвойными и кустарником. В центральной части высота площадки несколько больше, чем по краям. С севера площадка ограничена дугообразным валом, идущим в направлении с северо-востока на юго-запад. Длина его достигает 42 м, ширина – 6 м, наибольшая высота – 2,20 м. Вал сильно зарос лесом и кустарником, в центре его заметна впадина – след траншеи Ю. А. Полякова 1964 года. Напольный ров, отмеченный этим исследователем в отчете о раскопках 1964 г. в настоящее время заплыл и почти незаметен. Длина его вероятно около 40-50 м. Костыще занимает южную половину площадки и западный склон городища. Площадь распространения костей точно не установлена из-за сильной залесенности памятника. Но она составляет не менее 1,5 тыс. кв. м. Городище и расположенное на нем костыще издавна известны местному населению под названием «Костяная гора» или «Костышка». На костыще зафиксировано несколько кладоискательских ям.

Слепушкинское костыще расположено в 1 км к западу от д. Слепушка Пермского района Пермской области и находится на краю левого коренного берега р. Сылвы (ныне Сылвинский залив Камского водохранилища), сложенного древними известняковыми породами. Береговая полоса интенсивно разрушается в результате абразионных процессов. Прослеженные береговые обнажения в настоящее время имеют мощность до 4 м. Площадь сохранившегося костеносного слоя – до 2000 кв. м. На площадке костыща отмечается активный выход родниковых вод. Перепад высот от береговой кромки до южной оконечности памятника составляет почти 15 м, что дает основание предполагать наличие оползневых процессов, которые могли значительно повлиять на современное геоморфологическое положение святилища. Скорее всего, значительная часть костыща располагалась ранее на ровной площадке, где могли находиться основные жертвенники, а остальная часть занимала относительно пологий, обращенный к р. Сылве склон берега, на котором также были сконцентрированы сложные культовые объекты. Особенностью костыща Слепушка является

интенсивное известкование основного костеносного слоя, который под воздействием грунтовых вод в результате осаждения известняка местами превращен в окаменевший монолит.

Ильинское городище и костище находится на территории пос. Ильинский Пермской области, на южной его окраине. Городище расположено на сравнительно невысоком (до 19 м) мысу правого коренного берега р. Масляна, правого притока р. Обвы. С запада и востока площадка городища ограничена двумя оврагами, площадь его около 18 тыс. кв. м., с северной стороны расположен вал подковообразной формы длиной около 120 м, шириной до 6 м и высотой в центре до 2,10 м, по краям – 1,40-1,60 м. Поверхность площадки покрыта густым сосновым лесом. Костище приурочено к южному склону городища. Костище имело форму овала, вытянутого вниз по склону размерами 16 x 6 сажен, 420 кв. м¹. Исследования А. Ф. Мельничука и автора в 1995 и 1999 гг. показали, что площадь памятника значительно больше. Костеносный слой мощностью 30-40 см продолжается выше по склону на 60-70 м и занимает южную кромку площадки городища. Общая площадь костища не менее 5000 кв. м.

Усть-Туйское костище находилось в 200 м к юго-западу от д. Усть-Туй (ныне несуществующей) Добрянского района Пермской области. Оно располагалось на краю второй надпойменной террасы р. Кама на правом берегу р. Малый Туй, правого притока Камы. Высота памятника над уровнем реки до 20 м. Расстояние до Камы – 550 м, до М. Туя – 370 м. Площадка памятника издавна распахивалась. Площадь костища по Ф. А. Теплоухову составляла 8,5 x 4,5 сажени, около 180 кв. м. Видимо, он имел в виду слой сплошных костей, которых было так много, что они «вывертывали соху»². На самом деле площадь памятника значительно больше. Во всяком случае, раскопом В.Ф. Генинга 1952 года площадью в 450 кв. м костище исчерпано не было. В настоящее время памятник полностью разрушен Камским водохранилищем.

Панкрашинское костище находится в 400 м к востоку от д. Панкраши Ильинского района Пермской области. Оно расположено на водоразделе между бассейнами р. Б. Туй и р. Полуденной (р. Сюзиха). Возвышенность, на которой находится костище, с севера и северо-запада ограничена р. Б. Туй, а с востока и юга - глубоким оврагом, по дну которого течет ручей под местным названием Солонина. Высота площадки костища над уровнем реки до 18 м, размеры – 80 x 60 м. Площадь костища Ф.А. Теплоухов определяет в 11 x 10 сажен, то есть около 480 кв. м.³, мощность слоя неизвестна.

¹ Теплоухов Ф.А. Период древнейших костищ. С. 28

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 17.

Гаревское костыще по описанию А. Е. Теплоухова находилось на высоком горном хребте на правом берегу Камы при устье ее притока Гаревая близ деревни Старая Гаревая. Видимо, имеется в виду водораздел между р. Гаревая и Полуденная. Высота костыща неизвестна, в настоящее время оно разрушено Камским водохранилищем. Размеры слоя сплошных костей 270 кв. м., мощность – до 1 м¹.

Останинское костыще находится близ д. Останино Добрянского района Пермской области. Оно расположено на мысу коренного берега р. Косьвы, левого притока р. Камы. Высота площадки над рекой – до 25 м. Площадь и мощность костеносного слоя неизвестны.

Разрушенное Ломотинское костыще находилось поблизости от высокой скалы на коренном правом берегу р. Сылвы, правда неизвестно, находилось ли оно на ее вершине.

Таким образом, костыща так или иначе приурочены к высоким участкам местности. Гляденовское, Юго-Камское, Ильинское и Останинское костыща располагались на мысах, Слепушкинское – на краю коренного берега, Усть-Туйское – на краю террасы. Панкрашинское и, вероятно, Гаревское костыща занимали водораздельные возвышенности. Однако далеко не всегда костыща располагались именно на самой высокой точке местности. Гляденовское костыще находится не на верхней площадке городища (106 м), а на 30-35 м ниже, на средней площадке. Рядом с Костяной горкой (местное название Юго-Камского костыща) находятся гораздо более высокие холмы. Слепушкинское костыще имеет высоту около 14-16 м над уровнем р. Сылвы, а соседнее Усть-Громотухинское городище – до 30 м. Примерно в 2-3 верстах от Усть-Туйского костыща находятся «довольно высокие угоры, сопровождающие течение обоих Туев². Очевидно, при выборе места для устройства святилища гляденовцы руководствовались не только арифметическими показателями высоты. Вероятно, главным критерием был хороший обзор окружающей местности и, главным образом, поймы главной реки (Камы, Обвы, Сылвы, Косьвы). Во всяком случае, это справедливо по отношению к Гляденовскому, Юго-Камскому, Слепушкинскому и Ломотинскому костыщам. Ни с одной из соседних с этими памятниками возвышенностей не открывается такая широкая панорама. С опушки хвойного леса Панкрашинского костыща открывается вид на долину реки Полуденной³. Останинское (Перемское) костыще «расположено на мысу высокой горы, господствующей над рекой»⁴.

¹ Теплоухов А. Е. О доисторических жертвенных местах. С. 2.

² Теплоухов Ф. А. Период древнейших костыщ. С. 19.

³ Там же. С.17.

⁴ Там же. С.28.

Другим условием для создания святилища на определенной возвышенности было наличие на ней или поблизости выходов грунтовых вод, родников или ручьев. Это обстоятельство отмечено на Гляденовском, Юго-Камском, Слепушкинском, Ильинском, а также близ разрушенного Ломотинского костыщ. Ручей под названием Солонина течет с восточной стороны Панкрашинского костыща, правда, не так близко, как в других случаях. Родники и ручьи имели в первую очередь утилитарное значение – в них брали воду для питья и приготовления пищи. Но, в то же время родникам могло придаваться и сакральное значение, как местам обитания потусторонних существ и путям, ведущим в Нижний мир. Почитание родников зафиксировано у многих финно-угорских народов Урала, Поволжья и Сибири. По представлениям удмуртов у родников, оврагов и речек жили злые духи кутиси, которым приносили небольшие жертвы¹. В прошлом каждая эстонская деревня имела свой священный родник. «Эсты временами видели даже неуклюжего парня в синих и желтых чулках, выходящего из священного ручья Вехганды, без сомнения того же духа ручья, которому в прежние времена они приносили в жертву животных и маленьких детей². К родникам часто приурочены удмуртские святилища типа куала³ и Луд⁴, а также марийские кереметища⁵. У удмуртов и марийцев отмечены жертвоприношения уток и гусей, совершавшиеся около родников⁶. Одно из чувашских святилищ называлось «Киремет – холодный родник»⁷. В связи с этим надо отметить, что ручей, текущий в логу под западным склоном Юго-Камского костыща, также носит название Холодный. Культурные трапезы у родников известны у мордвы и манси⁸.

Наконец, Гляденовское и Юго-Камское костыща приурочены к выходам медистых песчаников. В северном склоне Гляденовской горы до недавнего времени видна была штольня XVIII в., которую местные жители называли «пещерой». Вероятно, такое соседство также неслучайно.

Представление о том, что горы и высоты связаны с потусторонними (но не обязательно небесными) силами, было характерно для многих

¹ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 137.

² Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С.370.

³ Владыкин В.Е. Языческие святилища удмуртов // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996. С.17-19.

⁴ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина... Рис. 8, 10.

⁵ Нижегородские марийцы. Йошкар-Ола, 1994. С.211.

⁶ Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (уральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы Советского союза». М., 1991. Вып. 5. С.76.

⁷ Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994. С.46.

⁸ Мифологический словарь. М., 1991. С.118.

народов и на них особенно часто устраивались святилища: «Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим на высоких горах и на холмах и под всяким ветвистым деревом»¹. «Только высоты не были отменены; народ совершал еще жертвы и курения на высотах»². Из более близких примеров можно привести следующие:

1. Примерно в 6-7 км к югу от Ильинского костыща близ с. Богородское в XIX- начале XX вв. проводился праздник «Три елочки», имеющий, несомненно, языческие корни. Местом для проведения этого праздника был выбран мыс, «с которого открывался прекрасный вид на окрестности»³.

2. В фольклоре манси приводится такое описание жертвоприношения: «Многочисленные прозябшие мужи развели при помощи дерева огонь, приготовили мертвое жито и питающее жито, поставили блюда и берестяные кузова, чтобы созвать туда (добрых) духов, (живущих) на сотнях возвышенных мысов»⁴. Правда, современные жертвенные места манси часто расположены на низких местах, но название некоторых из них переводится как «Холм (остров) пиршества»⁵.

3. В представлениях хантов практически все рельефно выделяющиеся высокие места обладают сакральным статусом и, соответственно, ритуально-мифологическим значением⁶.

4. Удмуртские Луды/Кереметы, которые удмуртскими этнографами считаются наиболее древней формой святилища⁷, также располагаются на возвышенностях, с которых хорошо просматривались окрестности⁸.

5. У марийцев, живущих в Пермской области, священные рощи носят название Кусе Курук – гора жертвоприношений – и имеют соответствующее расположение⁹.

6. В «Калевале» убитого медведя относят «к золотой холма вершине, на вершину горки медной»¹⁰.

¹ Второзаконие, 12,2.

² 4 Царств; 14,4.

³ Теплоухов Ф. А. Народное празднество “Три елочки” в Богородской волости Пермского уезда // Пермский край. Пермь, 1892. Вып. 1. С. 141.

⁴ Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 149.

⁵ Гемуев И. Н. Мироззрение манси. Дом и Космос. Новосибирск, 1990. С. 132.

⁶ Балалаева О.А. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 146.

⁷ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 109.

⁸ Там же. Рис. 9, 43.

⁹ Чагин Г. Н. Летние моления и жертвоприношения марийцев Среднего Урала в XIX – начале XX века // С.82.

¹⁰ Калевала, руна 46. БВЛ. М.,1977, С. 525.

7. Коми-пермяцкие священные рощи, Плотниковская и Сюзьпозынская, подробно описаны А. М. Белавиным: «По топографии оба эти места похожи друг на друга. Оба они занимают относительно крутые склоны коренного берега реки, поросшие сосновым бором. С любой точки этого бора и собственно с точки перегиба вверху склона просматривается широкая низкая пойма реки»¹.

1.2. Стратиграфия костищ

Стратиграфические наблюдения исследователей XIX века обычно сводились к указанию мощности костеносного слоя. На Гаревском костище она достигала 1 м (с. 2), на Ильинском – 1,5 аршина, то есть чуть более 1 м. На Гляденовском костище Н. Н. Новокрещенных привел рисунки двух разрезов по линии восток-запад и одного – по линии север-юг. По рисунку видно, что в центральной части раскопа находилось углубление, заполненное пеплом, то есть золой и частицами пережженных костей. Мощность его до 2,25 аршин – 1,6 м². Подробное описание разреза приводится только один раз:

1. Дерн и черная земля, иногда перемешанная с сырыми костями, толщина 4 вершка - около 18 см.

2. Темный крупный пепел, не содержащий каких-нибудь вещей, бус или проч., толщина до 8 вершков – около 36 см.

3. Темный крупный пепел с резко выделяющимися белыми обожженными костями толщиной до 6 вершков – 27 см. Он был богат находками.

4. Темный с мелкими частицами обожженных костей, бедный по содержанию вещей, толщиной 4 вершка – 18 см.

5. Беловатый, мелкий, богатый по содержанию в нем вещей толщиной 2 вершка – около 9 см.

6. Серо-белый, содержащий не особенно много вещей, толщиной 6 вершков – 27 см.

7. Серый, толщиной в 6 вершков – 27 см, с содержанием костяных наколочников стрел и глиняных чашек. Как и предыдущий, не содержал бронзы.

8. Почва – бурая глина. В ней находили ножички и железные стержни, а в юго-западной части костища и бронзу.

Таким образом, максимальная мощность культурных напластований костища превышала 160 см. Н. Н. Новокрещенных подчеркнул, что этот

¹ Белавин А. М. Священные рощи коми-пермяков (о культе природы у населения Коми-пермяцкого округа) // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996. С. 10.

² Новокрещенных Н. Н. Гляденовское костище. С. 24.

разрез исключительный, по-видимому, на других участках костыща слоев было меньше, и меньше была их мощность.

При раскопках Гляденовского костыща 1980-90-х гг. выявлена следующая стратиграфия:

1. Дерновый слой мощностью 4 - 8 см.

2. Под дерном повсеместно по площади раскопа залегал темно-серый рыхлый суглинок, насыщенный сырыми костями. Мощность его колебалась от 4 до 55 см. Наиболее мощным он был на склоне площадки, что можно объяснить оползновыми процессами. Медленное оползание культурного слоя по склону было замечено еще первыми исследователями костыща¹.

3. Под этим слоем на склоне встречена светло-серая рыхлая супесь с примесью галек, мощностью от 10 до 30 см. Слой содержал сырые и обожженные кости и отдельные находки.

4. Плотный серо-коричневый суглинок мощностью от 8 до 40 см с отдельными находками костей и керамики. Располагался непосредственно над материком. Вероятно, это погребенная почва.

5. Темно-серый суглинок, насыщенный древесным углем и золой, располагался по площади раскопа в виде отдельных аморфных пятен между слоями №№ 2 и 3. Мощность – от 2 до 12 см. Находок не содержал. Образовался вероятно при выжигании кустарника при расчистке площадки святилища.

6. Материк – плотная красно-коричневая глина с галькой.

7. В южной части раскопа между слоем № 2 и материком встречен вязкий черный суглинок мощностью от 8 до 22 см. По составу находок аналогичен слою № 2, но почти не содержит костей. Происхождение этого слоя пока неясно.

Стратиграфия Юго-Камского костыща:

1. Темно-серый, местами черный суглинок, густо насыщенный жжеными костями и пеплом. Мощность – до 35 см. Встречен по всей раскопанной площади. Ближе к краям раскопа становился светлее и содержал меньше костей.

2. Под ним в центре костыща (уч. РТ/7-10) располагался серый слой, состоящий из частиц жженных костей и золы. Мощность – до 50 см, площадь – 24 кв. м.

3. Ниже изучен слой сплошных костей, сырых и обугленных мощностью до 15 см и площадью 12 кв. м.

¹ Спицын А. А. Гляденовское костыще. С. 4.

4. Коричневый плотный суглинок с редкими находками сырых костей. Мощность — до 20 см. В центре костища отсутствовал.

5. Материк — в южной части площадки костища — серо-зеленый плотный песок с включениями медистого песчаника, в восточной и западной частях — красная плотная глина.

Стратиграфия Слепушкинского костища:

1. Сверху залегал рассыпчатый коричневый суглинок, пронизанный корнями деревьев, мощностью от 20 до 40 см. Местами его мощность достигала 65-70 см. В нижней части этого слоя, на его контакте с костеносным горизонтом, отмечены отдельные фрагменты сырых костей животных и неорнаментированные стенки лепных сосудов.

2. Известковая почва с окаменевшими глыбами, насыщенными костями. Этот слой образовался в результате активного осаднения известняка под воздействием грунтовых родниковых вод, который как бы цементировал костеносный культурный слой. В остеологическом материале этого горизонта преобладали черепа и челюсти животных. Вместе с черепами иногда встречались костяные наконечники стрел. Средняя мощность слоя №2 достигала 40 см, на некоторых участках его предельная мощность была почти 90 см.

3. Светло-серая слабогумусированная супесь, насыщенная известковыми включениями и сырыми костями животных. В этом культурном горизонте помимо остеологического материала встречались костяные и железные наконечники стрел, фрагменты столовой посуды и золоченые бусы. Мощность слоя варьировалась в пределах 30-66 см.

4. Слабогумусированная супесь, которая совершенно не содержала находок. Возможно, это древняя погребенная почва. Мощность предматерикового горизонта — 12-60 см.

5. Материк представлял собой рыхлый белый известняк.

6. В центральной части раскопа фиксировался слой коричневого рыхлого суглинка с окаменевшими глыбами известняка без остеологического материала. В нижней части этого слоя на контакте со слоем № 2 обнаружены единичные фрагменты керамики без орнамента. Не исключено, что глыбы известняка в результате оползневых процессов переместились с более высоких уступов террасы. Мощность слоя № 6 — до 22 см.

7. В центре раскопа, где были сконцентрированы основные культовые объекты, четко выделялись линзы в виде слоя пережженных и сырых костей с угольками. В верхней части этих линз иногда встречались костяные наконечники стрел и фрагменты столовой посуды.

8. Мощная зольная линза с мелкими пережженными и сырыми костями. Здесь же отмечались находки наконечников стрел с фрагментами керамики. Мощность слоя №8 достигала 50 см.

9. Местами на площади раскопа фиксировались желтые линзы костной золы мощностью до 18 см.

10. На восточных участках раскопа под слоем № 1 залегал слой светлосерой оподзоленной супеси мощностью 25 см, не содержащий находок.

11. На ряде центральных участков резко выделялось пятно серо-желтой рыхлой супеси, насыщенной мелкими дроблеными костями. В этом слое, перекрывавшем слой №13, обнаружены единичные фрагменты керамики и обломки наконечников стрел. Мощность слоя достигала 50 см.

12. Материковый выброс, который образовался при расчистке естественного углубления, возможно, русла древнего ручья. Это углубление использовалось для проведения сложных культовых обрядов. Материковый выброс частично перекрывался слоем пережженных костей с угольками (слой №7) и зольным (слой №8). Он имел мощность местами до 70 см.

13. В южной части раскопа выявлен слой в виде скопления костей, не подвергшихся известкованию. Среди костей преобладали черепа и их фрагменты. Общая мощность культурных напластований в пределах раскопа варьировалась от 1,4 до 1,9 м.

Несмотря на сложную геоморфологическую обстановку и значительный перепад высот на склоновом участке памятника, все же удалось зафиксировать канавообразный объект, вытянутый с севера на юг с небольшими отклонениями к западу и востоку. В пределах этого сооружения были сосредоточены выкладки из черепов животных, линзы пережженных костей и золы, а также основная часть вещественного материала в виде костяных наконечников стрел и керамики. Северная часть канавообразного сооружения разрушена береговой абразией, а южная осталась пока не исследованной. В длину объект изучен на 14 м. Средняя его ширина — 8 м. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют, что для проведения культовых церемоний при создании святилища была выбрана естественная ложбина, вероятно, русло древнего ручья, края и дно которого специально подрезались. Характерно, что канавообразное сооружение к югу точно направлено в сторону выхода грунтовых родниковых вод, расположенного на ровной площадке у костыща у подножия верхнего уступа древней террасы. Следы специальных работ в виде материковых выбросов хорошо фиксировались с западного края выявленного объекта. О специальной подрезке или планировке древнего русла ручья свидетельствуют также нарушения слоя погребенной почвы в центральной части сооружения. Здесь же отмечена более значительная мощность костеносного

слоя (1,2 м) и общая мощность культурных напластований (1,8 - 1,9 м). В целом глубина канавы не превышала 30 см.

Стратиграфия Усть-Туйского костяца:

1. Пахотный слой, содержащий отдельные находки. Мощность — 15-20 см.
 2. Темно-серый плотный суглинок, насыщенный сырыми костями. Кроме того, в нем встречено незначительное количество пережженных костей. Располагался в центральной части костяца в виде неправильного овала, вытянутого с севера на юг площадью 210 кв. м. Мощность — до 50 см.
 3. В центральной части костяца, вокруг силосной ямы, предыдущий слой замещался скоплением жженных костей в форме неправильного четырехугольника, вытянутого с запада на восток площадью около 50 кв. м. Мощность — до 50 см.
 4. Темно-серый плотный суглинок, залегающий под предыдущими слоями по всей площади раскопа. Мощность — до 30 см.
 5. Светло-серый плотный суглинок без находок, вероятно погребенная почва. Мощность — до 20 см.
 6. Материк — плотная красная глина.
- Таким образом, не смотря на некоторые отличия, на всех костяцах имеются мощные слои костной золы и пережженных костей, а также слои сырых костей.

1.3. Сооружения и детали костяц

А. Канавообразные сооружения

На нескольких костяцах были изучены оригинальные жертвенные сооружения в виде прямых или изогнутых канавок. Впервые такой объект зафиксирован А. Е. Теплоуховым на Гаревском костяце. Это было углубление в материке в виде полумесяца. Диаметр его (т.е. расстояние между концами) в 1,5 м, глубина в центре — до 50 см. Земля, вынутая из ямы, была сложена на ее внутреннем крае в виде конуса высотой 35 см. Канавка была заполнена пережженными костями или, по выражению автора раскопок, «костяным мусором»¹. О находках в яме или около нее ничего не сказано.

При раскопках Усть-Туйского костяца 1952 года на уч. ЗЖ/ХV-ХVI была исследована изогнутая под прямым углом канавка длиной 380 см, шириной в центре 22 см, на концах — до 60 см. Глубина ее достигала по краям 35 см, дно неровное. Канавка прорезала костеносный темный суглинок и погребенную почву, лишь слегка врезаась в материковую

¹ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах... С. 3.

красную глину. Заполнение – темно-серый суглинок с сырыми и жжеными костями. По мнению В. Ф. Генинга с вогнутой стороны канавки находилась насыпь, холмик земли, выбранной при рытье канавки. Суглинок и глина без находок. Размеры насыпи не указаны. На дне канавки найдены несколько небольших жертвенных сосудов, часть из которых лежала на боку. В сосудах содержались фрагменты пережженных костей. Это углубление было расположено в центральной части костяка, и на прилегающих к нему участках сделана значительная часть находок, в том числе антропоморфная и орнитоморфная фигурки, бусина, несколько костяных наконечников и жертвенных чашек.

На Гляденовском костяке Н. Н. Новокрещенных упоминает на границе квадратов 90, 105 и 263 ровик глубиной до 0,5 аршина (36 см) глубиной, затрамбованный желтым горным песком, который не встречается в окрестностях костяка. О размерах этого углубления не сказано¹.

В 1990 году на костяке исследована яма № 20 на уч. Ж/16, примыкающем к северному склону площадки. В плане яма имела серповидную форму, в разрезе почти отвесные стенки и уплощенное дно. Размеры 60 x 15 см, глубина – 18 см. Заполнение – темно-серый рыхлый суглинок. На дне найдены 4 стеклянные бусины с внутренней позолотой, фрагмент медного пинцета и медный литник².

Наибольшее количество канавообразных углублений известно на Юго-Камском костяке:

1. Уч. НО/21. Слабоизогнутая канавка с округлым дном. Длина – 280 см, ширина в центре – 40 см, по краям – до 55 см. Глубина от поверхности – 30-35 см. В канавке был расчищен развал сосуда, в 50 см от нее, точно против центра канавки, найдена жертвенная чашка, внутри которой находилась бронзовая фигурка птицы.

2. Уч. МН/7-8. Аналогичная канавка. Длина – 320 см, ширина – 55-65 см, глубина – 10 см. Находок в канавке не обнаружено, но в одном из концов зафиксировано линзовидное пятно пережженных костей диаметром 40 см.

Концы канавок №№ 1 и 2 были обращены в сторону р. Юг.

3. Уч. НО/15. Прямая канавка длиной 320 см, шириной 10-15 см была углублена в материк до 20 см. Вдоль канавки лежали 8 плоских подпрямоугольных плит зеленоватого песчаника, которые в древности, по мнению Ю. А. Полякова, были установлены в виде стенки. Точно по центру канавки, в 10 см перед ней, была обнаружена столбовая яма № 1 диаметром 16 см и глубиной 37 см. У западного окончания канавки были изучены

¹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костяке. С. 37.

² Лепихин А.Н, Мельничук А.Ф. О проблеме хронологии косищ... С. 10-11.

столбовые ямы № 2 (диаметр – 56 см, глубина – 15 см) и № 3 диаметром 6 см и глубиной 18 см. У восточного окончания – аналогичные ямы № 4, диаметром 9 см, глубиной 14 см, и № 5, диаметром 8 см, глубиной 12 см. Автор раскопок интерпретировал яму № 1 как след установленного в ней деревянного идола, а столбы в ямах №№ 2-5 – как опоры навеса над жертвенником. В небольших углублениях перед канавкой находились нижняя челюсть лошади с несколькими костями и пробитый стрелой череп барсука. Ю.А. Поляков считал это сооружение главным жертвенником Юго-Камского костыща.

4. Уч. СТ/10-11. Слабоизогнутая канавка с округлым дном. Длина – 280 см, ширина – до 60 см, глубина – 20-25 см. Была заполнена рыхлым черным куль-турным слоем с небольшими фрагментами керамики и костями. С выгнутой стороны к канавке примыкало скопление галек размером 190 x 80 см.

5. Уч. РС/11-12. Слабоизогнутая канавка с округлым дном. Длина – 360 см, ширина – 60 см, глубина – 10-15 см. Заполнение аналогичное предыдущей. С запада (с вогнутой стороны) к канавке примыкало скопление гальки размерами 220 x 120 см. В заполнении находок не обнаружено, но на прилегающих участках и выше нее найдены сверленный клык медведя, 2 бронзовые бляшки, и несколько костяных наконечников стрел, а также две плитки песчаника, кроме того, в 120 см к востоку от канавки зафиксировано скопление из 9 пестов-терочников на крупных овальных кварцевых гальках, выложенных по дуге, и скопление фрагментов керамики, а в 20 см к юго-востоку – линза пепла с пережженными костями.

По-видимому, канавки №№ 3 и 4, галечниковые вымостки и другие детали составляли единый жертвенный комплекс.

6. Уч. ГД/10-12. Углубление серповидной формы, частично разрушенное корнями дерева. Глубина фиксации от поверхности 10-20 см. Длина – более 300 см, ширина – до 90 см, глубина – до 20 см. Заполнение – серый рыхлый суглинок с частицами костей. Находок в заполнении не встречено, но у западного окончания на уровне фиксации найдены воткнутый в землю лезвием железный нож и перевернутая круглодонная чашечка диаметром 6,5 см и высотой 4 см, в заполнении чашки найдены 4 мелких обломка кальцинированных костей.

7. Уч. В/10-11. Глубина фиксации – 20 см. Длина – 238 см, ширина западного окончания – 50 см, в центре – 39 см, восточного окончания – до 60 см. В восточной части имеются два выступа размерами 30 x 25 см и 14 x 12 см. Заполнение – темно-коричневый рыхлый суглинок, насыщенный мелкими фрагментами керамики (всего 164), костной крошкой, в западной части – мелкими угольками. На дне канавки встречено 7 фрагментов обугленной древесины.

В 1991 году на Гляденовском костыше частично изучен оригинальный жертвенник, пока не находящий аналогий на других памятниках. Он располагался на краю склона костыша (уч. Е/16) и представлял собой пятно ярко-желтой материковой глины, видимо, овальной формы. Пятно четко выделялось на фоне более темной материковой глины. В отличие от нее глина, заполнявшая углубление, не содержала примеси гравия. Размеры изученной части объекта – 80 на 58 см. С восточной, южной и северной сторон жертвенник был окружен овальными ямкам. В центральной части пятна отмечена углистая линза, очертания которой уходили вместе с жертвенником в западную стенку раскопа. Размеры прослеженной части линзы – 20 x 15 см. В пределах углистого пятна найдена бронзовая бусина. Углистое пятно частично перекрывало вытянутую ямку, которая с южной стороны была закрыта слоем желтой материковой глины. В пределах ямки найдена стеклянная золоченая бусина. Общая мощность жертвенной глиняной подушки – 20 см, в пределах ее отмечено 5 ямок культового характера. Все они фиксировались при расчистке глиняной подушки на разных уровнях – от 32 до 40 см.

В жертвеннике №2 найдены следующие предметы: изображение хищной птицы из бронзы, золоченая стеклянная бусина, в центральной части жертвенника найден костяной наконечник стрелы. Еще один костяной наконечник выявлен на северо-восточном краю жертвенника.

Кроме того, в непосредственной близости от глиняной подушки обнаружены: медный стержень, бронзовая бусина, золоченая бусина и железное шило (стержень).

К жертвеннику № 2 примыкало 8 различных ям:

1. В плане имела овальную форму размерами 44 x 40 см, в разрезе – чашевидную, с округлым дном, глубиной до 8 см. Заполнение – темно-серый рыхлый суглинок с пережженными костями. В заполнении найдена округлая медная бляшка, а над этой ямой – вотивный железный нож.

2. В плане – овальная, размерами 18 x 20 см, в разрезе - чашевидная с приостренным дном. Глубина – 11 см., заполнение – аналогичное предыдущей. Находок не встречено.

3. Овальная в плане ямка, размерами 8 x 6 см, глубиной до 8 см. В разрезе имела крутые стенки и приостренное дно. Заполнение аналогичное.

4. Овальная, размерами 6 x 4 см, глубиной 4 см. В разрезе чашевидная с округлым дном. Заполнение аналогичное

5. Овальная. Прослеженные размеры – 18 x 15 см, глубина – 6 см. В разрезе – чашевидная форма с очень пологими стенками. Заполнение аналогичное. На дне ямы № 5 лежала бронзовая бусина. Между ямами №№ 1

и 5 встречены крупный фрагмент жертвенной чаши, железный стержень и костяной наконечник стрелы.

6. Овальная, размерами 28 x 20 см, глубиной 13 см. В разрезе – чашевидная с округлым дном. Заполнение аналогичное. Над ямой найдена золоченая стеклянная бусина.

7. Овальная, размерами 7 x 6 см, глубиной 8 см. В разрезе – крутые стенки и приостренное дно. Заполнение аналогичное.

8. Круглая, диаметром 7 см, глубиной 9 см. В разрезе – крутые стенки и острое дно. Заполнение аналогичное. В ямке найдено 9 бронзовых бус и две бляшки, одна из которых с отверстием в центре, другая – с ушком на обороте. Возле ямы найдены два железных стержня, нож и костяной наконечник стрелы.

К сожалению, жертвенник № 2 изучен не полностью и реконструировать его сложно, тем более, что аналогии ему в Прикамье не известны. Лишь на Мокинском могильнике, который относится к поздней стадии гляденовской культуры и к началу харинской эпохи, отмечено перекрытие краев культовых рвов и канав, а также некоторых могил материковой глиной¹. По материалу жертвенник может быть датирован первыми веками нашей эры.

Б. Жертвенные ямы.

Ямы, которые можно охарактеризовать как жертвенные, обнаружены на Юго-Камском, Гляденовском и Усть-Туйском костыщах. С ними неразрывно связаны столбовые ямы, как правило, не содержавшие находок, но имевшие большое значение при проведении обрядов. Вероятно, какие-то углубления были и на других костыщах, но при раскопках XIX века им не придавалось должного значения. Например, Н. Н. Новокрещенных упоминает, что на Гляденовском костыще под слоем культурной земли находились «норы» до 8 вершков (36 см) диаметром (с. 37). Но были ли они вскрыты и что в них найдено, неясно.

Жертвенные ямы Юго-Камского костыща:

1. Уч. М/5. В плане имела форму, близкую к кругу, в разрезе – чашевидную форму с округлым дном. Диаметр – 80-90 см, глубина – до 30 см. Яма была заполнена черным культурным слоем, на стенках зафиксированы 4 песчаниковые плитки овальной формы. В заполнении найдены нижняя челюсть и кости ног лошади. Яма была перекрыта слоем сырых костей. Рядом с ямой был найден костяной наконечник стрелы.

¹ Мельничук А. Ф., Оборин В. А., Соболева Н. В. Исследования Мокинского могильника близ Перми // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

2. Уч. О/5. В плане имела форму овала, вытянутого по линии юго-восток – северо-запад, в разрезе – вертикальные стенки и округлое дно. Размеры – 76 x 52 см, глубина – 32 см. Заполнение аналогично предыдущей яме, на стенках – 8 плоских овальных и подпрямоугольных плиток песчаника. В заполнении найдены кости ног лошади.

3. Уч. НО/5. В плане имела форму овала, вытянутого по линии север-юг. В разрезе северная стенка покатаая, южная – почти вертикальная, дно округлое. Размеры – 54 x 34 см, глубина – 26 см. Заполнение аналогичное предыдущим ямам, но без песчаниковых плиток. В заполнении найдены кости.

4. Уч. М/5. В плане имела форму, близкую к кругу, в разрезе – округлое дно, очень покатую восточную и крутую западную стенку. Диаметр – 40-45 см, глубина – 22 см. Заполнение аналогичное, на стенках и восточном крае – 3 песчаниковых плитки. В заполнении найдены кости. В 40 см восточнее ямы найден костяной наконечник стрелы.

5. Уч. ОП/9-10. Глубина фиксации – 40 см. В плане имела неправильную форму, в разрезе – наклонные стенки с округлым дном. Размеры 114 x 106 см, глубина – 30 см. Была заполнена серым рыхлым суглинком с мелкими частицами пережженных костей и серой древесной золой.

6. Уч. ОП/10. Глубина фиксации – 36 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – стенки, плавно переходящие в неровное дно. Размеры ямы – 82 x 78 см, глубина – 5-8 см. В восточной части зафиксировано круглое в плане углубление с наклонными стенками и приостренным дном диаметром 15 см и глубиной 31 см, вероятно, след от столба. Заполнение аналогично предыдущей яме.

7. Уч. О/10. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела круглую форму. Диаметр – 30 см, глубина – 5 см. Дно плоское. Заполнение аналогичное.

8. Уч. ОП/10. Глубина фиксации – 32 см. В плане имела форму овала, вытянутого по линии юго-запад – северо-восток, в разрезе – наклонные стенки, плавно переходящие в округлое дно. Размеры – 50 x 38 см, глубина – 11 см. Заполнение аналогичное предыдущим ямам.

9. Уч. О/11. Гл. фиксации – 20 см. В плане имела форму овала, вытянутого по линии юго-восток – северо-запад, в разрезе – восточная стенка вертикальная, западная – наклонная, дно – округлое. Размеры 28 x 20 см, глубина 14 см. Заполнение аналогичное.

10. Уч. О/11. Глубина фиксации 35 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – наклонные стенки и приостренное дно. Диаметр – 14 см, глубина – 40 см. Заполнение – темно-серый плотный суглинок. В заполнении ямы найдены два фрагмента трубчатых костей.

11. Уч. О/12-13. Глубина фиксации – 24 см. В плане имела форму овала, вытянутого по линии запад-восток, в разрезе – наклонные стенки и

округлое дно. Размеры – 40 x 20 см, глубина – 12 см. Заполнение – серый рыхлый суглинок.

12. Уч. ОП/14 -15. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела подпрямоугольные со скругленными углами очертания, в разрезе – корытообразную форму с наклонными стенками. Была вытянута по линии юго-восток – северо-запад. Длина – 180 см, ширина – до 42 см, глубина – 10-11 см. Заполнение – темно-серый плотный суглинок. В заполнении найдены две стеклянные бусины с внутренней позолотой и обломок костяного наконечника стрелы.

13. Уч. П/14. Глубина фиксации – 40 см. В плане имела круглую форму, в разрезе – вертикальные стенки и приостренное дно. Диаметр – 10 см, глубина – 11 см. Заполнение аналогичное.

14. Уч. П/14. Глубина фиксации – 40 см. В плане имела форму овала, в разрезе – пологие стенки и приостренное дно. Размеры – 36 x 32 см, глубина – 5 см. Заполнение аналогичное.

15. Уч. П/14-15. Глубина фиксации 32 см. В плане имела форму овала, вытянутого по линии юго-восток – северо-запад, в разрезе – наклонные стенки и округлое дно. Размеры – 46 x 34 см, глубина – 13 см. Заполнение аналогичное.

16. Уч. П/15. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела форму неправильного овала, в разрезе – наклонные стенки и плоское дно. Располагалась параллельно яме № 8. Размеры – 124 x 48 см, глубина – 10 см. Заполнение аналогичное.

17. Уч. ОП/15. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела овальную форму вытянутого по оси юго-запад – северо-восток, в разрезе – наклонные стенки и плоское дно с углублением в восточной части. Размеры – 110 x 48 см, глубина – до 16 см. Заполнение аналогичное.

18. Уч. О/15. Глубина фиксации – 30 см. Имела форму овала, располагалась параллельно предыдущей. Размеры изученной части – 54 x 50 см, глубина – 8-9 см. Заполнение аналогичное. В яме найдено 7 фрагментов трубчатых костей и зуб животного.

19. Уч. ОП/8-9. Глубина фиксации – 44 см. Яма имела подпрямоугольную форму размерами 120 x 104 см, глубина – до 40 см. Заполнение - серый рыхлый суглинок с золой и частицами пережженных костей. В заполнении найдены две стеклянные позолоченные бусины.

20. Уч. П/7. Глубина фиксации от поверхности – 29-46 см. Очертания уходили в восточную стенку раскопа. В плане изученная часть имела овальную форму, в разрезе – чашевидную. Размеры изученной части – 70 x 64 см. Глубина – до 70 см. Северная часть была заполнена черным рыхлым суглинком, южная – светло-коричневым рыхлым суглинком. В яме найдены кости лошади и крупного рогатого скота, частично обугленные.

21. Уч. П/7. Глубина фиксации – 28 см. Очертания изученной части имели полу-овальную форму размером 40 x 14 см, в разрезе яма имела чашевидную форму. Глубина – 21 см. Заполнение – светло-коричневый рыхлый суглинок. В заполнении найдены 34 необожженные кости, из них определены зубы и 2 кости ног лошади, фрагменты нижних челюстей коровы и свиньи.

Определение костей из ям Юго-Камского костяка выполнено Т. В. Фадеевой.

Ямы Гляденовского костяка

Все они, кроме особо оговоренных, имели одинаковое заполнение – темно-серый рыхлый суглинок с мелкими частицами пережженных костей.

1. Уч. М/16. Глубина фиксации – 50 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 10 см, глубина – 6 см.

2. Уч. М/16. Глубина фиксации – 50 см. В плане имела округлую форму, в разрезе крутые стенки и округлое дно. Диаметр – 10 см, глубина – 10 см.

3. Уч. М/15-16. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – чашевидная форма и округлое дно. Диаметр – 14 см, глубина – 7 см.

4. Уч. Л/16. Глубина фиксации – 40 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 10 см, глубина – 12 см.

5. Уч. К/14. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела овальную форму, в разрезе – чашевидная форма и неровное дно. Размеры – 26 x 20 см, глубина – 12 см.

6. Уч. К/14. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – чашевидная форма и приостренное дно. Диаметр – 7 см, глубина – 12 см.

7. Уч. К/14. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 10 см, глубина – 14 см.

8. Уч. К/15. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – очень крутые, почти параллельные друг другу стенки и приостренное дно. Диаметр – 18 см, глубина – 80 см. На глубине 10 см от древней поверхности поперек ямы лежал пест-терочник из кварцита.

9. Уч. К/15. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 9 см, глубина – 10 см.

10. Уч. К/15. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 14 см, глубина – 20 см. Заполнение – светло-серый зольный слой с пережженными костями. На дне зафиксированы угли – остатки сгоревшего кола.

11. Уч. К/15-16. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 13 см, глубина – 16 см.

12. Уч. К/16. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – очень крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 7 см, глубина – 15 см.

13. Уч. И/14. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – чашевидную и слегка приостренное дно. Диаметр – 11 см, глубина – 8 см.

14. Уч. И/14. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – чашевидную и овальное дно. Диаметр – 14 см, глубина – 16 см.

15. Уч. И/14. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела овальную форму, в разрезе – крутые стенки и слегка приостренное дно. Размеры – 28 x 22 см, глубина – 20 см.

16. Уч. З/14. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела овальную форму, в разрезе – дно. Размеры – 22 x 16 см, глубина – 8 см.

17. Уч. З/14. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – чашевидную форму и округлое дно. Диаметр – 8 см, глубина – 5 см.

18. Уч. З/14. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела овальную форму, в разрезе – чашевидную форму и округлое дно. Размеры – 12 x 8 см, глубина – 4 см.

19. Уч. З/14. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела овально-вытянутую форму, в разрезе – чашевидную форму и округлое дно. Размеры – 30 x 16 см, глубина – 5 см.

20. Серповидная яма. Описана выше.

21. Уч. Ж/15. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 5 см, глубина – 6 см.

22. Уч. Ж/15. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела овальную форму, в разрезе – котловидную форму и уплощенное дно. Размеры – 30 x 16 см, глубина – 15 см. В верхней части ямы найдены 4 железных стержня, на дне – 4 медных и стеклянная позолоченная бусина и медная бляшка.

23. Уч. Д/16. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 5 см, глубина – 13 см.

24. Уч. Д/16. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела подпрямоугольную форму с закругленными углами, в разрезе – котлообразную форму и уплощенное дно. Размеры – 54 x 21 см, глубина – 10 см.

25. Уч. Д/16. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – очень крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 6 см, глубина – 10 см.

26. Уч. Д/16. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – крутые стенки и острое дно. Диаметр – 8 см, глубина – 10 см.

27. Уч. Д/15. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – очень крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 5 см, глубина – 11 см.

28. Уч. Д/15. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела округлую форму, в разрезе – крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 7 см, глубина – 12 см.

29. Уч. Д/15. Глубина фиксации – 30 см. В плане имела овальную форму, в разрезе – чашевидную форму и округлое дно. Размеры – 12 x 18 см, глубина – 12 см.

30. Уч. МЛ/15. В плане ямка имела округлую форму, в разрезе – крутые стенки и приостренное дно. Диаметр – 12 см, глубина – 48 см. Сверху ямка пере-крывалась зольной линзой размером 80 x 46 см и мощностью до 10 см.

31. Уч. М/16. Глубина фиксации – 35 см. Очертания уходили в западную стенку раскопа, в разрезе имела крутые стенки и приостренное дно. Глубина – 64 см.

32. Уч. М/16. Глубина фиксации – 34 см. Очертания уходили в западную стенку раскопа. Глубина – 54 см.

33. Уч. ГД/16. Канавообразное прямоугольное сооружение, очертания которого уходили в западную стенку раскопа. Размеры изученной части объекта – 2,7 x 1,5 м. Дно сооружения неровное и при дальнейшей расчистке на глубине 70-75 см от поверхности разделилось на отдельные углубления. В разрезе объект имел корытообразное дно с неровной поверхностью, углубленное в материк на 30-35 см. Заполнение - вязкий темный суглинок с угольками и сырыми костями животных. В пределах сооружения найдено много разнообразных предметов: железные стержни, продолговатая галька с забитостями на концах, как у отбойников, медные и стеклянные бусы, бронзовая подвеска, челюсть медведя, медное височное кольцо, вотивная фигурка лося или косули, бронзовые округлые бляшки с ушками, вотивные железные ножи, железная игла, бронзовая фигурка змеи, втульчатое железное долото, 3 трехлопастных наконечника стрел.

С южной и юго-восточной стороны к сооружению примыкало 6 небольших округлых ямок от кольев и жердей – описанные выше ямы №№ 23-28, с которыми они составляли, вероятно, единый комплекс.

34-37. Поздние ямы, по-видимому, от туристического лагеря, заполненные культурным слоем с примесью различного мусора.

38. Уч. Д/15-16. Глубина фиксации – 35 см. В плане имела подпрямоугольную форму размерами 52 x 33 см. Стенки покатые, дно неровное, глубина – до 10 см.

39. Уч. Б/15. Глубина фиксации – 0,60 м. В плане имела круглую форму, в разрезе – наклонные стенки с округлым дном. Диаметр – 10 см, глубина – 10 см.

40. Уч. Б/15. Глубина фиксации – 0,80 м. В плане имела круглую форму, в разрезе – наклонные стенки с округлым дном. Диаметр – 6 см, глубина – 8 см.

41. Уч. А/15. Глубина фиксации – 0,95 м. В плане имела круглую форму, в разрезе – чашевидную. Диаметр – 6 см, глубина – 5 см.
42. Уч. А/15. Глубина фиксации – 0,82 м. В плане круглая форма, в разрезе – почти вертикальные стенки с округлым дном. Диаметр – 8 см, глубина – 9 см.
43. Уч. А/15. Глубина фиксации – 0,90 м. В плане круглая форма, в разрезе – чашевидная. Диаметр – 12 см, глубина – 8 см.
44. Уч. А/15. Глубина фиксации – 0,72 м. В плане круглая форма, в разрезе – наклонные стенки и приостренное дно. Диаметр – 6 см, глубина – 12 см.
45. Уч. А/16. Глубина фиксации – 0,62 м. В плане имела форму овала размерами 34 x 20 см, вытянутого по оси северо-запад – юго-восток, глубина – 4-5 см. По краям две ямки с приостренным дном глубиной по 15-16 см каждая. Заполнение – темно-серый рыхлый суглинок с частицами пережеженных костей. В яме найдены зуб лошади и круглая медная пластинка.
46. Уч. А/16. Глубина фиксации – 0,62 м. В плане имела форму неправильного овала размером 26 x 20 см, в разрезе – чашевидную форму. Глубина – 6 см.
47. Уч. А/15. Глубина фиксации – 0,74 м. В плане круглая форма, в разрезе – чашевидная с уплощенным дном. Диаметр – 25 см, глубина – 13 см.
48. Уч. А/15. Глубина фиксации – 0,90 м. В плане имела круглую форму, в разрезе – вертикальные стенки с округлым дном. Диаметр – 10 см, глубина – 10 см.
49. Уч. А/16. Глубина фиксации – 0,76 м. В плане круглая форма, в разрезе – чашевидная. Диаметр – 16 см, глубина – 10 см.
50. Уч. I/16. Глубина фиксации – 0,60 м. В плане круглая форма, в разрезе – слегка наклонные стенки и плоское дно. Диаметр – 21 см, глубина – 12 см.
51. Уч. I/16. Глубина фиксации – 0,80 м. В плане имела форму овала размерами 27 x 12 м, вытянутого по оси северо-запад – юго-восток. Глубина – 6 см. В заполнении ямы найден левый верхний коренной зуб лошади.
52. Уч. А/16. Глубина фиксации – 0,80 м. В плане круглая форма, в разрезе – наклонные стенки с округлым дном. Диаметр – 8 см, глубина – 8 см.
53. Уч. АБ/16. Глубина фиксации – 0,80 м. В плане круглая форма, в разрезе – наклонные стенки с округлым дном. Диаметр – 6 см, глубина – 6 см.
54. Уч. О/12. Глубина фиксации – 0,46 м. В плане имела круглую форму, в разрезе – чашевидную. Диаметр – 17 см, глубина – 9 см.
55. Уч. М/12. Глубина фиксации – 0,35 м. В плане имела форму овала, вытянутого по линии запад-восток, в разрезе – наклонные стенки с плоским дном. Диаметр – 24 x 20 см, глубина – 10 см.
56. Уч. М/12-13. Глубина фиксации – 0,32 м. В плане имела форму неправильного овала, вытянутого по оси север-юг, в разрезе – линзовидная. Диаметр – 49 на 40 см, глубина – 10 см. Заполнение – серый рыхлый

суглинок с большой примесью древесной золы. На дне ямы найдены три фрагмента неорнаментированных стенок сосудов, две половинки нижней челюсти молодой лошади и неопределимый фрагмент трубчатой кости.

57. Уч. М/13. Глубина фиксации – 0,30 м, от нулевой точки – 1,18 м. В плане имела круглую форму, в разрезе – наклонные стенки и приостренное дно. Диаметр – 15 см, глубина – 22 см. Заполнение – серый рыхлый суглинок с примесью древесной золы.

58. Уч. М/13-14. В 4 см к северу от предыдущей, глубина фиксации 0,30 м. В плане имела круглую форму, в разрезе – наклонные стенки и приостренное дно. Диаметр – 10 см, глубина – 16 см.

59. Уч. Л-М/14. Глубина фиксации – 0,30 м. В плане имела круглую форму, в разрезе – вертикальные стенки и плоское дно. В южной части дна – небольшое углубление глубиной 8 см. Диаметр – 18 см, глубина – 10 см. Заполнение – серый рыхлый суглинок со значительной примесью мелких частиц пережженных костей.

60. Уч. Л/14. Глубина фиксации – 0,30 м. В плане круглая форма, в разрезе – почти прямые стенки и уплощенное дно. Диаметр – 16 м, глубина – 12 см.

61. Уч. Л/14, глубина фиксации – 0,30 м. В плане круглая форма, в разрезе вертикальные стенки и округлое дно. Диаметр – 10 см, глубина – 17 см. Заполнение – серый рыхлый суглинок с большой примесью древесной золы.

62. Уч. Л/14. Глубина фиксации – 0,30 м. В плане круглая форма, в разрезе – наклонные стенки с округлым дном. Диаметр – 12 см, глубина – 38 см.

63. Уч. Л/13. Глубина фиксации – 0,32 м. В плане почти круглая форма, в разрезе – вертикальные стенки и плоское дно. Диаметр – 56 см, глубина – 10-11 см. Заполнение – серая древесная зола. В яме найдены вытянутая кварцевая галька с забитостью на одном конце, вероятно отбойник, антропоморфная глиняная фигурка, 35 мелких фрагментов неорнаментированных стенок сосудов, 37 галек, в том числе 2 кремневых и 35 кварцевых. 28 кварцевых галек расколоты в древности. В яме собраны 72 кости, из которых удалось определить фрагмент черепа свиньи, позвонки и фрагменты ребер коровы.

64. Уч. Л/13. Глубина фиксации – 0,32 м. В плане яма имела форму овала, вытянутого по оси запад – восток. В разрезе – восточная стенка вертикальная, западная слегка наклонная. Дно уплощенное. Диаметр ямы – 75 x 60 см, глубина – 16-18 см. Заполнение – темно-серый суглинок со значительной примесью золы. В заполнении ямы найден обломок глиняной антропоморфной статуэтки, 290 костей, из которых удалось определить 2 позвонка и бабку коровы, неопределенные фрагменты ребер, 2 расколотых камня.

65. Уч. К/13. Глубина фиксации – 0,32 м. В плане овальная форма, вытянута с запада на восток, в разрезе – почти вертикальные стенки и плоское дно. Диаметр – 18 на 16 см, глубина – 20 см. Заполнение – серый рыхлый суглинок с примесью золы.

66. Уч. К/13. Глубина фиксации – 0,34 м. В плане почти круглая форма, в разрезе – чашевидная форма с округлым дном с небольшим уступом с восточной стороны. Диаметр – 85 см, глубина – 26 см. Заполнение – серый рыхлый суглинок с примесью золы, угольков и комков обожженной глины. В заполнении найдены фрагменты трех крупных сосудов ананьинского типа, в том числе двух с двойным воротничком и 65 кварцитовых галек, из которых 63 расколоты в древности, скорее всего в результате нагревания. Из костей удалось определить следующие: 1. Фаланга, пястная кость, фрагмент нижней челюсти, фрагмент плечевой кости, фрагменты ребер коровы. 2. Фрагменты черепов и нижних челюстей, правая лопатка, шейный позвонок и 2 зуба свиней. Кости свиньи принадлежат по меньшей мере 4 особям – двум взрослым и двум пороссятам.

67. Уч. К/13. Глубина фиксации – от 0,33 м. В плане имела форму овала, вытянутого по линии север – юг, в разрезе – наклонные стенки и округлое дно. Диаметр – 16 на 12 см, глубина – 17 см. Заполнение – темно-серый плотный суглинок с примесью золы и частицами пережженных костей.

68. Уч. К/13. Глубина фиксации – 0,34 м. В плане яма имела крестообразную (птицевидную?) форму, вытянутую с востока на запад с небольшим отклонением к северу (рис.2). В разрезе “перекладина”, вытянутая с востока на запад, имела сильно наклоненные западную и южную стенку и почти вертикальные восточную и северную. “Перекладина”, идущая с севера на юг, имела вертикальные с закруглением в нижней части стенки. Размеры ямы – 44 на 39 см, дно плоское. Заполнение – темно-серый плотный суглинок с частицами пережженных костей. В центральной части ямы на глубине 10 см от уровня фиксации найдены медная антропоморфная фигурка и обломок железного ножа (острие), в восточной части – перевернутая вверх дном жертвенная чашка.

69. Уч. Ж/14. Глубина фиксации – 0,27 м. В плане округлая форма, в разрезе – слегка наклонные стенки с округлым дном. Диаметр – 8 см, глубина – 16 см.

70. Уч. Ж/14. Глубина фиксации – 0,25 м. В плане круглая форма, в разрезе – вертикальные стенки с округлым дном. Диаметр – 6 см, глубина – 7 см. Заполнение – мелкие частицы пережженных костей серого, белого и синего цвета.

71. Уч. Ж/14. Глубина фиксации – 0,27 м. В плане имела форму неправильного овала, в разрезе – округлое дно вертикальной восточной стенкой. Размеры – 48 на 28 см, глубина – 12 см. Заполнение – темно-

серый плотный суглинок с примесью пережженных костей. На дне и в заполнении ямы найдены зуб коровы, фрагменты черепа, ребра, локтевой кости и зуб мелкого рогатого скота, по одному зубу лошади и свиньи, 4 мелких фрагмента костей и 3 фрагмента керамики.

72. Уч. Ж/ 14. Глубина фиксации – 0,20 м. В плане круглая форма, в разрезе – линзовидная. Диаметр – 20 см, глубина – 5 см.

73. Уч. Ж/ 14. Глубина фиксации – 0,30 м. В плане имела форму овала, вытянутого по линии восток – запад, в разрезе – наклонные стенки с округлым дном. Диаметр – 20 на 16 см, глубина – 36 см. Заполнение – темно-серый суглинок с пережженными костями. В заполнении встречены 15 обломков трубчатых костей и фрагмент челюсти свиньи с двумя зубами.

74. Уч. Ж/ 14. Глубина фиксации – 0,30 м. В плане – круглая форма, в разрезе – вертикальные стенки. На глубине 20 см от уровня фиксации – небольшой уступ к округлому дну. Диаметр – 12 см, общая глубина – 26 см. Заполнение – темно-серый суглинок с примесью пережженных костей и золы.

75. Уч. Ж/ 13. Глубина фиксации – 0,20 м. В плане – круглая форма, в разрезе – слегка наклонные стенки с округлым дном. Диаметр – 6 см, глубина – 9 см.

76. Уч. ЕЖ/13. Глубина фиксации – 0,20 м. В плане имела подпрямоугольную форму с закругленными углами, в разрезе – уплощенное дно с неровностями. Яма была вытянута по линии северо-запад – юго-восток. Размеры – 91 на 46 см. Глубина у северной стенки – 14-15 см, у южной – 9-10 см. Заполнение – темно-серый суглинок с золой и пережженными костями. На дне ямы найдены 2 зуба лошади, 1 зуб коровы, фрагмент черепа коровы (?) и 63 фрагмента ребер и трубчатых костей.

77. Уч. Е/ 14. Глубина фиксации – 0,30 м. В плане имела форму неправильного овала, в разрезе – наклонные неровные стенки и приостренное дно. Диаметр – 20 на 14 см, глубина – 56 см. Заполнение – темно-серый плотный суглинок с пережженными костями. На уровне фиксации ямы была найдена цилиндрическая медная бусина плохой сохранности, на глубине 8 см от уровня фиксации – фрагмент медной бляшки, и на глубине 29 см – крупная круглая стеклянная бусина с внутренней позолотой.

78. Уч. Е/ 14. Глубина фиксации – 0,30 м. В плане имела форму овала, вытянутого по линии восток – запад, в разрезе – восточная стенка вертикальная, западная наклонная, дно округлое. Размеры – 44 x 18 см, глубина – 44 см.

79. Уч. Е/14. Глубина фиксации – 0,22 м. В плане имела форму неправильного овала, вытянутого по линии северо-запад – юго-восток, в разрезе – уплощенное дно с уклоном к северному краю и наклонные стенки. Размеры – 80 на 48 см. Глубина – от 5 см в южной части, до 13 см – в северной. На дне ямы встречены следующие кости: 5 коренных, 1 предкоренной зубы и резец овцы, 4 резца поросенка и 2 коренных зуба лошади.

80. Уч. ЕД/ 13. Глубина фиксации — 0,20 м. В плане имела форму неправильного овала, вытянутого с севера на юг, в разрезе — дно уплощенное с наклоном к северу, стенки наклонные. Размеры — 108 на 50 см, глубина у южного края — 4 см, у северного края — 22 см. В северной части ямы найден костяной наконечник стрелы, на дне ямы — коренной зуб овцы, фрагменты локтевой и бедренной костей, фаланга и фрагмент верхней челюсти поросенка.

81. Уч. К/13. Глубина фиксации от поверхности — 0,27 м. В плане имела форму овала, вытянутого по линии восток-запад, в разрезе — вертикальные стенки и неровное дно с наибольшим углублением в северной части. Размеры — 90 x 50 см, глубина у южного края — 3 см, у северного края — 14 см (—1,20 м). В яме найдены небольшая медная бляшка и 7 железных стержней, а также заднекоренной верхний левый зуб барана, заднекоренной верхний левый зуб коровы и переднекоренной верхний правый зуб домашней свиньи.

82. Уч. М/10. Глубина фиксации от поверхности — 0,25 м. В плане имела форму овала, вытянутого с востока на запад, в разрезе — чашевидную форму. Размеры — 84 x 50 см, глубина в центре — 16 см.

83. Уч. ЛМ/10-11. Глубина фиксации от поверхности — 0,23 м. В плане имела неправильную форму с наибольшим расширением в южной части, в разрезе — покатоое дно с углублением в южной части. Размеры — 90 на 88 см, глубина у северного края — 4-5 см, у южного — 25 см. Заполнение — темно-серый рыхлый суглинок. В яме найдена медная бляшка, обломок железного ножа и 4 железных стержня. Из костей встречены следующие зубы животных: два заднекоренных верхних зуба крупного рогатого скота, 3 заднекоренных верхних зуба барана, 2 заднекоренных нижних зуба и резец свиньи и 7 коренных зубов лошади.

84. Уч. ЛК/10. Глубина фиксации от поверхности — 0,25 м. в плане имела форму овала, вытянутого по линии юго-восток — северо-запад, в разрезе — округлое дно и наклонные стенки. Размеры — 50 x 20 см, глубина — 10 см. В яме найден железный стержень.

Кости из ям №№ 45,56, 63,64 и 71 определены П.А. Косинцевым, из ям №№ 66, 73,76,79-83 — Т. В. Фадеевой.

Каких-либо закономерностей в расположении ям по площади костища не зафиксировано. Единственное исключение представляет жертвенный комплекс на уч. КМ/12-14, описание которого будет дано ниже. Он состоял из ям №№ 56-66 и 68.

Ямы Усть-Туйского костища

При раскопках Усть-Туйского костища изучены 6 ям, однако, 4 из них имеют, несомненно, позднее происхождение (3 выкопаны для установки

опор телефонной линии, 1 содержала свежее погребение коровы), и только две ямы могут быть связаны с костями.

Яма № 4. Уч. КЛ/ XIV-XV. В плане имела форму четырехугольника со скругленными краями, вытянутого по линии юго-восток — северо-запад. Размеры — 275 x 120 см, глубина — 125 см. Верхняя часть ямы, до глубины 80 см была заполнена слоем сырых костей, в одном месте прорезанном прослойкой красной глины. Ниже этого слоя располагался слой красной глины мощностью до 12 см линзовидного сечения, а под ней — слой пережженных костей также линзовидного сечения мощностью 18 см. Наконец, в придонной части ямы фиксировался темный суглинок с сырыми костями. Находок в заполнении не встречено, но в пахотном слое над ямой найдены две бусины, два костяных наконечника стрел и несколько фрагментов керамики.

Яма № 5 зафиксирована под пахотным слоем на уч. М/ХIV-XV. Она имела форму неправильного круга диаметром 130-140 см, очень покатые стенки и округлое дно. Глубина ямы — 55 см, на 20 см она была врезана в материк. Заполнение — сырые кости, других находок не содержала.

В. Скопления костей

Кости животных на костяках, скорее всего, располагались по определенной системе, однако проследить отдельные скопления удавалось не всегда. Это вызвало справедливую критику со стороны палеозоологов¹. Наиболее тщательно фиксация костей проведена А.И. Варовым на Слепушкинском костяке, где выявлены следующие скопления:

1. Уч. Д/32. Глубина фиксации — 125-140 см. Скопление располагалось на уровне погребенной почвы и было перекрыто зольным слоем. Череп № 1, лежавший на боку, был ориентирован носовой частью на восток с небольшим отклонением к югу. Он принадлежал жеребцу в возрасте около двух лет. Второй череп был уложен в 80 см к югу от первого и почти параллельно ему, но ориентирован в противоположную сторону. Он принадлежал кобыле того же возраста. Под ним найден трехлопастной железный наконечник стрелы, единственный в материалах этого костяка. Между этими черепами зафиксированы остатки еще одного лошадиного черепа плохой сохранности. Четвертый череп принадлежал корове в возрасте более 5 лет.

2. Уч. Е/30-31. Глубина фиксации — 105-140 см. В нем находилось 5 черепов взрослых лошадей, которые располагались на уровне погребенной почвы. И были перекрыты зольным слоем. Череп № 1 лежал глазами

¹ Варов А.И. Археозоологические аспекты изучения костяков // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

вниз и был ориентирован на юг, рядом с ним найдены остатки черепа плохой сохранности, ориентировку которого установить не удалось. Череп № 3, также перевернутый, был расположен в 80 см к югу от первого и был ориентирован на северо-запад. Два других черепа плохой сохранности были ориентированы на северо-восток и север. Из других костей в скоплении встречены нижняя челюсть лошади и берцовая кости животных медведя.

3. Уч. Ж/30-32. Глубина фиксации – 120-165 см. Скопление располагалось на углистых линзах №№ 3 и 4. В скопление входило около 30 черепов, лежавших на разных глубинах как бы в два яруса. Удалось определить 25 черепов, в том числе 17 – лошадиных, 5 – крупного рогатого скота, 2 – лосиных и один череп свиньи. В нижней части найдены 6 нижних челюстей свиньи, на которых были уложены черепа. Из других костей надо упомянуть три медвежьих клыка. Все черепа принадлежали взрослым животным. Ориентировка черепов весьма разнообразна, в том числе южная – 8, северная – 8, восточная – 6, западная – 2 и северо-восточная – 1 череп. В районе скопления найдено два целых и один разломанный натрое костный наконечник стрелы.

4. Уч. Е/37. Глубина фиксации – 135 см. В него входили лошадиная челюсть, берцовая кость, три ребра и несколько зубов. По-видимому, они принадлежали одной особи.

На Юго-Камском костыше отмечены следующие скопления костей:

1. Уч. ОП/11. Глубина фиксации – 0,20 м (-0,48 м). Размеры – 90 x 50 см. Состояло из 27 костей животных, в том числе 5 фрагментов нижних челюстей, 1 фрагмента лопатки и 21 фрагмента трубчатых костей конечностей. Среди костей был найден обломок костяного наконечника стрелы.

2. Уч. О/10-11. Глубина фиксации – 0,32 (-0,35 м). Размеры – 100 x 45 см. В центре скопления зафиксирован развал крупного керамического сосуда с резным орнаментом. Скопление состояло из 115 костей, из которых пока определены фрагмент челюсти лошади, обломки трубчатых костей и зубы лошади и крупного рогатого скота.

3. Уч. П/8. Глубина фиксации от поверхности – 25 см. Скопление имело форму овала, вытянутую в направлении северо-восток – юго-запад. Размеры 110 x 60 см. В северо-восточной части под костями прослежено углистое пятно неправильной формы размером 70 x 60 см. Мощностью углистого слоя не превышала 1 см. В скоплении насчитано 93 кости, в том числе 35 обугленных. Находок среди костей не было.

4. Уч. О/7-8. Глубина фиксации – 17-20 м. Скопление имело неправильную форму размером 160 x 70 см. Скопление состояло из 111 костей,

в том числе 25 обожженных. С запада, юга и, частично, с востока оно было окаймлено тонкой углистой полосой шириной 3-10 см и мощностью не более 1 см. Находок среди костей не обнаружено.

На Усть-Туйском костыше упоминаются скопления черепных костей и костей конечностей крупного рогатого скота, среди которых было много целых, но описание их не дается. Одно из них располагалось на уч. ЛМ/ХVI-XX, в южной части раскопа (с. 11).

На Гляденовское костыше также упоминаются скопления черепов, лежавших, вероятно, в определенном порядке. Например, вместе с жертвенными чашечками отмечаются черепа россомахи, рыси, барсука, свиней, баранов и два черепа оленя¹, в северо-восточном углу раскопа – до 20 голов лосей и северных оленей со следами ударов топора².

В ходе исследований А. Д. Вечтомова в 1983 г. выявлено жертвенное захоронение жеребенка. Оно располагалось на уч. Н0/22, на глубине 64 см от поверхности. Кости животного располагались строго в анатомическом порядке. Останки животного лежали на левом боку с подогнутыми ногами, череп и шейные позвонки развернуты за спину в противоположном направлении к костям туловища. Длина костяка – 72 см. Кости частично обожжены. Под ним найден бронзовый наконечник стрелы с треугольным пером и выступающей втулкой с заостренными концами лопастей типа С-41 по С. В. Кузьминых³. Костяк жеребенка залегал в зольном слое святилища. Рядом с ним был найден железный наконечник. На костышах это пока единственный случай захоронения целой туши животного. Из других скоплений, изученных в 1995-97 г., отметим следующие:

1. Уч. А/16. Глубина залегания – 50 см. В скопление входили кости мелкого рогатого скота, в том числе череп с рогами и трубчатые кости конечностей. Все кости принадлежали одной особи.

2. Уч. А/15-16. Глубина залегания – 40-44 см. Зафиксировано 5 крупных фрагментов черепов взрослых лосей (затылочные части). Два черепа лежали рядом друг с другом, остальные – на некотором расстоянии, но все они составляли, несомненно, единый комплекс. Лоси были убиты вскоре после сбрасывания рогов – в конце осени.

3. Уч. Н-О/11. Глубина фиксации – 12-15 см. Скопление имело форму овала, вытянутого с юга на север. Размеры его – 2,40 на 1,10 м. Всего собрано 205 различных костей, из которых определены кости следующих животных:

¹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыше. С.35.

² Там же. С.41.

³ Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983. С.109.

медведь — фрагмент нижней челюсти со срезанной скуловой частью и заднекоренной зуб; лось — 6 верхних и 2 нижних коренных зуба; лошадь — фрагмент нижней челюсти с тремя зубами, 7 нижних и 17 верхних коренных зубов, 3 фаланги и плюсна; свинья — 7 фрагментов нижних и 3 фрагмента верхних челюстей, 7 нижних и 2 верхних коренных зуба и один резец; мелкий рогатый скот — 6 верхних и 2 нижних заднекоренных зуба и фрагмент нижней челюсти; крупный рогатый скот — 17 верхних и 9 нижних коренных зубов, 3 резца, 2 фрагмента пястной кости, 3 фрагмента лучевой кости животных (в том числе 2, принадлежавшие теленку), фрагменты бедренной и лучевой кости теленка.

Определение костей из перечисленных скоплений Гляденовского костяка выполнено Т. В. Фадеевой.

Г. Галечниковые вымостки

На Гляденовском костяке скопление гальки примыкало к очагу № 2, который будет описан ниже. Крупные скопления гальки встречены на Юго-Камском костяке. Они залегали под слоем жженных костей и имели мощность 12-15 см.

1. Уч. О/6-7. Форма овальная, размеры — 180 x 80 см.
2. Уч. О-П/7-8. Форма овальная, размеры — 260 x 120.
3. Уч. О-П/10. Форма овальная, размеры — 155 x 80 см.
4. Уч. О-П/10. Форма овальная, размеры — 120 x 80 см.
5. Уч. Р-С/11-12. Форма овальная, размеры — 220 x 120 см. Находилась с внутренней (вогнутой) стороны канавки № 5 и составляло с ней единый комплекс.
6. Уч. П-Р/5-6. Форма овальная, размеры — 200 x 100 см.
7. Уч. П-Р/7. Форма овальная, размеры — 190 x 120 см.
8. Уч. С/9. Форма овальная, размеры — 180 x 85 см.
9. Уч. Т/10-11. Форма овальная, размеры — 190 x 80 см. Примыкало с внешней стороны к канавке № 4.
10. Уч. С/12. Форма круглая, диаметр — 60-70 см. В отличие от предыдущих состояло из крупных (до 15 см) галек и нескольких пестов-терочников. Зафиксировано на границе очищенной от древней почвы площадки под слоем сырых костей.
11. Уч. М-Н/21-22. Форма круглая диаметром 80 см. Также состояло из круглых галек и располагалось недалеко от канавки № 1.
12. Уч. П/10-11. Форма овальная, размеры — 105 x 90 см, мощность — 3-4 см. Скопление состояло из круглых и овальных кварцитовых галек размером от 2 до 5 см. В центре скопления находилась плоская плитка песчаника размером 28 x 18 см, толщиной 4-6 см. Плитка не имела следов обработки.

В. Ф. Генинг связывал вымостки из гальки с «домиками мертвых», а сами гальки считал чурингами — вместилищами душ, по значению аналогичными человеческим фигуркам Гляденовского костыща¹. В таком случае надо признать, что на Юго-Камском костыще был захоронен прах многих тысяч покойников. Ведь гальки в большинстве скоплений сравнительно мелкие, а вымостки достигают немалых размеров и мощности. Между тем, ряд подобных вымосток зафиксирован на Гремячанском святилище. Одна из них служила как бы постаментом для черепа лошади². Скорее всего, такую же роль они играли и на Юго-Камском костыще. Территориально оно наиболее близко к Гремячанскому святилищу (около 120 км по прямой). На обоих памятниках преобладает керамика с ямочной орнаментацией. Возможно, Юго-Камское костыще было основано выходцами из бассейна р. Тулвы. Галечниковые вымостки изучены также на Зуево-Ключевском II городище ананьинской культуры³.

Д. Очаги, зольники, углистые пятна

На Гляденовском костыще исследованы два очага:

1. Жертвенный комплекс № 1 представлял собой крупное вытянутое пятно прокаленной глины с линзами золы и скоплением мелких пережженных фрагментов костей. Его размеры — 260 x 110 см. Мощность зольных линз и прокала достигала 15 см. Большая часть жертвенника, особенно его восточные участки, представляла собой прокал глины ярко-красного цвета. В его западной части фиксировалась крупная зольная линза серо-белого цвета с мелкими косточками и углями. В пределах зольной линзы отмечены оранжевые пятна пережженных костей. В жертвеннике располагалось около 30 овальных ямок, заполненных темно-серым рыхлым суглинком с пережженными костями. К нему также примыкало значительное количество разнообразных ямок.

Всего в жертвенный комплекс входило 53 ямы. Ямы, имевшие в разрезе чашевидную форму (гл. 5-15 см) и заполненные темным рыхлым суглинком с сырыми и жжеными костями, использовались для хранения останков жертвенных животных и жертвенных даров (30 ям). Особый интерес представляет яма № 47 глубиной 12 см. В ней обнаружены 9 фрагментов синих глазчатых бус. Другие ямы (23) округлой или овальной формы имели

¹ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С. 17.

² Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Учен. зап. Перм. ун-та. Пермь, 1967. № 148. С.145.

³ Черных Е.М. Культурные комплексы Зуево-Ключевского II городища в Среднем Прикамье. Оренбург, 2001. С.148.

пристроенное дно и крутые, почти отвесные, стенки. Они, вероятно, несли какую-то деревянную конструкцию из небольших бревен или жердей, на которой могли прикрепляться при помощи железных стержней найденных на костяше культовые предметы, шкуры жертвенных животных и т.д. Исключительный интерес представляют глубокие округлые ямы с выступами в плане (№№ 2, 38, 43, 53). Учитывая конструкцию этих объектов, следует предположить, что они были созданы при помощи специальных земляных инструментов типа деревянного бура с железным наконечником, после чего в подготовленную яму вбивались затесанные бревна или жерди диаметром 15-25 см. Это достаточно хорошо доказывается разрезами ям №№ 2, 38, 43. Среди описанных ям привлекает внимание объект № 53 овальной формы размерами 30 на 20 см. Поражает глубина ямы – 75 см.

2. Был обнаружен на уч. НО/12. Он представлял собой пятно прокаленной глины желто-оранжевого цвета размером 150 на 104 см и мощностью от 2 см по краям до 7 см в центре. На поверхности зафиксировано овальное пятно серой древесной золы размером 26 на 16 см и мощностью 2 см. Глубина фиксации слоя прокаленной глины от поверхности – 24 см. Вероятно, он использовался в культовых целях – для сожжения костей жертвенных животных. С северной стороны к очагу примыкало и частично перекрывало его скопление мелкой гальки размерами 150 x 40 см и мощностью 2 -3 см. Мелкие (не более 0,8 см) кремневые и кварцевые гальки не имели следов обжига. С поверхности очага было собрано значительное количество фрагментов керамики.

Углистые пятна исследованы на Гляденовском и Слепушкинском костящах.

Гляденово: 1. Уч. В/13 – 14. Глубина фиксации – 50 см. Пятно имело форму неправильного овала вытянутого по линии восток-запад. Длина его – 324 см, ширина – до 136 см, сечение линзовидное мощностью – до 13 см. Центральная часть – размерами 300 x 100 м – была сложена пестроцветным слоем, состоявшим из сажи, серой древесной и желто-оранжевой костной золы, комков и прослоек обожженной глины. Под пятном пестроцвета и вокруг него залегал слой плотного черного суглинка с примесью сажи и угольков. На поверхности пятна и в слое находок не обнаружено.

2. Уч. АБ/13 –14. Глубина фиксации – 50 см. В плане имело форму неправильного овала, вытянутого по линии северо-запад – юго-восток. Сечение линзовидное, мощность – до 20 см. Размеры изученной части – 235 x 90 см. Состав слоя аналогичен предыдущему пятну, но в отличие от него, слой суглинка, насыщенного сажей и угольками, залёгал только под пятном пестроцвета. На поверхности пятна найден крупный фрагмент ананьинского воротничкового сосуда и берцовая кость лошади.

На Слепушкинском костыше зафиксированы 11 углистых пятен разных размеров и мощности:

1. Уч. ГЕ/30-32. Глубина фиксации – 80-120 см. Пятно имело форму овала, вытянутого с севера на юг. Размеры его – 520 x 370 см, сечение линзовидное, мощность – до 30 см. На поверхности зафиксирована прямоугольная плитка песчаника размерами 56 x 50 см. В пределах линзы найдено 2 плоских железных, 42 костяных наконечника стрел, костяная бусина и значительное количество фрагментов керамики.

2. Уч. ЕЖ/30-31. Глубина фиксации – 130 см. Форма овальная, размеры – 120 x 110 см, мощность – до 10 см. На поверхности обнаружено скопление фрагментов небольшого сосуда.

3. Уч. ЖЗ/30. Глубина фиксации – 130 см. Форма овальная, размеры – 164 x 60 см, мощность – до 10 см. Находок не обнаружено.

4. Уч. Е-3/31-32. Глубина фиксации – 120-170 см. Форма овальная, размеры – 500 x 188 см, мощность – до 20 см. Над пятном располагалось скопление черепов и костей № 3(см. выше). Под линзой зафиксированы 4 песчанниковые плитки, в углистом слое найден костяной наконечник стрелы, под ней, в зольном слое, – плоский железный, 3 целых и 8 обломков костяных наконечников. В северной части линзы расчищены развалы двух крупных сосудов.

5. Уч. З/31-32. Глубина фиксации – 90 см. Очертания уходили в южную стенку раскопа.

Форма овальная, размеры изученной части – 100 x 70 см, мощность – до 6 см. Находок не обнаружено.

6. Уч. ЖЗ/ 33. Глубина фиксации – 140 см. Форма овальная, размеры – 78 x 66 см, мощность – до 12 см. Находок не обнаружено.

7. Уч. З/ 33-35. Глубина фиксации – 105-125 см. Форма овальная, размеры – 390 x 260 см, мощность – до 20 см. На поверхности найден костяной наконечник стрелы.

8. Уч. Ж/ 34. Глубина фиксации – 110-112 см. Форма овальная, вытянута с востока на запад, размеры – 100 x 40 см, мощность – до 6 см. На поверхности обнаружен крупный неорнаментированный фрагмент керамики, в 12 см к северу – две лежавшие рядом крупные позолоченные стеклянные бусины.

9. Уч. Г/ 34. Глубина фиксации – 100 см. Очертания уходили в восточную стенку и обрыв, размеры сохранившейся части – 80 x 26 см, мощность – до 18 см. Находок не обнаружено.

10. Уч. Д/35-36. Глубина фиксации – 140 см. Пятно имело форму овала, вытянутого по линии восток-запад. Размеры – 166 x 46 см, мощность – до 12 см. На поверхности пятна обнаружены 6 целых жертвенных чашек,

в углистом слое — 4 стеклянные бусины и более 100 фрагментов керамики. К пятну № 10 примыкал ряд находок, в основном бус и чашек, а также 5 медвежьих клыков. Пятно было перекрыто слоем древесной золы мощностью 3-4 см, а еще выше — слоем материкового наброса.

11. Уч. И/30. Глубина фиксации — 100 см. Очертания уходили в восточную стенку раскопа. Размеры изученной части — 40 х 40 см, мощность — до 8 см. С поверхности собрано много обугленных костей, в том числе лошадиных зубов.

Углистые пятна №№ 1-8 и 11 были врезаны в погребенную почву, №№ 9-10 - в материк.

Ни на одном костыше не выявлено остатков каких-либо долговременных построек. Тем не менее, как показали исследования Ю.А. Полякова на Юго-Камском костыше, оно имело довольно четкую планировку. Надо полагать, что его устройство требовало немалых затрат труда и четкой организации работ. Вначале на городище была расчищена овальная площадка размерами 15 х 8 м. На этой площади почва была срезана до материка. На ней были принесены жертвы, остатки которых сохранились в виде слоя необожженных, преимущественно нерасколотых костей животных. Площадь его 27 кв. м, мощность — до 15 см. На этом слое впоследствии приносились жертвы путем сожжения, в результате образовался слой пережженных костей и костной золы, состоящий из отдельных линз. В составе этого слоя встречены 43 обугленных нижних челюсти лошадей, лежавших плашмя. Если не синхронно с расчисткой площадки, то, во всяком случае, через небольшое время были сооружены канавки №№ 4 и 5 с галечниковыми вымостками №№ 5 и 9, а также вымостки №№ 3, 4, 7 и 8. Относительно времени создания других сооружений ничего сказать нельзя, но и они вписываются в общую планировку костыща. В результате многочисленных жертвоприношений и ритуальных трапез вокруг расчищенной площадки и слоя жженных костей образовался слой сырых костей площадью 180 кв. м и мощностью до 30 см. Отдельные скопления костей встречены и за пределами этого слоя. В целом Юго-Камское костыше имело планировку, близкую к радиальной.

Такое же явление наблюдается и на Гляденовском костыше. В центре его, ближе к южной границе находилась углубленная площадка, заполненная золой и пережженными костями¹. Диаметр ее составлял около 30 м². Раскопки А. Д. Вечтомова подтвердили, что в центральной части костыща имеется значительное западение культурного слоя. В свое время

¹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыше. Рис. 3.

² Там же. С. 31.

А. Ф. Мельничук и автор предполагали карстовое происхождение этого углубления¹, но это маловероятно по геологическим условиям Гляденовской горы. Скорее всего, это углубление рукотворное. Вокруг него располагались более мелкие жертвенные сооружения – ямы, очаги, столбы и т. д.

На Слепушкинском костыше удалось зафиксировать канавообразный объект, вытянутый с севера на юг с небольшими отклонениями к западу и востоку. Северная часть канавообразного сооружения разрушена береговой абразией, а южная осталась пока не исследованной. В длину объект изучен на 14 м. Средняя его ширина 8 м. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют, что для проведения культовых церемоний при создании святилища была выбрана естественная ложбина, вероятно, русло древнего ручья, края и дно которого специально подрезались. Характерно, что канавообразное сооружение к югу точно направлено в сторону выхода грунтовых родниковых вод, расположенного на ровной площадке у костыша у подножия верхнего уступа древней террасы. Следы специальных работ в виде материковых выбросов хорошо фиксировались с западного края выявленного объекта. О специальной подрезке или планировке древнего русла ручья свидетельствуют также нарушения слоя погребенной почвы в центральной части сооружения. Здесь же отмечена более значительная мощность костеносного слоя (1,2 м) и общая мощность культурных напластований (1,8 - 1,9 м). В целом глубина канавы не превышала 30 см.

В пределах канавообразного сооружения прослежены углистые линзы №№ 1-5 и скопление черепов и костей № 3 (см. выше).

Радиальная планировка, прослеженная на Юго-Камском и Гляденовском костышах, напоминает планировку позднесредневекового марийского Важнангерского святилища. Здесь ряд малых жертвенных кострищ был размещен вокруг большого центрального. В свою очередь, беспорядочное расположение кострищ Слепушкинского костыша похоже на планировку Ирмарского жертвенного места того же времени². Радиальная планировка характерна для удмуртских святилищ: «в пространстве Луда выделялось три круга сакральности»³. Место поминок «древних» Важ Чадзэв в Косинском районе Коми-пермяцкого округа также находилось в лесу на круглой в плане ровной площадке, обсаженной по кругу деревьями⁴.

¹ Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. К проблеме хронологии костыщ гляденовской культуры. С. 44.

² Данилов О.В. Ранние черты марийского язычества в поздних жертвенниках // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Тезисы докладов. Ижевск, 1987. С. 13-15.

³ Владыкин В.Е. Языческие святилища удмуртов. С. 19.

⁴ Грибова Л.С. Культ «древних» у коми-пермяков. М, 1964. С.4.

Площадка Гляденовского костыща с западной стороны ограничена валом и рвом небольших размеров — высота вала не более 1 м, глубина рва около 40 см. Такие укрепления не могли защитить от нападения реальных врагов — людей или хищных животных. Они имели сакральный характер, отгораживая священную землю жертвенного места от окружающего пространства, в данном случае — от нижней площадки Гляденовского городища. На этой площадке прослежен культурный слой гляденовского времени, то есть на ней жили люди, и, вероятно, занимались хозяйственной деятельностью. Можно предположить, что вал и ров отгораживали святилище не от дикой природы и враждебных сил Леса, а от обыденной повседневной жизни. На других костыщах декоративных земляных укреплений не отмечено. Возможно, это объясняется тем, что они не соседствовали с синхронными поселенческими памятниками. В этнографической современности некоторыми аналогиями валу и рву гляденовского костыща могут быть признаны небольшие насыпи вокруг Плотниковской священной рощи, исследованной А. М. Белавиным, в Коми-пермяцком округе¹. Другие костыща, возможно, огораживались деревянными изгородями, как современные святилища удмуртов², коми-пермяков³, либо завалами деревьев, как некоторые священные рощи марийцев⁴ и чувашей⁵. Археологически такие объекты проследить почти невозможно.

На северном склоне Гляденовского костыща древний почвенный слой также был срезан. Здесь же зафиксированы насыпные терраски или ступеньки. К сожалению, они остались почти неизученными, так как сильно разрушены корнями деревьев. Возможно, на северной стороне костыща была сооружена какая-то особая «дорога», имевшая сакральный характер, в отличие от обычной, идущей с верхней площадки городища. В связи с этим надо упомянуть, что вход на мансийские святилища всегда был с северной стороны⁶.

¹ Белавин А.М. Указ. соч. С. 10.

² Удмурты. Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С.213.

³ Грибова Л.С. Культ «древних» у коми-пермяков. С.4.

⁴ Нижегородские марийцы. С.231.

⁵ Салмин А.К. Указ. соч. С. 44.

⁶ Сорокин Н. Путешествие к вогулам // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1873. Т.3, № 4. С.7.

ГЛАВА II. ВЕЩЕВОЙ МАТЕРИАЛ КОСТИЩ

При всем многообразии вещевого материала костыщ, особенно Гляденовского, он может быть разделен на следующие категории: керамика, украшения и детали костюма, предметы вооружения, орудия труда, предметы конской упряжи, антропоморфные и зооморфные фигурки и предметы, назначение которых неясно. Первое место по количеству и разнообразию находок занимает Гляденовское костыще, за ним следуют Юго-Камское и Гаревское. Инвентарь прочих памятников значительно беднее. Предварительно следует отметить, что огромное количество находок Гляденовского костыща вызвало значительные разногласия уже у первых исследователей. Так, например, Н. Н. Новокрещенных писал о 170 целых глиняных чашках¹, а А. А. Спицын — только о 150². Н. Н. Новокрещенных насчитывал в коллекции 456 фигурок всех млекопитающих³, а А. А. Спицын — только собак до 460 экз.⁴. Костяных наконечников по Н. Н. Новокрещенных найдено 1210, не считая обломков⁵, а А. А. Спицын упоминает всего 396⁶. В более поздних работах также встречаются значительные неточности в описании материалов костыща. Например, в учебнике Д. А. Авдусина говорится о 1000 бронзовых наконечников с Гляденовского костыща⁷, то есть их действительное число преувеличено почти в сто раз. Наконец, необходимо указать на ряд мелких неточностей, допущенных В. Ф. Генингом:

«Золоченые бусы (Гляденовского и Юго-Камского костыщ. — А. Л.) представлены в большинстве крупными экземплярами»⁸. Согласно автору первых раскопок «крупных золоченых бус встречалось вообще не

¹ Новокрещенных Н. Н. Гляденовское костыще. С. 42.

² Спицын А. А. Гляденовское костыще. С. 35.

³ Новокрещенных Н. Н. Гляденовское костыще. С. 85.

⁴ Спицын А. А. Гляденовское костыще. С. 17.

⁵ Новокрещенных Н. Н. Гляденовское костыще. С. 63.

⁶ Спицын А. А. Гляденовское костыще. С. 33-34.

⁷ Авдусин Д. А. Археология СССР. М., 1977. С. 156.

⁸ Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья. С. 140.

много»¹. Из имеющихся в наличии бусы диаметром более 8 мм составляют не более 4 % на Гляденовском и менее 20% – на Юго-Камском костыше.

«В Гляденово преобладают металлические (почти 600) наконечники стрел»². Согласно Н. Н. Новокрещенных костяных наконечников все же немного больше – 1210 против 1060 железных и 11 бронзовых³.

«Большинство фигурок... снабжены отверстиями или чаще ушками для подвешивания»⁴. На самом деле приспособления для подвешивания на фигурках Гляденовского костыща довольно редки. Они встречены в основном у орнитоморфных изображений (30%), гораздо реже – у фигурок четвероногих (4%) и людей (11%), и никогда – у змей и ящериц (данные приведены по материалам костыща, хранящимся в Пермском музее).

«В Юго-Камске ... совершенно нет антропоморфных фигурок»⁵. Литых или вырезанных фигурок там действительно не найдено, но есть изображение человека, гравированное на бронзовой бляшке.

Количество примеров можно было бы умножить, но и так ясно, что точный подсчет всех предметов, найденных на Гляденовском костыше, крайне затруднителен. В данной работе используются прежде всего данные Н. Н. Новокрещенных, имеющие характер первоисточника. В ряде случаев пришлось ограничиться только материалами, которые сохранились в наличии до нашего времени. То же относится и к Гаревскому костыщу. Коллекция с этого памятника сильно перемешана, часть предметов утеряна. Поэтому в работе использованы только достоверные предметы, опубликованные А.Е. Теплоуховым или имеющие маркировку XIX века.

2.1. Керамические комплексы костыщ

Более или менее представительные керамические комплексы известны только с шести памятников – Гляденовского (рис.3-6), Юго-Камского, Гаревского, Ильинского (рис. 7), Усть-Туйского и Слепушкинского костыщ. На Панкрашинском костыше находили фрагменты керамики⁶, но в коллекции их только три. В коллекции Останинского костыща керамики нет совсем, не упоминается она и Ф. А. Теплоуховым. Возможно, это объясняется тем, что памятник исследован не полностью. Единичные неорнамен-

¹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. С. 90.

² Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С.143.

³ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. С. 62.

⁴ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С.159.

⁵ Там же. С.175.

⁶ Теплоухов Ф.А. Период древнейших костыщ. С. 17а.

тированные фрагменты найдены также на Ломотинском и предполагаемом месте Топосихинского костяка. Керамика костяка была обработана на основе программы, разработанной В. Ф. Генингом. Для описания керамических комплексов Гляденовского костяка были использованы данные В. Ф. Генинга, Юго-Камского и Усть-Туйского – Ю. А. Полякова.

Вся керамика костяка делится в основном на три типа:

1. Сосуды с округлым дном, плавно переходящим в тулово, и четко выраженной вертикальной или слабоотогнутой шейкой.

2. Сосуды с округлым дном, плавно переходящим в тулово, и слабо выраженной короткой шейкой.

3. Чашевидные сосуды без выраженной шейки.

Другие варианты встречаются крайне редко. В каждом случае они будут упомянуты особо. Другое разделение керамики – на бытовую и жертвенную, под которой подразумеваются мелкие сосудики, обычно третьего типа. Это разделение сравнительно четко прослежено на 4 костяках. На Юго-Камском и Гляденовском костяках эту грань провести сложнее, так как на этих памятниках для определения брались даже очень мелкие фрагменты, по которым невозможно установить даже приблизительные размеры сосуда. Кроме того, по справедливому замечанию В.Ф. Генинга «и те и другие сосуды попадали на костяк в связи с каким-то ритуальным обрядом»¹. Это подтверждается находкой трех крупных сосудов в яме № 66 Гляденовского костяка. По формальному признаку (размеры) эти сосуды бытовые, а по сути – жертвенные.

Гляденовское костяк

А. Керамика ананьинской культуры (рис. 3).

Критерием для выделения сосудов ананьинского времени послужило наличие на шейке характерного утолщения – воротничка. Всего выделено 76 сосудов, 7 из которых имеют двойной воротничок. Все ананьинские сосуды относятся ко второму типу и имеют примесь толченой раковины в глиняном тесте. Цвет варьирует от желто-коричневого до темно-серого, почти черного. Наружная и внутренняя поверхность тщательно заглажена, у трех сосудов (4%) прослежено лощение наружной поверхности. Толщина стенок колеблется от 5 до 10 мм. Диаметр удалось установить у 18 сосудов, он составляет от 22 до 45 см. Форма венчика округлая у 10 сосудов (13%), плоская с утолщением – у 66 (87%). Два сосуда орнаментированы по венчику оттисками зубчатого штампа.

¹ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С. 147.

Индекс орнаментации по шейке - 33 сосуда (43,5%). Представлены следующие элементы орнамента:

- гребенчатый из 2-5 зубцов - 14 сосудов и (43%);
- шнуровой - 1 сосуд (3%);
- ямочный - 9 сосудов (27%);
- резной (оттиски гладкого штампа) - 1 сосуд (3%);
- зубчатый в сочетании со шнуровым - 6 сосудов (18%);
- зубчатый + ямочный - 1 сосуд (3%);
- зубчатый + ямочный + шнуровой - 1 сосуд (3%).

Ананьинская керамика Гляденовского костыща по всем признакам близка керамике поздних памятников верхнекамской группы типа Коцевогорского селища и датируется IV III вв. до н.э.¹ Сосуды с двойным воротничком имеют аналогии в жертвенных ямах позднеананьинского могильника Протасы, исследованного в 1993 г. С. Н. Коренюком, в 10 км от Гляденовского костыща.

Б. Керамика гляденовской культуры (рис. 4-6).

Керамический комплекс гляденовского времени насчитывает 997 сосудов, 538 из них были найдены при раскопках Н.Н. Новокрещенных и обработаны В. Ф. Генингом². В основном это целые сосуды и крупные фрагменты. Остальные сосуды происходят из современных раскопок. К типу 1 отнесены 83 сосуда (8%), к типу 2 - 355 (36%), к типу 3 - 559 (56%). Все выделенные сосуды имеют примесь раковины, но есть три фрагмента стенок с примесью талька, вероятно зауральского происхождения. Толщина стенок от 2 до 7 мм, лишь в одном случае она достигает 12 мм. Цвет варьирует от соломенно-желтого до почти черного. Диаметр по венчику установлен у 562 сосудов, он колеблется от 3 до 40 см, в среднем составляет 13 см. В отличие от ананьинской, гляденовская керамика часто имеет грубую обработку поверхности (так называемые расчесы от заглаживания щепкой или зубчатым штампом). Снаружи они прослежены у 130 (13%) сосудов, изнутри - у 175 (17,5%). По форме венчика сосуды распределяются следующим образом: плоский - 757 сосудов (76%), округлый - 175 (17,5%), волнистый - 35 (3,5%), заостренный - 22 (2,2%), утолщенный - 8 (0,8%).

Индекс орнаментации по венчику составляет 41% - 410 сосудов. Встречены следующие элементы орнамента: насечка - 376 сосудов (91,7%), ямка - 26 сосудов (6,3%), зубчатый штамп - 7 сосудов (1,7%), зашип - 1 сосуд (0,3%).

¹ Збруева А.В. История населения Прикамья... С. 260.

² Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С. 146-155.

Индекс орнаментации по шейке – 31 % или 310 сосудов. Элементы орнамента:

- резной – 158 сосудов (51%);
- ямочный – 96 сосудов (31%);
- зубчатый – 12 сосудов (4%);
- шнуровой – 23 сосуда (7,5%);
- шнуровой + резной – 11 сосудов (3,5%);
- ямочный + резной – 6 сосудов (2%);
- ямочный + шнуровой – 2 сосуда (0,6%);
- резной + ямочный +шнуровой – 1 сосуд (0,3%).

У 103 сосудов 3 типов отмечены парные противостоящие отверстия под венчиком, у 5 – налепные ручки-ушки. Надо добавить, что в раскопках Н.Н. Новокрещенных встречены две плоскодонные чаши и сосудик в виде ванны с эллиптическим дном¹.

Как уже говорилось, четко разделить керамику на жертвенную (рис.5) и бытовую (рис.4) крайне сложно. Согласно данным В. Ф. Генинга в материале раскопок Н. Н. Новокрещенных диаметр менее 15 см имеют 76,5% сосудов. В материале раскопок 1981-84 гг. и 1991 г. к жертвенным с достаточной долей условности отнесены 52% сосудов. Исходя из этого, долю жертвенных сосудов в керамике костища можно определить как 65%. Следует добавить, что приведенное количество сосудов Гляденовского костища не исчерпывает всей керамики этого памятника. Во-первых, часть фрагментов была вскоре после раскопок направлена в Петербург². Где они сейчас, установить не удалось. Во-вторых, сравнительно небольшие фрагменты керамики не брались с раскопа. Н. Н. Новокрещенных указывал, что для разборки было взято три коробка черепков и осталось очень много³. Это подтверждается раскопками А. Д. Вечтомова 1981-84 гг.: много керамики было найдено в перекопах – раскопе Н. Н. Новокрещенных.

Юго-Камское костище

А. Керамика ананьинской культуры.

Всего в коллекции выделено 16 воротничковых сосудов, 14 из которых относятся ко второму типу и 2 – к третьему. Все они имеют примесь раковины в глиняном тесте, серый или коричневый цвет. Толщина

¹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костище. С. 43.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С.36.

стенок — от 4 до 10 мм. Диаметр по венчику установлен только у 4 экземпляров: два сосуда — по 20 см, один — 25 см и один — 27 см. Снаружи поверхность у всех сосудов гладкая, изнутри в одном случае прослежены расчесы. Срез венчика плоский у 12 сосудов, утолщенный — у 3 и округлый — у 1 сосуда. Венчики неорнаментированы, индекс орнаментации по шейке — 56% или 9 сосудов. В том числе 2 сосуда орнаментированы пояском круглых ямок, 5 — оттиском 3-зубого штампа и 1 сосуд — пояском подковообразных вдавлений.

Б. Керамика гляденовской культуры.

Всего выделено 1234 сосуда. По типам они распределяются так: 1 тип — 181 сосуд (14,6%), 2 тип — 179 сосудов (14,5%), 3 тип — 874 сосуда (70,9%). Кроме того, найдены три фрагмента плоских днищ. Примеси к глиняному тесту более разнообразны, чем в керамике Гляденовского костыща:

толченая раковина — 1217 сосудов (98,6%);

толченый известняк — 9 сосудов (0,7%);

органика — 5 сосудов (0,4%);

мелкий песок — 3 сосуда (0,3%).

Толщина стенок сосудов — от 2 до 9 мм, в трех случаях — 10-11 мм, диаметр — от 6 до 22 см. По обработке поверхности сосуды разделяются следующим образом:

Снаружи: гладкая — 1070 экз. (86,7%), с расчесами — 161 экз. (13%), лошенные — 3 сосуда (0,3%)

Изнутри: гладкая — 987 сосудов (80%), с расчесами — 247 сосудов (20%).

Встречены следующие формы венчиков: плоская — 827 (67%), округлая — 321 (26%), заостренная — 56 (4,5%), округло-утолщенная — 24 (2%) и волнистая — 7 сосудов (0,5%).

Индекс орнаментации керамики Юго-Камского костыща гораздо ниже, чем на Гляденово: по венчику он составляет 19% (232 сосуда), по шейке — 16% (197 сосудов).

В орнаментации венчика встречены:

насечка — 216 сосудов (93%);

ямка — 9 сосудов (4%);

зубчатый штамп — 3 сосуда (1,3%);

защип — 4 сосуда (1,7%).

По шейке сосуды орнаментированы следующим образом:

ямка — 102 сосуда (52%);

шнур — 27 сосудов (14%);

резной — 38 сосудов (19%);

зубчатый штамп – 12 сосудов (6%);
ямка + резной – 9 сосудов (4,5%);
ямка + шнур – 4 сосуда (2%);
шнур + зубчатый штамп – 4 сосуда (2%);
линейно-прочерченный + шнуровой – 1 сосуд (0,5%).

Отверстия под венчиком обнаружены у 117 сосудов. У 24 целых и реставрированных сосудов удалось установить высотный индекс:

очень малый – менее 0,4 – 1 сосуд;
малый – от 0,41 до 0,8 – 20 сосудов;
средний – от 0,81 до 1 – 3 сосуда.

Малые сосуды, относимые к числу жертвенных, составляют не менее 72% всей керамики гляндовского комплекса. Помимо глиняной посуды на Юго-Камском костыше найден небольшой фрагмент стенки бронзового котла.

Ильинское костыше

Всего в керамическом материале Ильинского костыша (рис.7) выделено 233 сосуда, в том числе 11 целых жертвенных чашек (рис.7, ф.2,6,7). Остальная керамика сильно фрагментирована. Вероятно, это объясняется тем, что культурный слой памятника невелик – 40-60 см, а часть территории распахивалась. Сосудов 1 типа не встречено, 17 (7,3%) сосудов относятся ко 2 типу, 216 (92,7%) – к 3 типу. Вся керамика имеет примесь раковины. Преобладают фрагменты серого цвета, желтые и коричневые встречены редко. Толщина стенок – от 3 до 8 мм. Диаметр по венчику установлен у 15 сосудов. Один из них имел диаметр 25 см, остальные – 3,5-10 см. Поверхность снаружи и изнутри гладкая у 231 экз. (98%), с расчесами – лишь у 5 (2%). Форма венчика плоская у 88 (38%), округлая – у 137 (59%), заостренная – у 8 сосудов (3%).

Индекс орнамента необычайно низок по сравнению с другими костышами. По венчику он составляет 7,7% (18 сосудов), по шейке – всего 1,3% (3 сосуда). Элементы орнамента по венчику: насечка – 11(61%), зубчатый штамп – 6 (33%), ямка – 1 сосуд. (6%). По шейке два сосуда орнаментированы горизонтальным шнуром (рис.7, ф.5), один – прочерченным зигзагом. 88 сосудов (38%) имеют отверстия под венчиком. Из 11 целых сосудов 2 имеют очень малый, а 9 – малый высотный показатель.

К числу бытовых можно несомненно отнести только один неорнаментированный сосуд диаметром 25 см. Все или почти все остальные сосуды относятся к числу жертвенных.

Слепушкинское костыще

Всего выделено 156 сосудов, в том числе 60 целых и реставрированных чашек. Бытовая посуда представлена 26 сосудами (16,7%). 1 сосуд относится к 1 типу (4%), 21 (81%) – ко 2 типу, 4 сосуда (15%) – к 3 типу. Все они имеют примесь толченой раковины в глиняном тесте, у одного кроме раковины встречена незначительная примесь песка. Толщина стенок – 4-7 мм, диаметр по венчику – от 14 до 35 см. Наружная поверхность гладкая у 12 сосудов, с расчесами – у 14. Изнутри гладкую поверхность имеют 10 сосудов, расчесы – 16. Форма венчика: плоская – у 21 сосуда (81%), округлая – у 3 (11%), по одному сосуду (4%) имеют заостренный и утолщенный венчики.

Индекс орнаментации по венчику 50% (13 сосудов), из них – 11 (85%) украшены насечками, 2 – ямками (15%).

По шейке орнаментировано всего 5 сосудов (19%), но орнамент довольно разнообразен. Два сосуда орнаментированы пояском кружковых отпечатков, один пояском косо поставленных резных отпечатков, один – горизонтальным резным зигзагом в сочетании с пояском ямок. Еще один сосуд имеет орнамент из 7 рядов шнура в сочетании со сдвоенной шнуровой волной.

Жертвенная посуда представлена 130 чашками, 4 из которых (3%) относятся к 2 типу, остальные 126 (97%) – к третьему. Все сосуды имеют примесь раковины. Цвет варьирует от желтого до черного. Толщина стенок – 2-8 мм, диаметр 2,5 – 10 см, высота – от 1,2 до 5 см. Наружная поверхность обработана мягким предметом у 109 сосудов (84%), имеет расчесы – 21 (16%). Изнутри гладкая поверхность у 104 сосудов (80%), с расчесами – у 26 (20%). Форма венчика плоская у 63 (48,5%), округлая – у 51 (37%), заостренная – у 13 (10,5%), волнистая – у 3 сосудов (2%).

Индекс орнаментации по венчику и шейке одинаков – по 5% (7 сосудов). По венчику 6 чашек украшены насечкой, 1 – мелкими ямками. По шейке встречены следующие элементы орнамента:

шнуровые отпечатки – 2 сосуда;

ямка – 3 сосуда, в том числе один сосуд орнаментирован снаружи и изнутри;

зубчатый штамп – 1 сосуд;

резной (ногтевидные вдавления) – 1 сосуд.

Парные противостоящие отверстия имеются у 65 жертвенных чашечек (50%), наклепные ушки – у 3 (2,3%). Высотный показатель определен у 61 сосуда:

очень малый - от 0,22 до 0,38 - 16 сосудов (26%);

малый - от 0,41 до 0,8 - 40 сосудов (66%);

средний - от 0,81 до 1 - 5 сосудов (8%).

Гаревское костище

А. Е. Теплоухов писал, что при раскопках этого костища было найдено 50 целых и 130 черепков от чашек, а также некоторое количество толстостенной керамики¹. В коллекции выделено 99 сосудов, в том числе 34 целых или имеющих небольшие повреждения.

Бытовая керамика насчитывает всего 7 сосудов, в том числе 4 – второго типа и 3 – третьего. Все они имеют примесь раковины в глиняном тесте. Толщина стенок – 4-7 мм. Диаметр 5 сосудов – 20-26 см, 2 фрагмента принадлежали сосудам диаметром около 50 см. Три сосуда снаружи и изнутри гладкие, 4 – с расчесами. Венчик плоский у 5 сосудов, утолщенный – у двух. Все они орнаментированы по венчику, в том числе 5 – насечкой, 2 – зубчатым штампом. По шейке орнаментировано три сосуда:

1. Три ряда строенного горизонтального шнура и строенная шнуровая волна.

2. Три ряда шнура и двояная шнуровая волна.

3. Два ряда горизонтальных зигзагов из 4-зубого штампа.

Миниатюрных сосудов в коллекции 92 экз. Один из них относится к 1 типу, 11 – к 2 типу и 80 – к 3 типу. В числе последних есть 4 чашки с плоским дном. 81 экз. имеет примесь раковины (82%), 11 (12%) – песка. Толщина стенок – от 2 до 8 мм, диаметр – от 3 до 9,5 см. Обработка поверхности такова: снаружи гладкие стенки – у 89 (96,7%), расчески – у 3 (3,3%). Изнутри гладкую поверхность имеют 87 (94,5%), с расчесами – 5 (5,5%) миниатюрных чашек. Срез венчика плоский у 36 сосудов (39%), округлый – у 43 (47%), заостренный – у 10 (11%) и волнистый – у 3 (3%).

По венчику орнаментированы 13 сосудов или 14%. Венчики 8 из них украшены зубчатым штампом, 5 – насечкой. По шейке орнаментированы всего три сосуда – 3,2%. Два из них имеют шнуровые узоры, один – зубчатый. Отверстия прослежены у 27 сосудов (29%), ушки – только у одного.

Высотный показатель установлен у 34 сосудов, в том числе:

очень малый – 7 экз. (20,5%),

малый – 24 (70,5%),

средний – 3 сосуда (9%).

Усть-Туйское костище

Всего в керамический комплекс этого памятника входят 72 сосуда. Из них только один найден при раскопках Ф. А. Теплоухова, остальные –

¹ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах... С. 15.

при раскопках В. Ф. Генинга 1952 г. Здесь будут использованы данные, приведенные им в неопубликованной статье, посвященной этому памятнику. К типу 1 относятся 9 сосудов (13%), к типу 2 – 15 (21%), к типу 3 – 48 сосудов (67%). 42 сосуда имеют примесь раковины в глиняном тесте, у остальных примесь не указана. Толщина стенок колеблется от 4 до 10 мм. По диаметру сосуды распадаются на следующие группы:

1. От 6 до 15 см - 45 сосудов (62,5%).
2. От 15 до 40 см - 20 сосудов (27,8%).
3. Свыше 40 см - 7 сосудов (9,7%).

Сосуды первой группы В.Ф. Генинг отнес к числу жертвенных. Форма венчика и характер обработки поверхности не указаны.

У бытовой керамики индекс орнамента венчика составил 92,5% или 25 сосудов из 27. Представлены следующие элементы орнамента: насечка – 6 сосудов (24%); зубчатый штамп – 18 сосудов (72%); ямка – 1 сосуд (4%). Индекс орнамента шейки – 29,6% (8 сосудов). Элементы орнамента: шнуровой – 4 сосуда (50%); зубчатый – 2 сосуда (25%); ямочный и резной – по одному сосуду (12,5 %).

Жертвенная посуда имеет индекс орнамента по венчику 24,5% – 11 сосудов. Представлены: насечка и зубчатый штамп – по 5 сосудов (45,5%); зашип – 1 сосуд (9%).

По шейке лишь один сосуд орнаментирован шнуровым орнаментом (2,2%).

Элементы орнамента венчика с разных костяк приведены в таблице:

	Гляденово	Юго-Камск	Ильинское	Слепушка	Гаревское	Усть-Туй
Насечка	91,7%	93%	61%	85%	50%	30,5%
Зубчатый	1,7%	1,3%	33%	–	50%	64%
Ямка	6,3%	4%	6%	15%	–	2,75%
Зашип	0,3%	1,7%	–	–	–	2,75%

Элементы орнамента шейки и стенки:

	Гляденово	Юго-Камск	Слепушка	Гаревское	Усть-Туй
Резной	51%	19%	17%	–	9%
Ямочный	31%	52%	42%	–	27%
Шнуровой	7,5%	14%	25%	66%	46%
Зубчатый	4%	6%	8%	33%	18%
Сочетания	6,5%	8%	8%	–	–

Примечание: Проценты даны с округлением. Ильинское костяк не представлено из-за малочисленности материала.

Керамический материал костяк, таким образом, весьма разнообразен прежде всего по орнаментации. По остальным признакам прослеживается

сходство. Везде преобладают сосуды 3 типа, керамика подразделяется на крупные сосуды и мелкие чашечки, изготовленные специально для проведения религиозных обрядов. Несмотря на это, изготовлены они часто довольно небрежно: имеют слабый обжиг, асимметричны, с грубой обработкой поверхности, почти без орнамента. Чашки со Слепушкинского костыща, например, пропускают воду почти сразу же, как она налита.

По мнению Ю. А. Полякова, так называемые святилища со рвами принадлежали племенам осинского варианта гляденовской культуры – носителям гребенчатой керамики, а костыща отражают специфику племен пермского варианта¹. Однако, судя по керамике костыщ, такое четкое разделение вряд ли возможно. Керамика с зубчатым орнаментом по венчику, хотя и в небольшом количестве, встречена на Гляденовском и Юго-Камском костыщах, следовательно, они посещались носителями этой керамики. В Верхнем Прикамье такая керамика преобладает на Гаревском и Усть-Туйском костыщах, хотя там есть и керамика с насечкой по венчику. На Ильинском костыще керамики с насечкой по венчику почти в два раза больше, чем с зубчатым орнаментом. Следовательно, эти памятники были основаны и использовались выходцами как из южных (Очерской, Осинской, Частинской), так и из северных (Мулянской, Юговской, Черновской) племенных групп гляденовской культуры. В то же время в гляденовском слое Половинного I поселения-святилища много резной и шнурово-резной керамики. Таким образом, племена осинского и пермского вариантов пользовались святилищами обоих типов, во всяком случае, с начала нашей эры. Кроме того, необходимо учесть сведения о костыщах, расположенных в Осинском (Пьянковское) и Очерском (Лужковское) районах Пермской области.

2.2. Украшения и детали костюма

1. Бусы (рис.8, ф.12-26; рис., ф.10-12).

Встречены на всех костыщах в количестве от 2 (Останино) до 13893 (Гляденово). При этом, как отмечал Н. Н. Новокрещенных, много бус разошлось «помимо таблиц»². В коллекциях Гляденовского костыща удалось найти и обработать всего 6264 бусины. На других костыщах бусы уступают по количеству только наконечникам стрел. Гаревское костыще – 177 экз., Усть-Туйское – 83, Юго-Камское – 124, Слепушкинское – 40 и Панкрашинское – 7 экз. На костыщах встречены бусы следующих типов:

¹ Поляков Ю.А. Гляденовская культура. С.12.

² Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. С. 91.

1. Стеклянные с внутренней позолотой.

Гляденово – найдено более 10 тыс., учтено 5042 экз., Юго-Камское – 97, Гаревское – 164, Усть-Туйское – 70, Ильинское – 23, Слепушкинское – 22, Панкрашинское – 5 экз. На Останинском костыше найдено 2 таких бусины¹, но они не сохранились. В процентном отношении золоченые бусы составляют от 55% (Слепушка) до 92,6% (Гаревское) общего количества. На Гляденовском и Юго-Камском костышах преобладают мелкие одинарные бусы. Многочастные бусы встречены значительно реже. На Гляденово их не более 6%, на Юго-Камске – 11 экз. (11,3%). Золоченые бусы диаметром свыше 8 мм на Юго-Камском костыше составляют 19,6% (19 экз.), на Гляденовском – не более 4%. На Гляденовском костыше абсолютно преобладают бусы типа 1 по Е. М. Алексеевой – округлые. Их в коллекциях насчитывается 4732 или 93,85%. На втором месте идут цилиндрические бусы типа 5 – 261 экз. или 5,17%. Золоченые бусы всех других типов составляют менее 1% от общего числа. На костыше встречены: бочковидные (тип 2а,б) – 30 экз., биконические (тип 8) – 7 экз., бочковидные с валиками вокруг отверстий (тип 9) – 2 экз., ребристые (тип 22) – 9 экз., бугристые (тип 20) – 1 бусина².

Золоченые бусы других костыщ также относятся в основном к типу 1. На Юго-Камском костыше найдены по одной цилиндрической и бочковидной бусине. В материалах Усть-Туйского костыща встречена оригинальная трехчастная бусина с выпуклыми глазками. В Северном Причерноморье такие бусы, но одинарные относятся к типу 15³. На малых костыщах гораздо чаще встречаются крупные бусы диаметром от 8 до 16 мм. На Гаревском костыше таких бус 88 из 164, имеющих в коллекции или 54%. Кроме того, А. Е. Теплоухов упоминал о 20 оплавленных позолоченных бусах, вероятно, также крупных⁴. На Усть-Туйском крупных золоченых бус насчитывается 46 из 70 экз. (66%), на Ильинском – 10 из 23 (43,5%), на Слепушкинском – 7 из 22 (32%), на Панкрашинском – все 5 экз., имеющих в коллекции. Многочастные бусы встречены на Ильинском (39%), Усть-Туйском (11%), Слепушкинском (3 из 22 – 13,6%), Гаревском (30 из 164 -18%).

В материалах Гляденовского костыща есть 4 бусины, которые кажутся посеребрёнными. Но, поскольку даже спектральный анализ не всегда может установить характер металла⁵, они отнесены к числу позолоченных.

¹ Теплоухов Ф.А. Период древнейших костыщ. С. 32.

² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978. С.29-32.

³ Там же. С.32.

⁴ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах... С. 17.

⁵ Алексеева Е.М. Указ. соч. С. 90.

Н. Н. Новокрещенных предполагал, что не менее 3/4 не позолочено, а сделано из “просвечивающего желтого сплава”¹. Но без уничтожения или повреждения бус установить это невозможно.

2. Бронзовые и медные.

Гляденово – найдено 2534, учтено 1062 экз., Юго-Камск – 14 экз., Гаревское – 6 экз., Усть-Туйское – 1 экз., Ильинское – 2 экз. Все они небольшого размера – от 4 до 7 мм. Бусы относятся к следующим типам по Е. М. Алексеевой²:

Тип 1 – Округлые. Гляденово – 36 экз., Гаревское – 2 экз.

Тип 2 – Бочкообразные. Гляденово – 988, Юго-Камск – 10, Гаревское – 4, Ильинское – 2, Усть-Туйское – 1 экз.

Тип 5 – Цилиндрические. Гляденово – 9, Юго-Камск – 2 экз.

Тип 7. Биконические. Гляденово – 29, Юго-Камск – 2 экз.

3. Бусы из египетского фаянса (пастовые).

Гляденово – 64 экз., Юго-Камск – 4 экз., Гаревское и Усть-Туйское – по 2 экз., Слепушкинское костыше – 1 экз. Еще одна фаянсовая бусина происходит с предполагаемого Феклятского костыща³. Фаянсовые бусы представлены следующими типами по Е.М. Алексеевой⁴:

Тип 3 – Округлые гладкие с бирюзовой глазурью (?). Гляденово -14, Слепушка и Усть-Туй – по 1 экз.

Тип 4 – Бочковидная. 1 экз. с Усть-Туйского костыща.

Тип 12 – Четырнадцатигранные. Гляденово – 4 экз.

Тип 16 – Округло-ребристые. Гляденово – 18, Юго-Камск – 3, Гаревское костыше – 2 экз., Феклята – 1 экз.

Тип 18 – Округлые бугристые. Гляденово – 21 экз., Юго-Камск – 1 экз.

Тип 20 – Бочковидная с валиками по краям. Гляденово –1 экз.

Тип 82 – Подвески - амфорки. Гляденово – 1 экз.

Тип 91 б – Фаллическая подвеска. Гляденово – 1 экз.

Еще четыре фаянсовые бусины с выпуклыми глазками⁵ аналогий в Северном Причерноморье не находят.

Следует отметить, что определение цвета глазури в большинстве случаев невозможно, так как многие бусы побывали в огне. Лишь у четырех бусин типа 16 с Гляденовского костыща в бороздках сохранились остатки синей поливы и у одной с Гаревского – зеленой.

¹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыше. С. 90.

² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982. С.23.

³ Спицын А.А. Древности Камской чуди...Табл. XXXVI; 7.

⁴ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.,1975. С. 31- 47.

⁵ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыше. Табл. XI; 92.

4. Бусы из одноцветного стекла.

Такие бусы в материалах костищ сравнительно немногочисленны, но весьма разнообразны. Встречены бусы следующих типов:

Тип 6 – Округлая из прозрачного янтарно-желтого стекла с гладкими краями отверстий¹. Гаревское костище – 1 экз.

Тип 23 – Бочковидные из прозрачного янтарно-желтого стекла². Гляденово – 2 экз.³

Тип 106 – Бусина из желтого стекла в форме параллелепипеда⁴. Гляденово – 1 экз.

Тип 126 – Четырнадцатигранная из белого стекла с синим отливом⁵. Гаревское костище – 1 экз.

Тип 127 – Аналогичная из бирюзового стекла. Размеры 9x7 мм⁶. Гаревское костище – 1 экз.

Тип 134 – Аналогичная из оранжевого стекла. Размеры 14x13 мм⁷. Гляденово – 1 экз.

Тип 188. Пронизь в виде утки из бирюзового прозрачного стекла⁸. Гляденово – 1 экз.

Таким образом, все одноцветные стеклянные бусы с костищ, находящиеся аналогии в Северном Причерноморье, представлены единичными экземплярами с трех памятников. Гораздо более многочисленны мелкие бусы из непрозрачного или полупрозрачного стекла – бисер. Размеры его от 2 до 6 мм. Представлены следующие типы:

Синий округлый бисер. Гляденово – учтено 8 экз., в том числе 1 сдвоенный; Усть-Туй – 5; Юго-Камск – 2; Ильинское – 1; Слепушка – 4 экз.

Синий биконический. Слепушка – 7 экз.

Синяя сдвоенная бусина. Гаревское костище – 1 экз.

Зеленый округлый бисер. Гляденово и Слепушка – по 4, Юго-Камск – 3, Усть-Туй – 2 экз.

Зеленый биконический бисер. Гляденово – 2 экз.

Зеленый цилиндрический бисер. Гляденово и Юго-Камск – по одному экз.

Желтый округлый бисер. Гляденовское и Усть-Туйское костище – по одному экз.

¹ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978. С. 64.

² Там же. С. 65.

³ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костище. Табл. XI -1,4.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 70.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 74.

Сдвоенный бисер из белого непрозрачного стекла. Гаревское костыше — 1 экз.

Красный цилиндрический бисер. Гляденово — 1 экз.

Кроме того, в материалах Ильинского костыша имеется округло-ребристая бусина из голубого непрозрачного стекла, аналогии которой найти не удалось.

5. Полихромные стеклянные бусы.

Стеклянные бусы из многоцветного стекла в материалах костышей сравнительно немногочисленны по сравнению с позолоченными и бронзовыми, но представлены наиболее разнообразно. Точное количество таких бус с Гляденовского костыша установить не удалось, так как многие из них утеряны, а исследователи XIX века не приводят точных подсчетов. Во всяком случае, их число достигало нескольких сотен. В материале современных раскопок полихромных бус 13 целых и 9 обломков. Синие глазчатые бусы найдены в единичных экземплярах на Юго-Камском, Усть-Туйском, Панкрашинском и Останинском костышах. В количественном отношении преобладают крупные (до 22 мм) округлые бусы из темно-синего непрозрачного стекла с синими глазками в белой кайме. Встречены синие глазчатые бусы следующих типов:

33 а — С тремя плоскими сине-белыми глазками¹. Гляденово — не менее 7 экз.

33 т — С тремя слоистыми сине-белыми глазками². Гляденово — 2 экз.

54 а, в — с 6 плоскими сине-белыми глазками³. Гляденово — 9 экз., Усть-Туй — 1 экз.

66 а — С 7 синими глазками в желтом ободке⁴. Гляденово — 1 экз.

66 е — С 7 слоистыми сине-белыми глазками⁵. Гляденово — 1 экз.

70 — С 8 сине-белыми глазками⁶. 1 экз. из ямы № 47 жертвенного комплекса № 1 Гляденовского костыша.

78 а — С 9 плоскими сине-белыми глазками⁷. На Гляденовском костыше наиболее многочисленны⁸. Учтено 16 экз. По одному экз. найдено на Юго-Камском и Останинском костышах.

¹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С. 61.

² Там же. С. 62.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 66-67.

⁵ Там же. С. 67.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Спицын А.А. Гляденовское костыше. С. 23.

78 б – С 9 выпуклыми сине-белыми глазками¹. Один обломок с Гляденовского костыща.

84 а – С диагональными рядами сине-белых плоских глазков². По 1 экз. с Гляденовского и Панкрашинского костыщ.

Бусы из голубого непрозрачного стекла найдены только на Гляденовском костыще:

40 – С 4 черными глазками в узкой белой и широкой синей кайме. I в. н. э.³

53 а – С 6 плоскими сине-белыми глазками. Гляденово – 1 экз. IV-III вв. до н. э.⁴

66 б – С 7 сине-бело-желтыми глазками. Гляденово – 1 экз. III- II вв. до н. э.⁵

100 – поперечно-сжатая округлая бусина с цепью сине-белых глазков в средней части. Гляденово – 1 экз. IV- III вв. до н.э.⁶

Кроме того, на Гляденовском костыще найден обломок бусины с красным глазком в белом ободке.

Желтых глазчатых бус в материале Гляденовского костыща удалось обнаружить только две целых и один обломок. Одна из них, с тремя сине-белыми глазками, относится к типу 28 а по Е.М. Алексеевой и датируется IV-III вв. до н. э.⁷ Вторая, с 6 аналогичными глазками – к типу 49 а - V в. до н.э.⁸ Н. Н. Новокрещенных упоминает также зеленые и коричневые глазчатые бусины⁹, но найти их не удалось, а описание и черно-белые рисунки не позволяют определить количество и цвет глазков и соотнести их с каким-либо типом бус по классификации Е. М. Алексеевой. Из других типов полихромных бус в материалах Гляденовского костыща единично встречены:

– Округлые с расположенными елочкой белыми, красными, желтыми, синими и бирюзовыми полосами. Тип 430¹⁰. Гляденово – 2 экз.

– Цилиндрическая, орнаментированная белыми, черными и коричневыми поперечными полосами. Тип 271 а. I – первая половина II вв.¹¹

– Аналогичная с черными и желтым орнаментом. Тип 271 б.¹²

¹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С. 67.

² Там же.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Там же. С. 67.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Там же. С. 60.

⁸ Там же. С. 64.

⁹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. С. 92-93.

¹⁰ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1982. С. 39.

¹¹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. С. 49.

¹² Там же.

– Веретенovidная с продольно-волнистым орнаментом. Вероятно, тип 290¹.

– Кубическая из черного глухого стекла с фестонобразным желтым орнаментом. Тип 276 б².

– Округлая из глухого черного стекла с фестонобразным желтым орнаментом. Тип 259 б³.

Двум бусинам⁴ аналогий найти не удалось.

На Гаревском костыше найдены следующие полихромные стеклянные бусы:

– Темно-бурая с черно-белыми глазками⁵.

– Темно-бурая с желто-сине-белыми слоистыми глазками⁶.

Обе бусины утеряны, поэтому аналогий им найти не удалось. Бусы из бурого (коричневого) стекла встречены в кавказских могильниках IV - V вв.⁷

– Округлая темно-синяя с квадратными глазками. Тип 92 б⁸.

– Округлая темно-синяя с орнаментом из белых цветов с красными серединами. Тип 493. IV-VI вв.⁹ Эта бусина не упоминается в работе А. Е. Теплоухова, но зашифрована его рукой.

На Останинском костыше найден обломок крупной (24x20 мм) бусины из черного непрозрачного стекла с двумя белыми полосами вокруг отверстий и с одним желто-зелено-красным глазком в желтом ободке и красно-зеленым глазком в зеленом ободке. Аналогичные бусы, но несколько иной расцветки, найдены на Северном Кавказе и датируются IV-V вв.¹⁰

6. Каменные бусы.

В материалах костышей они крайне немногочисленны. На костышах найдены бусы из следующих пород камня:

Сердоликовые:

Тип 2а – округлые с узким каналом отверстия¹¹. Размеры – 13-14 мм. По одному экз. с Гляденовского и Юго-Камского костышей.

¹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. С. 49.

² Там же. С. 48.

³ Там же.

⁴ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыше. Табл. XI – 105,107.

⁵ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... Табл. I; 31.

⁶ Там же. Табл. I; 26.

⁷ Деопик В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV-V вв. // Советская археология. 1959. № 3. С. 57.

⁸ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С. 69.

⁹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1982. С. 43.

¹⁰ Деопик В.Б. Указ. соч. С. 58-59.

¹¹ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1982. С. 15.

Тип 4 – Бочковидные с широким каналом отверстия¹. Гляденово – 2 экз.
– Дисковидные с белой инкрустацией. По одному экз. с Гаревского и Панкрашинского костыщ. Тип 175 по Р. Д. Голдиной².

– Округлая вытянутая с белой инкрустацией. Один экз. с Гаревского костыща.

Халцедоновые:

Тип 2 б. Поперечносжатая из полупрозрачного дымчатого камня с широким каналом отверстия³. Слепушкинское костыще – 1 экз.

Тип 2 а. Округлые с узким каналом отверстия⁴. Один экз. с Гляденовского костыща.

Еще один обломок халцедоновой бусины имеется в материалах Ильинского костыща, но установить форму и размеры бусины по нему не удалось.

Из горного хрусталя: 1 экз. на Гаревском костыще. Относится к типу 2 – поперечносжатая⁵.

7. Костяная бочковидная бусина – 1 экз. со Слепушкинского костыща. Относится к типу 2⁶.

8. Глиняная округлая вытянутая – 1 экз. с Гляденовского костыща.

9. Бусина из раковины (?). Упомянется А. А. Спицыным⁷. Не сохранилась.

II. Бляшки.

Медные и бронзовые бляхи различных типов наиболее многочисленны в материале Гляденовского и Юго-Камского костыща, на других костыщах они единичны или не найдены совсем. Бляшки подразделяются на следующие типы:

1. Круглые плоские или слегка выгнутые с ушками на обороте. Гляденово – 631 экз., Юго-Камск – 10 экз., Усть-Туй – 2 экз. Все изделия изготовлены из листовой меди или бронзы, ушки припаяны. Диаметр бляшек от 15 до 45 мм, поверхность полированная. Одна бляшка литая (?) имеет шнуровой орнамент по краю.

2. Аналогичная бляшка с семью ушками по нижнему краю. Гляденово – 1 экз.

¹ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1982. С. 15.

² Голдина Р.Д. Ломоватовская культура ... С. 55.

³ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1982. С. 11.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.11.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Спицын А.А. Гляденовское костыще. Табл. XI, 96.

3. Аналогичная бляшка с 6 ушками по периметру. Гляденово – 1 экз.
4. Овальные плоские бляшки с ушком на обороте. Гляденово – 5 экз.
5. Сдвоенные плоские бляшки. Гляденово – 4 экз. Две из них литые с со спиральным орнаментом, 1 – с ложношнуровым по краям (т. VIII – 25) и 1 – гладкая с гравированными изображениями полумесяцев.
6. Конические литые бляшки с дужкой на обороте. Гляденово - 21 экз. Аналогичные бляшки встречаются в могильниках чегандинской культуры¹.
7. Полусферические литые с дужкой. Гляденово – 10 экз. У одной бляшки – мелкие ушки по краю. Также находят аналогии в чегандинских древностях².
8. Плоские 6-7 лучевые (с зубчатым краем). Гляденово – 5 экз.
9. Круглые или овальные с отверстием в центре. Гляденово – 34, Слепушка, Останино и Гаревское – по 1 экз. В их числе на Гляденовском костыше выделяются 2 литые бляшки со спиральным орнаментом (свернувшиеся змеи) и одна бляшка с 6-лучевой розеткой³. Остальные бляшки вырезаны из листа, бляшка со Слепушки – вероятно из бронзового зеркала. Плоские гладкие бляшки с отверстиями в центре характерны для чегандинской культуры, особенно на раннем этапе⁴. Орнамент в виде 6-лучевой розетки встречается на кара-абызских бляхах⁵.
10. Прямоугольные с зубчатым орнаментом. Гляденово – 7 экз., Юго-Камск- 1 экз. имеют аналогии в Кара-Абызской и Чегандинской культурах. Там они использовались в поясных наборах, употребление у гляденовцев неясно⁶.
11. Серповидная бляшка с двумя отверстиями. Слепушка – 1 экз.
12. Круглые литые бляшки с 7 ушками на лицевой стороне. Гляденово – 3 экз.
13. Округлые пластины без приспособлений для крепления. По одному экз. на Гляденово и Слепушке. Гляденовская пластина, видимо, вырезана из бронзового зеркала, Слепушкинская – из серебряного листа.

¹ Пшеничнюк А.Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986. С.63, Рис. 10; 5-6.

² Там же. С. 64, Рис. 11; 9-10.

³ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыше. табл. V; 28

⁴ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть 1. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // Вопросы археологии Урала. Ижевск; Свердловск, 1970. Вып.10. Рис. 20; 28.

⁵ Пшеничнюк А.Х. Юдашевский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1968. С.71, Рис. 9; 4-5.

⁶ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С.143.

Выделяются бляшки и пластины с гравированными или напаянными изображениями – 22 экз. с Гляденовского и 1 экз. с Юго-Камского костыща. Они включены в категорию тотивных изображений и будут описаны ниже.

III. Подвески.

1. Трапециевидные плоские с отверстием, вырезанные из листа. Гляденово - 1 экз. Аналогии таким подвескам известны во всех культурах пьяноборской КИО¹.

2. Округлая плоская из бронзового листа. По краю сохранился кружковый орнамент, в центре – гравированное плохоразличимое изображение.

3. Спиралевидные литые с ушком. Гляденово – 6 экз.

4. Кольцевые литые. Гляденово – 9 экз.

5. Плоские круглые с тремя кружками или колечками по нижнему краю. Гляденово – 3, Усть-Туй – 1 экз. Имеют аналогии в могильниках чегандинской культуры².

6. Листовидные. Гляденово – 5 экз.. Также имеют аналогии в чегандинской культуре³.

7. Подвески-бубенчики. Гляденово – 2 экз. Аналогичные подвески известны на раннем этапе кара-абызской культуры⁴.

8. Флаконовидная подвеска. Гляденово – 1 экз.⁵ Полная аналогия имеется в погребении № 6 Ошкинского могильника I-III вв.⁶

9. Игольчатые бронзовые подвески. По одному экз. с Гляденовского и Юго-Камского костыщ.

10. Подвески из клыков медведя. По 1 экз. с Гляденова и Юго-Камска. Сюда же следует отнести подвески из коренных зубов медведя (Юго-Камск – 2 экз.) и неопределенного животного (Гляденово - 8 экз.).

¹ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть 2. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // Вопросы археологии Урала. Ижевск; Свердловск, 1971. Вып.11. табл. IV; 6; Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. Рис.17; 18-20; Пшеничнюк А.Х. Кара-Абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т.5. Рис. 6;20, 110.

² Генинг В.Ф. История населения ... Часть 2. Табл. II; 1-5.

³ Там же. Табл. I; 12-13; Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник. С. 52. Рис. 6; 6-7.

⁴ Пшеничнюк А.Х. Кара-Абызская культура. Рис. 6;19.

⁵ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. табл. IX;16

⁶ Лещинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской культуры на Вятке. Ижевск, 2000. Рис. 6; 8.

IV. Перстни и кольца.

Гляденово — 5 экз., Юго-Камск - 2 экз.

1. Медный плоский из расплющенной проволоки и с рисунком елочки.
2. Бронзовый с печатью в виде овала, на которой есть вырезанные углубления.
3. Перстни с широкой лицевой частью вроде обоймы. 2 экз. т. X-17. Аналогичные перстни известны в могильниках чегандинской культуры¹.
4. Железный с напаянным на него медным щитком в виде печати. т. IX-11.
5. Гладкие бронзовые литые кольца. Два экз. найдены на Юго-Камском костыше.

V. Височные кольца.

1. Круглые или овальные из медной проволоки с сомкнутыми или слегка заходящими концами. Гляденово — 42 экз., Юго-Камск — 6 экз. В. Ф. Генинг считал данный тип украшений типично верхнекамским².
2. Круглые кольца из железной пластины с несомкнутыми концами. Гляденово — 14 экз.
3. Конусовидные с витым основанием. Гляденово — 6 экз., в том числе 2 свиты из проволоки, 4 — из узкой полосы. Обе разновидности находят многочисленные аналогии на памятниках чегандинской³, кара-абызской⁴, гафурийско-убаларской⁵.

VI. Поясные накладки.

1. Узкие прямоугольные с ребром. Гляденово — 12, Юго-Камск - 5 экз. Типичны для чегандинских поясных наборов⁶.
2. Полуцилиндрические литые гофрированные. Гляденово — 3 экз.
3. Широкие плоские из медного листа с гофрированной поверхностью. Гляденово — 17, Юго-Камск — 1 экз.
4. Гладкие прямоугольные из бронзового листа. Гляденово — 12 экз.
5. S-видные с изображениями голов грифонов. Гляденово — 2 экз. Аналогии этим накладкам известны в гафурийско-убаларской⁷ и кара-абызской⁸ культурах.

¹ Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник. С.52. Рис. 6;13.

² Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С.141.

³ Генинг В.Ф. История населения ... Часть 2. Табл. 1; 1-2.

⁴ Пшеничнюк А.Х. Кара-Абызская культура. Рис. 6; 36,108.

⁵ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. Рис.17;1.

⁶ Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986. С. 82. Рис. 6;7-8.

⁷ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. Рис.18;13.

⁸ Пшеничнюк А.Х. Кара-Абызская культура. Рис.6; 48.

VII. Браслеты. Представлены двумя обломками округлой в сечении медной проволоки диаметром 5-6 мм.

VIII. Серьги. Их найдено всего три экз. на Гляденовском костыше. Одна из них золотая с изображением клюва и пары птичьих глаз¹. Другая серьга изготовлена из бронзовой проволоки и в нижней части обтянута аналогичной проволокой. Еще одна серьга, калачевидная, изготовлена из железа.

IX. Пряжки. Гляденово:

1. Железная круглая с подвижным язычком². Имеет аналогии в чегандинской культуре³.

2. Железная овальная рамка пряжки с сомкнутыми концами. Находит аналогии в мазунинской культуре⁴.

3. Массивная костяная или роговая. Костяные пряжки характерны для памятников кара-абызской⁵ и чегандинской⁶ культур.

4. Бронзовая литая пряжка с изображением лежащего медведя или его шкуры. Находит отдаленные аналогии в чегандинских древностях⁷.

Юго-Камск: одна трапецевидная железная пряжка без язычка. Похожие пряжки, но из бронзы встречены в Юлдашевском могильнике чегандинской культуры⁸.

X. Застежки встречены только в материалах Гляденовского костыша:

1. Обломок эполетообразной застежки. Из-за малых размеров тип установить невозможно.

2. Рамка сюльгамы со спиральными концами⁹. Имеют широкий круг аналогий, в том числе в чегандинской культуре¹⁰, средневековых памятниках Поволжья¹¹.

¹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыше. табл. IV;7

² Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыше. табл. XIII;21

³ Генинг В.Ф. История населения ... Часть 2. Табл. IX; 8.

⁴ Останина Т.И. , 1997, Рис. 29; 21.

⁵ Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т.3. С. 75. Рис. 16; 1-5.

⁶ Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Указ. соч. С. 82. Рис. 13;13-17.

⁷ Корепанов К.И. Изображение медведя в искусстве Прикамья второй половины I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. С. 132. Рис.10.

⁸ Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник. С. 49, Рис. 3;11-12.

⁹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыше. табл. XIII; 4

¹⁰ Генинг В.Ф. История населения ... Ч.2. Табл. IX; 5.

¹¹ Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья. Табл. 25;12,15.

3. Рамчато-овальная железные застёжки с неподвижным язычком – 2 экз. Имеют аналогии на могильниках чегандинской культуры¹.

XI. Гривны – 3 экземпляра с Гляденовского костища. Изготовлены из спирально-витой медной полоски. Имеют аналогии в чегандинской культуре². Обломками гривен являются, вероятно, два витых дрота - золотой и медный.

Таким образом, значительное количество металлических украшений и деталей костюма костищ, особенно Гляденовского, находят аналогии в смежных культурах Пьяноборской культурно-исторической области. Собственно гляденовскими являются только плоские бляхи с ушками на обороте, височные кольца из круглой проволоки, некоторые типы подвесок, перстни и серьги.

К числу украшений можно также отнести и найденные на костищах монеты. В материалах дореволюционных раскопок Гляденовского костища их две – одна Санабара, царя Сакастана, другая – кушанского царя Канишки. Обе они медные. Еще одна, серебряная, монета была найдена на Останинском костище, но она расплющена, и определить ее не удалось³. При современных раскопках Гляденовского костища было найдено еще две монеты:

1. Медная литая монета государства Великих Кушан. Чекан царя Хувишки. 7,8 г. По Д.Мак-Доуэллу (1935) монета принадлежит к третьей хронологической группе (самая поздняя). Тип III лицевой стороны (по тамге). Особенности – легенда с сильным искажением, схематичность изображения. На лицевой стороне – царь, сидящий скрестив ноги, голова повернута вправо, в высоком головном уборе с развивающимися лентами. Правая рука у пояса, левая опирается на вертикально стоящее копьё. Остатки легенды “НАО” (бактрийская надпись “царь”). Обратная сторона – Мах, обращенный лицом влево, правая рука вытянута вперед, левая у пояса. Справа – бактрийская надпись “МАО” (МАХ), слева тамга. Определение и описание проведено Р.Ф. Вильдановым (Пермский ОЦОП).

2. Медная литая монета империи Младшая Хань. Диаметр 25 мм, высота – 3, 9 мм. В центре монеты – квадратное отверстие 9х9 мм. Монета достоинством 5 шу, отчеканена в годы правления императора Гуан Уди (25-57 гг.). Определение выполнено В. А. Калининным (Государственный Эрмитаж).

¹ Генинг В.Ф. История населения ... Ч.2. Табл. VIII;14,16.

² Генинг В.Ф. История населения... Ч.1. Табл. VII; 8.

³ Теплоухов Ф.А. Период древнейших костищ. С. 32.

Интересно, что монета Хувишки с антропоморфными изображениями сильно затерта, то есть долго была в обращении. Гляденовцы могли воспринять эти изображения как фигуры божеств или героев и использовать монету как амулет или «идол». Использование «чужих богов» известно в археологии Прикамья – находка статуэтки Амона на Конецгорском селище ананьинской культуры, а также в угорской этнографии – на мансийских святилищах XVIII–XX вв. встречены игрушки – всадники, ассоциировавшиеся с Мирсуснэхумом, средневековые шумящие подвески, височные кольца, сасанидские блюда, оловянные солдатки и т. д.¹ Абстрактные китайские иероглифы видимо не произвели на гляденовцев такого впечатления. Китайская монета воспринималась как обычная бляха и попала в культурный слой костыща почти неизношенной.

2.3. Предметы вооружения

Оружие на костыщах представлено почти исключительно наконечниками стрел (рис. 8, ф.1-11, 39-49, рис. 9; рис. 10; рис. 11, ф. 7-9). Лишь на Гляденовском костыще миниатюрная копия навершия кинжала с волютами², а на Ильинском костыще – обломок обоюдоострого клинка, возможно кинжала. Недостоверная находка наконечника копья (найденно местной крестьянкой) упоминается А. Е. Теплоуховым на Гаревском костыще³. Бронзовые копья или дротики, описанные Н. Н. Новокрещенных⁴, на самом деле являются крупными наконечниками стрел усть-полуйского типа.

1. Бронзовые наконечники стрел.

Найдены только на Гляденовском (18 экз.) (рис. 9, ф.1-3) и Юго-Камском (2 экз.) костыщах. Они подразделяются на следующие типы по классификации С. В. Кузьминых⁵:

С-28 – трехлопастной наконечник с ромбовидным в плане пером. Гляденово- 1 экз.

С-34 – со сводчатым пером и выступающей втулкой. Гляденово – 2 экз.

С-40 – с треугольным пером и выступающей втулкой с заостренными концами лопастей. Гляденово – 3 экз.

¹ Гемев И.Н. Указ. соч. С. 49,75, 165 и др.

² Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. Табл. XIII; 19

³ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... С. 22.

⁴ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. Табл. XII-23, 27, 34.

⁵ Кузьминых С.В. Указ. соч. С.108-114.

С-41 – аналогичные с втулкой, доходящей до конца пера. Гляденово – 2 экз., Юго-Камск – 1 экз. Такие наконечники в Волго-Камье встречены только на костыщах¹.

С-44 – длинный с вытянутым пером и башнеобразно заточенным бойком. Гляденово – 1 экз. Кроме того, здесь же найден обломок медной литейной формы для отливки такого наконечника.

С-46 – аналогичный, но более короткий наконечник с более четко выраженными башнеобразными очертаниями. Гляденово – 1 экз.

Наконечники типов С-44 и С-46 находят аналогии в Усть-полуйских древностях Западной Сибири.

С-50 – базисные наконечники со скрытой втулкой со сводчатым и треугольным пером с опущенными ниже втулки шипами. Гляденово – 2 экз.

С-90 – с треугольной головкой, ровной базой и углублением вдоль крыльев. Гляденово – 2 экз.

С-96 – трехгранный с массивной сводчатой головкой, отделенной от лопасти углублением.

С-112 – трехлопастные черешковые. Гляденово – 2 экз., Юго-Камск – 1 экз.

На Гляденовском костыще найдено еще 2 сильно поврежденных бронзовых втульчатых наконечника, тип которых установить затруднительно.

II. Железные наконечники стрел.

Найдены на Гляденовском костыще – 1176 экз. (рис.9, ф.4-14), из них обработано 232 экз. На Юго-Камском найдено 95 экз., на Ильинском – 18 (рис.10, ф.9-11), на Усть-Туйском – 12, на Слепушкинском – 5 экз. В материалах Гаревского костыща сохранилось 6 железных наконечников, но найдено было больше². По способу насада и форме пера наконечники делятся на следующие типы:

1. Втульчатые с листовидным плоским пером. Гляденово – 12, Ильинское – 5, Гаревское – 1 экз. Втулка составляет около 1/2 общей длины. Длина от 42 до 75 мм.

2. Втульчатые с ромбическим пером – Гляденово – 1 экз.

3. Трехлопастные с треугольной головкой и прямыми плечиками. Гляденово – 57 экз., Юго-Камск – 6 экз.

4. Трехлопастные со сводчато-треугольной головкой и прямыми плечиками. Гляденово – 25 экз., Юго-Камск – 2 экз.

5. Трехлопастные с округлыми плечиками. Гляденово – 4 экз., Юго-Камск – 1 экз.

¹ Кузьминых С.В. Указ. соч. С.108-114.

² Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... С. 21.

6. Трехлопастные шипастые. Гляденово – 32, Юго-Камск – 2, Слепушка – 1 экз.

7. Трехлопастные с ромбической в плане головкой и упором при переходе к черешку. Гляденово и Юго-Камск – по 2 экз.

Длина трехлопастных наконечников Гляденовского костища колеблется от 40 до 95 мм, в среднем – 50 -60 мм. Юго-Камские наконечники немного мельче.

8. Плоские с лавролистным пером. Гляденово – 51 экз., Ильинское – 6 экз., Гаревское – 2 экз.

9. Плоские с иволистным пером. Гляденово - 21 экз, Юго-Камск - 2 экз.

10. Плоские с треугольным пером и упором при переходе к черешку. Юго-Камск – 1 экз. Ильинское костище - 3 экз.

11. Плоские с пятиугольным пером и двойным уступом при переходе к черешку. Гляденово – 7, Ильинское – 3 экз., Усть-Туй – 2, Слепушка – 1 экз.

12. Треугольные шипастые. Гляденовское и Ильинское костища – по 2 экз. Юго-Камское и Гаревское костища – по 1 экз.

13. Плоские с ромбовидным пером. Гляденово – 7 экз, Юго-Камск – 8 экз, Гаревское – 2 экз., Ильинское – 2 экз.

14. Плоские двурогие срезы с упором. Гляденово – 9 экз.

15. Четырехгранные черешковые. Гляденово – 2 экз. Обычно такие наконечники считают бронебойными, но в данном случае они слишком малы для этого. Длина их – 45 и 48 мм.

Среди плоских наконечников Гляденовского и Юго-Камского встречены очень мелкие экземпляры – всего 25 мм длиной. Максимальная длина наконечников с Гляденова – 105 мм, с Юго-Камска – 97 мм.

III. Костяные наконечники стрел.

Все костяные наконечники с костищ гляденовской культуры черешковые. Они наиболее многочисленны. На Гляденовском костище найдено не менее 1280 костяных наконечников, из которых учтено только 471. На Юго-Камском костище найден 461 костяной наконечник, не считая мелких обломков, на Усть-Туйском – 188, на Гаревском – 151, на Слепушкинском – 156, на Ильинском – 125, на Останинском – 65 и на Панкрашинском – 51. Еще один обломок костяного наконечника известен в материалах Пьянковского (Лужковского) костища. Найденный в 1961 г. на Ломотинском костище трехгранный костяной наконечник обнаружить не удалось. Характерной чертой гляденовских костяных наконечников является слабовыраженный черешок. Во многих случаях его трудно отличить от бойка. Например, в материалах Слепушкинского костища лишь 3 наконечника из 156 имеют выраженный черешок, на Ильинском

костище – 2 из 125, на Гляденовском – 15 из 471. Поэтому единственный признак, по которому можно классифицировать костяные наконечники – сечение пера в средней части. Для определения брались только целые или реставрированные наконечники. Соотношение различных типов наконечников представлено в таблице:

	Ромбическое	Шестигранное	Трехгранное	Пятигранное	Прямоугольное	Трапециевидное	Овальное	Всего
Гляденовское	219 (46,5%)	61 (13%)	159 (34%)	–	3 (0,6%)	27 (5,5%)	2 (0,4%)	471
Юго-Камское	187 (40,6%)	81 (17,6%)	164 (35,6%)	2 (0,4%)	1 (0,2%)	23 (5%)	3 (0,6%)	461
Гаревское	78 (51%)	33 (22%)	8 (5,5%)	14 (9,5%)	2 (1,5%)	10 (6,5%)	6 (4%)	151
Усть-Туйское	113 (60%)	24 (13%)	8 (4%)	32 (17%)	3 (2%)	2 (1%)	6 (3%)	188
Слепушкинское	87 (56%)	19 (12%)	17 (11%)	4 (2,5%)	8 (5%)	21 (13,5%)	–	156
Панкрашинское	22 (43%)	13 (25,5%)	5 (10%)	10 (19,5%)	1 (2%)	–	–	51
Останинское	25 (38,5%)	18 (27,5%)	2 (3%)	11 (17%)	3 (4,5%)	1 (1,5%)	5 (8%)	65
Ильинское	48 (38,4%)	35 (28%)	12 (9,6%)	19 (15,2%)	9 (7,2%)	2 (1,6%)	–	125
Пьянковское	1	–	–	–	–	–	–	1

Следует отметить, что набор вооружения с костищ вряд ли отражает реальное состояние военного дела у племен гляденовской культуры. Имея тесные контакты с кара-абызским и чегандинским населением, гляденовцы должны были иметь, хотя бы единично, мечи, кинжалы копья и т. д. Абсолютное преобладание стрел на костищах вызвано тем, что им придавалось особое сакральное значение.

2.4. Орудия труда

В эту категорию включены как настоящие орудия труда, так и их миниатюрные копии (Рис.12). Во-первых, в большинстве случаев их трудно строго разделить, а во-вторых, нет никаких оснований сомневаться в том, что миниатюрные топорики, кельты и т.д. являются точными копиями обычных орудий труда, за исключением размеров.

Ножи. Найдены на Гляденовском костыше – 502 экз., Юго-Камское – 84 экз., Ильинском – 5 экз. (рис.11, ф.1-4), Гаревском – сохранилось 2 экз., Слепушкинском и Усть-Туйском – по 1 экз.

По форме лезвия ножи подразделяются на следующие типы:

1. С выгнутой («горбатой») спинкой и слабовыраженным черешком – 7 экз. с Гляденовского костыша, 2 – с Юго-Камского.

2. Прямооспинные ножи с плавным уступом от лезвия к черешку. Гляденово – 490 экз., Юго-Камск – 79 экз., Гаревское и Ильинское – по 1 экз.

3. С изогнутым лезвием – саблевидные. Гляденово – 4 экз., Юго-Камск – 1 экз.

4. Прямооспинные с уступами от спинки и лезвия. Гляденово – 1 экз., Юго-Камск – 2 экз., Ильинское – 4 экз., Гаревское, Слепушкинское и Усть-Туйское – по 1 экз.

Топорики представлены исключительно миниатюрными копиями длиной от 27 до 70 мм. На Гляденовском костыше их найдено 26 (рис.12, ф.8,9,11,12), на Юго-Камском – 4 экз. Все они проушные с овальным или эллипсоидным проухом и узким лезвием. Все изделия кованые, лишь один топорик с Гляденово согнут из железной полосы. Кроме того, на Гляденово найдены два топорика, литых из бронзы, один из которых с топорцем.

Мотыжки-кельты. Известны 6 миниатюрных копий с Гляденовского (рис.12, ф.10), 2 – с Юго-Камского и 1 – с Усть-Туйского. Все предметы однотипны – изготовлены из раскованной железной полосы с прямым лезвием и несомкнутой втулкой.

Долота. По форме напоминают предыдущие орудия, но со сплошной втулкой и округлым лезвием. Гляденовское костыше – 8 экз. (рис.12, ф.4).

Топоры из лосиных рогов. Два таких изделия найдены на Гляденовском костыше. Это скорее молоты или мотыги. Аналогичные изделия известны на Галкинском городище ананьинской культуры¹.

Ложжари (?). Железные изогнутые пластины с раскованным лезвием. Гляденово – 5 экз., Юго-Камск – 2 экз., Усть-Туй – 1 экз.

Серпы (косы-горбуши). Гляденово – 2 экз. и 3 обломка. Юго-Камск – 1 экз.

Иглы. Железные длиной до 5 см. Гляденово – 7 экз., Юго-Камск – 1 экз. Одна костяная игла найдена на Гляденовском костыше.

Железные стержни. Это весьма многочисленная категория находок. В материалах Гляденовского костыша их насчитывается 2934, Юго-Камского – 131, Ильинского – 10 и Слепушкинского – 1 экз. Длина стержней

¹ Збруева А.В. Галкинское городище // М., 1940. № 1. Табл. III; 7.

колеблется от 4 до 12 см. Часть их служила своеобразными гвоздями для крепления жертвенных предметов, часть — шильями, но четко разделить их по этим категориям не представляется возможным.

Игольник. Костяной, прямоугольной формы, орнаментированный резным орнаментом. Гляденовское костыще. Такие игольники имеют полную аналогию на памятниках усть-полуйской культуры¹.

Кочедык (?). Костяной кочедык с Гляденовского костыща, находящийся аналогии на Гремячанском святилище. Мог иметь культовое значение, так как украшен изображением головы лося или лошади.

Рыболовные крючки. Изготовлены из толстой (до 5 мм) железной проволоки. Гляденовское костыще — 6 экз.

Пряслища керамические. По 1 экз. с Гляденовского и Останинского костыщ. Гляденовский экземпляр плоский, Останинский — битрапециоидный.

Скребок. Найден на Гляденовском костыще. Изготовлен на отщепе из светло-серого кремня.

Оселки. По 1 экз. на Гляденовском и Гаревском костыщах. Изготовлены из светло-серого мягкого камня.

Песты-терочники и отбойники. Изготовлены на овальных кварцитовых гальках размером 12-16 см. В коллекциях хранится 7 экз. с Гляденова и 3 — с Юго-Камска. Найдено их было значительно больше. Ю.А. Поляков отмечает целые скопления крупных галек и пестов на Юго-Камском костыще.

Ножевидные пластины с ретушью. Не менее 3 экз. с Гляденовского и одна недостоверная с Гаревского. Она была передана А.Е. Теплоухову крестьянином, уверявшим, что нашел ее на костыще². По определению Ю. Б. Серикова, две пластины, найденные на Гляденове в 1996 году, использовались вторично для добывания огня. Кроме того, на Гляденовском и Юго-Камском костыщах было найдено по 3 кресальных кремня, напоминающих скребки.

Каменные топорыки или, скорее, тесла. На Гляденове найдено одно яшмовое (?), на Гаревском костыще — известняковое. Как и предыдущая категория находок, датируются гораздо более ранним временем.

Литейные формы. Обломок медной формы для отливки наконечника кулайского типа и две створки литейной формы для отливки наконечника типа С-41 по С.В. Кузьминых. Оба предмета найдены на Гляденовском костыще.

Тигель. Плоскодонный сосудик высотой 30 мм и диаметром 64 мм с ошлакованными изнутри стенками из Гляденовского костыща.

¹ Мошинская В.И. Материальная культура Усть-Полуя // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 35. Табл. VIII; 7.

² Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... С. 9.

Шилья из локтевых костей животных. Усть-Туйское костище -3 экз.

Обломки **костяных штампов** для орнаментации посуды. Юго-Камское костище — 3 экз. Представлены зубчатый, ямочный и розеточный орнаменты.

2.5. Предметы конской упряжи

Эти изделия представлены всего двумя предметами с Гляденовского костища. Это бронзовые обоймы для перекрестных ремней, одна из которых украшена изображением коня (?).

2.6. Антропоморфные и зооморфные изображения

Эта категория находок является самой яркой и своеобразной в вещевом материале костищ. В то же время, они в большом количестве встречаются только на Гляденовском костище. На других костищах их гораздо меньше.

1. Антропоморфные изображения.

1. Всадники.

Гляденово — 13 экз (рис. 13, ф. 6)., Ильинское — 1 экз. (рис. 11, ф. 5 рис. 8, ф. 28). Кроме того, одна фигурка, точнее говоря, композиция известна с предполагаемого Черновского костища. В большинстве случаев фигурка лошади вырезана из листа, а литая фигурка всадника напаяна. Лишь Ильинский, Черновской всадники и 3 фигурки с Гляденова цельнолитые. У лошади всегда отмечены уши и хвост, в двух случаях — глаза, в одном — признак пола. Уздечка показана в 7 случаях напаянной проволокой, в двух — углублением. У коня Ильинского всадника уздечка не отмечена, но вытянутые вперед руки всадника показывают, что он изображен во время езды. Вообще создается впечатление, что гляденовские мастера уделяли больше внимания лошадям, чем людям. Изображения всадников крайне схематичны. В одном случае изображен островерхий головной убор и черты лица, в двух случаях — лук, расположенный с левой стороны и еще в одно — колчан (?). Кроме всадников на конях, в материалах Гляденовского костища имеется одно изображение человека, сидящего на волке, свесив ноги на правую сторону¹ (рис. 13, ф.8). Здесь изображено какое-то божество или дух. Об этом свидетельствуют также спираль (змея?), напаянная на груди и трехпалые руки всадника.

¹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костище. Табл. 1, 23.

2. Одиночные антропоморфные фигуры.

Изготовлены из меди или бронзы (химический анализ не проводился). Учено 99 экз. на Гляденовском и 1 — на Усть-Туйском костыше. На Гляденовском костыше 40% фигурок изготовлены в технике плоско-го литья, остальные вырезаны из листа, часто с напаянными деталями и ушками на обороте. Усть-Туйское изображение литое. Из деталей чаще всего изображались глаза, рот и нос — 22 экз. с Гляденова и Усть-Туйское изображение. У одного мужского изображения Гляденовского костыша отмечена борода (?), у усть-туйского — усы и брови. Женские половые признаки выражены у 13 фигурок Гляденовского костыша, мужские — у 14 гляденовских и усть-туйского. Другие детали отмечены гораздо реже. У трех фигурок Гляденовского костыша показаны головные уборы, встречены 6 литых фигурок в платьях и 1 женская, вырезанная из пластины, в широких штанах, заправленных в сапоги. Одна вырезанная из листа фигурка имеет на груди штампованный круг — возможно изображение нагрудной бляхи или зеркала. У двух фигурок отмечены косы, у одной — челка на лбу. Особо выделяется женская личина в сложном головном уборе с двумя косами. Полная аналогия этому изделию имеется в более позднем по времени кургане № 15 Потчевашского могильника¹. Некоторые фигурки имеют черты сверхъестественных существ. Прежде всего, это медальон с изображением человека с пятью рогами, стоящего на ящере или волке и держащего в руках головы животных. Другой «идол» изображает человека с птичьими крыльями (рис.14), но происхождение его именно с Гляденовского костыша вызывает некоторые сомнения. Еще три фигурки меньшего размера также имеют руки, более напоминающие крылья. Фигурки с какими-либо атрибутами очень редки. Это два человека со змеями в руках. Может быть, они изображают какой-то обряд с живыми змеями. Два человека изображены с луками. В одном случае лук гораздо больше человека, в другом — небольшой лук и колчан помещены на левом боку. Если древние мастера хотя бы немного приближали свои произведения к действительности, надо предположить, что гляденовцы пользовались луками двух типов.

3. Парные антропоморфные изображения.

Найдены только на Гляденовском костыше — 17 экз. Большая часть парных изображений представляет две стоящие рядом фигуры, вырезанные из медного листа без деталей. В одном случае изображена мать с ре-

¹ Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. Вып.35. Древняя история Нижнего Приобья. С.200, табл. VII; 1.

бенком на руках (рис. 13, ф.4). В трех случаях двойные фигурки заключены в рамку. Еще одна сдвоенная фигурка выделяется обилием деталей – изображены двое мужчин, у которых помимо черт лица отмечены косы, гривны на шее, на груди – подве насечки (подвески?). На руках браслеты (?) и по три пальца, на ногах – остроноса обувь. На прочих фигурках ни разу не изображены признаки пола. Видимо, изображались не семейные пары, а братья-близнецы – герои широко распространенного «близнечного мифа», который был известен и финно-угорским народам. В связи с этим надо упомянуть круглую литую пластину со свернувшейся змеей в центре. По бокам гравированы две антропоморфные фигурки. Может быть, в данном случае миф о близнецах сочетается с мотивом змеборчества.

4. Антропоморфные глиняные статуэтки.

Найдены в двух жертвенных ямах Гляденовского костыща и на западном склоне Юго-Камского. В Пермском Прикамье такие изделия обычно связывают с ананьинской культурой. Они найдены на Гремячанском, Половинном I и Конецгорском поселениях-святилищах. В Удмуртии похожие фигурки известны на памятниках чегандинской культуры, в частности на городище Чеганда I¹.

5. Антропоморфные изображения на бляшках и пластине.

Им посвящена крайне интересная статья И.В. Белоцерковской², которую не стоит пересказывать. В новых раскопках Гляденовского костыща найдено литое изображение матери с ребенком, а также гравированное на бляшке изображение человека и овала. Всего насчитывается 7 блях и пластин с одиночными фигурами людей с Гляденова и одно с Юго-Камска. Интересно, что на Юго-Камском изображении голова человека выходит за пределы бляхи. Парные фигуры изображены на 5 бляхах с Гляденовского костыща. На трех гляденовских бляшках изображены парные фигуры одинаковой величины – «близнецы», в двух случаях одна фигурка заметно больше другой. Кроме того, в трех случаях отмечены композиции – человек изображен с птицей, два человека – вокруг свернувшейся змеи и еще на одной бляхе человек изображен с четвероногим животным.

II. Зооморфные изображения.

Их насчитывается 626 экз. на Гляденовском костыще, 14 – на Юго-Камском. Большинство фигурок изображены крайне схематично, что привело к

¹ Генинг В.Ф. История населения... Ч.2. Табл. XXIV; 9-12.

² Белоцерковская И.В. Гравированные изображения из Гляденовского костыща // Труды Государственного исторического музея. М., 1990. Вып. 74.

значительным разногласиям в определении вида животных. Так, например, одно и то же сравнительно реалистическое изображение А.А. Спицын определяет как росомуху, возможно, соболя или куницу¹, а Н.Н. Новокрещенных — как лису². Тем не менее фигурки можно разделить на следующие группы:

1. Собаки (волки, лисы).

Гляденово — 515 экз. (рис. 13, ф. 9, 10), Юго-Камск — 4 экз. Из них 355 экз. (69%) гляденовских и все юго-камские вырезаны из медного листа, остальные — литые. В двух случаях изображения двойные. Из деталей отмечены обычно только уши и раскрытая пасть. У 90 фигурок с Гляденова показаны также глаза. В 15 случаях они напаяны, в остальных — гравированы или отлиты вместе с изображением. У двух фигурок показан кружковый орнамент на боку, у одной — зубчатый по краю спины. Насколько можно судить, только одна собака показана в стремительном беге, остальные изображены стоящими или спокойно идущими. Ушко на обороте имеют 23 экз., петлю на спине — 16 (все с Гляденово). На Гляденовском и Юго-Камском костыщах найдено по одному изображению свернувшихся в кольцо хищников с мордами, напоминающими волчьи. Кроме того, фигурки животных, напоминающих собак, выгравированы на двух бляшках с Гляденовского костыща.

2. Лошади.

Гляденово -12 (рис.13, ф.11), Юго-Камск -3 экз. Их фигурки еще более схематичны. Преобладают литые: Гляденово -10 экз. Одна фигурка имеет петлю для подвешивания на спине.

3. Баран, овца.

По одному экз. с Гляденова и Юго-Камска. Железной с золотой инкрустацией фигурке с Гляденовского костыща посвящена специальная работа А.П. Смирнова. Это изделие, несомненно, привозное и изображает дикого горного барана³. Вырезанная из листа фигурка с Юго-Камска показывает, видимо, домашнюю овцу.

4. Свинья.

Гляденово — 7 экз., в том числе 2 полых из медного листа, остальные литые. Лишь в одном случае показаны глаза и клыки. Остальные фигурки не имеют выразительных деталей и могут изображать и других животных.

¹ Спицын А.А. Гляденовское костыще. табл. VI; 24 С. 17.

² Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. С.79.

³ Смирнов А.П. Фигурка барана ...

5. Корова.

Известен только один экз. с Гляденовского костыща. Животное показано с наклоненной головой, как бы пасущимся. Фигурка вырезана из бронзового листа. Из деталей отмечены глаза, рот и один рог. По туловищу показаны три параллельные бороздки.

Таким образом, на Гляденовском костыще представлены изображения всех пяти видов, домашних животных, которые были у гляденовцев, а на Юго-Камском – три вида. Дикие животные представлены следующими видами:

6. Медведь (рис. 15).

Гляденово – 18 экз., Юго-Камск – 2 экз. Преобладают штампованные из листа бляшки, изображающие медведя в так называемой жертвенной позе – голова, положенная между лап. На Гляденове найдено 12 таких бляшек, на Юго-Камске – две. Все они, кроме двух, имеют ушки или дужку для крепления на обороте. В одном случае изображены сразу три медвежьих головы, к одной бляшке припаяно изображение змеи. На Гляденове найдены два изображения стоящих медведей, одно из которых А.А. Спицын называет грифоном¹, но судя по форме лап и морды, это все же медведь. Найдены также две литые фигурки, стоящие на задних лапах и полая пронизка, изображающая стоящего зверя. Наконец, надо упомянуть изображение распластанной медвежьей шкуры или лежащего медведя на бронзовой пряжке. Пряжка с похожим изображением найдена около д. Кушулево в Башкирии и датируется пьяноборским временем².

7. Барсук.

Гляденово – 1 экз., Юго-Камск – 2 экз. Гляденовский экземпляр представляет полую пронизку, юго-камские вырезаны из медного листа. Детали не отмечены.

8. Бобр.

Две фигурки с Гляденовского костыща. Обе они литые с ушками для подвешивания. Отмечены уши, глаза, большие зубы животных, у одного на туловище линейный орнамент, изображающий, вероятно, шерсть.

9. Заяц.

Единственная полая фигурка с Гляденовского костыща.

¹ Спицын А.А. Гляденовское костыще. С.11.

² Корепанов К. И. Указ. соч. С.135.

10. Куница, соболь, выдра.

Единственное литое изображение двух зверей в геральдической позе. Отдаленная аналогия ему имеется на Огурдинском поселении и датирована ананьинским временем¹.

11. Лось.

Две литые фигурки с Гляденовского костыща. Одна изображает стоящее животное с рогами и раскрытой зубастой пастью, вторая – обломок фигурки лосих или косули с высоко поднятой головой и резным орнаментом на боку. Кроме того, головой лося украшен костяной кочедык. Парные изображения лосей или оленей (?) гравированы также на двух блюдцах Гляденовского костыща. В одном случае они сочетаются с соляренным изображением², в одном – с деревом или кустарником³.

12. Неопределенные изображения.

Определения вида прочих четвероногих животных, сделанных различными авторами (белки, россомахи и т. д.), очень субъективны. Поэтому все прочие фигурки отнесены нами к разряду неопределенных. Их 63 экз. на Гляденово и 2 – на Юго-Камске.

III. Изображения пресмыкающихся и насекомых.

1. Змеи.

Гляденово – 63 экз., Юго-Камск и Ильинское – по 1 экз. Из фигурок Гляденовского костыща 6 экз. выкованы из железа, остальные фигурки, а также змейки с Юго-Камска и Ильинского, – литые из бронзы. Змеи чаще всего изображены ползущими или извивающимися – 32 экз. с Гляденова и по 1 с Юго-Камска и Ильинского. На втором месте по количеству – изображения змей, свернувшихся в кольцо или спираль, – 25 экз. Три змеи изображены со свернутым в кольцо хвостом и поднятой головой, как бы приготовившиеся к прыжку (рис. 13, ф. 20) По одному экз. встречены фигурки с прямым туловищем и поднятой головой (рис. 13, ф. 19), свернувшиеся в петлю и в узел.

2. Ящерицы.

Встречены только на Гляденовском костыще – 4 экз. Все они литые из меди, изображены с короткими, расставленными в стороны лапами

¹ Бадер О.Н. Ананьинское и более поздние селища на Огурдинской стоянке близ Усо-
лья // Учен. зап. Перм. ун-та. 1960. Т. 12. Вып. 1. С.156.

² Белоцерковская И.В. Указ. соч. Рис. 14.

³ Там же, с. 65, рис. 12

(Рис.13, ф. 18). Интересно, что гляденовские фигурки ящериц находят почти полные аналогии на мансийских святилищах, но там они изготовлены из свинца¹.

3. Существо, напоминающее ящерицу, но с шестью ногами. Гляденовское костыще – 1 экз..

4. Многоножки.

Гляденово – 7 экз. Все они вырезаны из бронзового листа. Изображения крайне схематичные. Изображены, по-видимому, паукообразные животные с 8 или 10 лапами.

5. Жуки (?).

Гляденово – 4 экз. Изготовлены из медного листа с толстым туловищем и припаянными короткими ногами. У трех на обороте имеются ушки для подвешивания, у одного – припаяны уши или рога на голове.

Изображения иных летающих насекомых часто трудно отличить от птиц, поэтому они будут рассмотрены ниже.

IV. Орнитоморфные фигурки.

Их найдено 287 экз. на Гляденовском костыще, 11 – на Юго-Камском и 2 – на Усть-Туйском костыще. 70% гляденовских, 9 юго-камских и оба усть-туйских изображения изготовлены в технике плоского литья, остальные вырезаны из листа иногда с напаянными или гравированными деталями. Птицевидные изображения делятся на следующие виды:

1. Хищные птицы (рис. 13, ф.12-14).

Гляденово - 100 экз., Юго-Камск - 5 экз. Главная деталь всех фигурок - большой изогнутый клюв. Почти у всех фигурок он смотрит вперед, лишь в одном случае клюв резко повернут вправо, в трех случаях голова слегка повернута влево и у одной фигурки – вправо. У двух фигурок с Гляденова и у одной с Юго-Камска крылья широко расставлены, у остальных – опущены вдоль туловища. Из других деталей чаще всего отмечено оперение крыльев и хвоста, отмеченное параллельными бороздками – 37 гляденовских и 3 юго-камских экз., напаянные или отлитые лапы – 18 экз. с Гляденова и 3 – с Юго-Камска. У одной птицы на груди показан орнамент в виде двух елочек, еще у одной – 2 змеи.

¹ Гемусев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культурные места. Новосибирск, 1986, С. 51.

2. Фигуры птиц с личинами на груди (рис.13,ф.14).

Гляденово – 5 экз., включая один обломок, Усть-Туй – два обломка. В одном случае изображение двухголовое, в одном – с тремя головами. Одна птица – сова или филин с характерными острыми ушами. Еще одна фигурка показывает орла или ястреба с большим впередсмотрящим клювом и раздвоенным хвостом, на груди ее изображены только глаза и рот человека. Помимо личин у всех птиц показано оперение хвоста и крыльев, у 4 – лапы. Все изображения данного типа литые. Похожие фигурки известны в Западной Сибири – в составе Истяцкого клада, на городище Барсов городок I/20 и Барсовском III могильнике¹.

3. Изображения водоплавающих птиц – уток, гусей, лебедей и т.д. Гляденово – 13 экз., Юго-Камск – 1 экз. Одна фигурка представляет собой полую пронизку, еще одна, литая, изображает птицу сидящую или плывущую, остальные птицы с Гляденова и юго-камский экз. показаны в полете. Все они литые.

4. Неопределенные изображения.

Гляденово – 169, Юго-Камск – 5 экз., Усть-Туй – 1 экз. А.А. Спицын определил 12 изображений голубей², но изображенные на таблицах фигурки могут представлять практически любую птицу.

5. К орнитоморфным фигуркам примыкают изображения пчел. Гляденово – 93 экз., Юго-Камск – 1 экз. Из них только одна изображена вполне реалистично – со сложенными крыльями и 6 лапками (рис.13., ф.15), остальные могут изображать других летающих насекомых (рис.13, ф.16) или даже небольших птичек. Все фигурки литые.

Заканчивая описание вотивных фигурок костищ, следует отметить, что многие сюжеты, возникшие в гляденовское время, получили дальнейшее развитие в последующую эпоху средневековья. Это, прежде всего, изображения «близнецов», всадников, птицевидные идолы с личинами, различные изображения медведя, пронизки в виде зверей и птиц.

2.7. Предметы неясного назначения

Если не считать различных обломков и фрагментов, особенно многочисленных на Гляденовском костище, к этой категории относятся прежде всего костяные изделия:

¹ Казанцева Т.Г., Чемякин Ю.П. Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Приуралья и Западной Сибири // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Екатеринбург, 1999. Ч.1. Рис.2; 9-12.

² Спицын А.А. Гляденовское костище. С. 20.

1. Челюсти животных со срезанной скуловой частью.

На Гляденовском костище из найдено 24, в том числе: 9 медвежьих, 12 лошадиных и 3 предположительно куньих. На Гаревском и Ильинском костищах найдены по одной медвежьей челюсти.

2. Кости животных с просверленными или пробитыми отверстиями.

Гляденово – кость куницы или соболя с 7 отверстиями, Гаревское – 6 экз., Юго-Камск – 1 экз., Слепушка – 3 экз. в том числе по одной бабке лошади коровы и берцовая кость лошади.

3. Фрагменты лосиных рогов со следами обработки.

Гляденово, Слепушка и Юго-Камск – по 1 экз., Ильинское – 2 экз.

4. Костяное изделие в виде 8-гранника.

Гляденово – 1 экз.

Из металлических изделий надо упомянуть так называемые литники и слитки меди. Их найдено 43 экз. на Гляденовском костище и 1 – на Ильинском.

На Гляденовском и Юго-Камском костищах найдены гальки необычной формы и еще одна – недалеко от Гаревского костища¹. Они не имеют следов обработки, но могли как-то использоваться в обрядах.

2.8. Osteологический материал

Естественно, остеологический материал – наиболее массовый в культурном слое костищ. На всех памятниках, подвергавшимся раскопкам, исследователи отмечают слои сплошных костей, сырых и пережженных. Например, на Гаревском костище А.Е. Теплоухов «нашел груды костей в виде плоского слоя длиной 18 м, шириной 15 м, глубиной в центре до 1 м². При этом на 1 кв. м найдено в среднем по 1-1,5 тыс. костей. На Усть-Туйском костище В.Ф. Генинг отмечает количество костей от 1 до 2,5 тыс. на 1 кв. при мощности костеносного слоя до 50 см. На других памятниках такие подсчеты не проводились, но и там на многих участках костей больше, чем земли.

Несмотря на то, что кости имеют очень большое значение для изучения характера памятников, изучение остеологического материала часто казалось исследователям чем-то второстепенным по сравнению с изучением артефактов. Кроме того, такое количество костей трудно было вывозить и хранить. Например, Н.Н. Новокрешенных писал: «Приходилось отбирать лишь то, что так или иначе кидалось в глаза

¹ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... Табл. I;15.

² Там же. С. 2.

и посылать для определения в Петербург»¹. Археологи XIX века чаще всего ограничивались перечислением видов животных, а сами кости оставляли на месте раскопок за исключением целых черепов или крупных рогов. С многих костищ производилась массовая вывозка костей на фосфорные заводы. Это касается Гляденовского², Топосихинского³, Гаревского⁴, Усть-Туйского и Останинского⁵ костищ. В результате огромное количество остеологического материала было утеряно безвозвратно.

На Гаревском костище отмечены черепа и кости росомахи, лося, медведя, а из домашних животных — лошади, свиньи, быка и козы. Специально подчеркнуто отсутствие костей собаки⁶. В зольном слое Гляденовского костища залежали черепа росомахи, рыси, барана, барсука, оленя, кости лошади и коровы⁷. Мелкие кости птиц выделялись отдельными скоплениями, при этом к ним была приурочена масса находок. Здесь же находили щитки осетра⁸. Сравнительно большое количество костей попало в Пермский музей только с Ильинского костища — 567 экз., из которых удалось определить 226.

В советское время наиболее полные выборки добыты Ю.А. Поляковым на Юго-Камском (более 62 тыс. определенных костей) и В.Ф. Генингом на Усть-Туйском (38383 кости) памятниках. Неполные, но все же достаточно представительные выборки определены с Гляденовского и Слепушкинского костищ. При раскопках этих памятников определение костей производилось непосредственно в полевых условиях, что дало возможность установить определенные закономерности в распределении костей⁹.

С других костищ, раскопанных в XIX веке, сохранились лишь единичные экземпляры костей, которые, тем не менее, были определены А. И. Варовым и использованы в работе.

Из частей скелета на костищах больше всего встречено фрагментов черепов, челюстей и отдельных зубов. Например, на Усть-Туйском костище зубы, по определению В. И. Цалкина, составляли до 85-90%

¹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костище. С. 40.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 25-26.

⁴ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... С. 4.

⁵ Иванов А.П. Указ. соч. С.24, 39.

⁶ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... С. 4.

⁷ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костище. С. 40-41.

⁸ Там же. С.42.

⁹ Варов А.И. Костные останки из костищ Среднего Прикамья // Полевой симпозиум «Святылища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996.

всех костей¹. То же наблюдается и на других памятниках. Значительно реже встречаются кости конечностей, ребра, позвонки и совсем редко тазовые кости. При этом большая часть трубчатых костей расколота или раздроблена. По наблюдению Е. Г. Андреевой кости домашних животных с Юго-Камского и Усть-Туйского костяш меньше по размерам, чем кости с поселений, то есть для жертв отбирали худших животных².

Видовой состав представлен в следующей таблице:

	Гля- деново. 1990г.	Юго- Камск.	Усть- Туй.	Сле- пушка	Пан- краши	Оста- нино	Ильин- ское	Пьян- ково	Гарев- ское
КРС	1250	29000	15749	882	9	5	33		6
МРС	465	2012	2214	320		2	31		1
Лошадь	1133	27575	15187	1339	6	4	90		6
свинья	434	3382	4933	1151	13	18	43		
лось	168	54	182	8			3	16	1
сев. олень	38	6				1	1	1	1
мелведь	69	13	11	20	1	1	23		
росомаха	7						1		
бобр	1		10	2					
волк	7	5							
рысь	2								
заяц	1								
птица	2								
рыба	2								
носорог						1			
собака			17						
лиса							1		
человек		10	106						

Таким образом, на всех костяшах, с которых добыт и определен более или менее массовый остеологический материал, абсолютно преобладают кости домашних животных. На Гляденовском, Юго-Камском и Усть-Туйском костяшах первые места занимают кости лошади и крупного

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С. 99.

² Андреева Е.Г. Домашние и дикие животные из раскопок памятников Верхнего и Среднего Прикамья // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 143.

рогатого скота, костей мелкого рогатого скота и свиньи значительно меньше. На Слепушкинском и Ильинском костяках преобладают кости лошади и свиньи. По-видимому, соотношение костей на костяках отражает состав стада у конкретных территориальных групп населения гляденовской культуры. По видовому разнообразию диких животных выделяется Гляденовское костяк, но в общей массе костей их всего 8,5%. На Ильинском костяке процент костей диких животных составляет 12,8%, но они представлены всего четырьмя видами. На других памятниках количество костей диких животных крайне невелико: на Юго-Камском их всего 0,13%, на Усть-Туйском – 0,53%, на Слепушкинском – 0,27%. Обращает на себя внимание то, что из диких животных преобладают крупные млекопитающие – медведь, лось и северный олень. Именно эти животные до сих пор занимают важнейшее место в культурах населения лесного пояса Евразии. Несколько курьезной выглядит находка пяточной кости шерстистого носорога в материалах Останинского костяка. Однако кость зашифрована рукой Ф. А. Теплоухова и поэтому сомневаться в ее происхождении нет особых оснований.

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И НАЗНАЧЕНИЯ КОСТИЦ

3.1. Датировка костиц гляденовской культуры

Мнения о датировке костиц очень разнообразны. Так, первый исследователь Гляденовского костища Н. Н. Новокрешенных относил его к началу нашей эры¹, А. А. Спицын – к III-IV вв.², А. В. Шмидт – к II в. до н. э. – III в. н. э.³. А. П. Смирнов значительно расширил дату Гляденовского костища и выделил три стадии его существования: 1. VII-III вв. до н. э., характеризующуюся ананьинскими древностями; 2. II в. до н.э. – III в. н. э., датирующуюся по сарматским и позднеантичным вещам и среднеазиатским монетам; 3. III-VIII вв., датируемая по аналогиям с салтовской и другими средневековыми культурами. Ильинское костище, по его мнению, относится к первым вв. н. э., Останинское существовало с IV-V вв. до н. э., остальные т.н. “малые” костища датированы им первой половиной I тыс. н. э.⁴. Ю.А. Поляков датировал исследованное им Юго-Камское костище IV в. до н. э. – IV-V вв.⁵ Р. Д. Голдина относит верхнекамские костища к V-VII вв., т. е. к ломоватовской культуре⁶. Наконец, В. Ф. Генинг датировал Гляденовское и Юго-Камское костища III в. до н. э. – II в. н. э., а все остальные относил к гаревской культуре III-IV вв.⁷ Таким образом, в вопросе хронологии костиц среди археологов имеются существенные разногласия. Особенно это относится к Гляденовскому костищу, наиболее известному и давшему название всей культуре. По другим костищам разногласий меньше, но они все же есть.

¹ Новокрешенных Н.Н. Гляденовское костище. С. 34.

² Спицын А.А. Гляденовское костище. С. 41.

³ Шмидт А.В. Жертвенные места ... С. 18.

⁴ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории ...С. 82-95, 196; 82.

⁵ Поляков Ю. А. Итоги изучения ... С. 213.

⁶ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С. 110.

⁷ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С. 132-133.

Раскопки последних лет позволили добыть новые материалы, которые очень важны для датировки костяшек, хотя проблему периодизации нельзя считать окончательно решенной. Поскольку наибольшее количество вещей, в том числе и датирующих, найдено на Гляденовском костяшке, начать надо с него. Но сначала надо остановиться на проблеме соотношения костяшка и городища, на котором оно находится. До недавнего времени никто как будто не сомневался, что костяшке и городище одновременны¹. Но в 1988 г. В.Ф. Генинг выступил с утверждением, что костяшке существовало до появления здесь городища. Основанием для этого послужила, во-первых, найденная на верхней площадке городища керамика, а во-вторых, топография городища, типичная для “верхнекамской культуры послегляденовского времени”². Однако описания этой керамики В.Ф. Генинг не приводит, упомянуты только ее цвет, рыхлость и примесь раковины или песка. По-видимому, в шурфах были найдены только неорнаментированные фрагменты стенок сосудов, датировать которые весьма затруднительно. Аналогичное утверждение В. Ф. Генинга о соотношении Юго-Камского I городища и костяшка вообще ничем не аргументируется.

Между тем, еще в 1980 г. А. Д. Вечтомовым были проведены раскопки на верхней площадке Гляденовского городища (точнее говоря на ее остатках, так как она разрушена карьером). Раскопки дали довольно выразительный материал. Из 40 сосудов, выделенных по венчикам, 12 имели характерный для ананьинской посуды воротничок и были орнаментированы отпечатками 2-4 - зубого штампа, иногда в сочетании со шнуровым орнаментом. Об ананьинской керамике, найденной непосредственно на костяшке, уже говорилось. Наконец, на третьей, нижней площадке городища сам В.Ф. Генинг нашел два фрагмента воротничковой керамики³. Таким образом, все три площадки Гляденовского городища были заселены уже в ананьинское время и костяшке возникает если не одновременно с городищем, то не намного позже.

Что касается датировки собственно костяшка, то в наше время точки зрения на датировку костяшка можно условно разделить на “широкую”, обоснованную А. П. Смирновым и “узкую”, главными представителями которой были А. В. Шмидт и В. Ф. Генинг. Еще недавно автор придерживался точки зрения В. Ф. Генинга⁴. Но в 1996 году на костяшке был

¹ Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края. С. 3; Збруева А.В. История населения Прикамья ... С.264; Прокошев Н.А. Из материалов по изучению... С. 199.

² Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С. 137.

³ Там же.

⁴ Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. К проблеме хронологии костяшек ...С. 14; они же. Гляденовское костяшке. Каталог коллекции. Пермь, 1997. С. 16.

впервые обнаружен закрытый комплекс позднеананьинского времени. Он состоял из 5 крупных ям (№№ 56, 63-66, 68), врезанных в материковый слой. Ямы №№ 56 и 63 в плане имели овальную форму, ямы №№ 64 и 65 – почти круглую и яма № 68 – крестообразную. Размеры их колебались от 44 x 39 см до 85 см в диаметре, глубина – от 10 до 26 см. Все ямы были заполнены серым рыхлым суглинком с примесью золы и частиц жженных костей, лишь яма № 63 – почти чистой древесной золой. Все они, кроме одной, содержали кости животных, принесенных в жертву – лошади, крупного и мелкого рогатого скота, домашней свиньи. Кроме того, в яме № 63 были найдены: кварцитовый отбойник (?), глиняная антропоморфная статуэтка, 35 фрагментов керамики и 37 галек, 28 из которых были расколоты в древности, в яме № 64 – обломок глиняной статуэтки и 2 расколотых камня, в яме № 66 – 65 расколотых галек и фрагментов трех крупных (диаметром до 45 см) керамических сосудов без орнамента. Два из них имели двойной воротничок по шейке, один сосуд безворотничковый. Видимо, эти сосуды были преднамеренно разбиты и их фрагменты помещены в яму. Яма № 68, в отличие от предыдущих, не содержала костей, но зато в ней обнаружены фигурка человека, вырезанная из медного листа, перевернутая вверх дном жертвенная чашечка и обломок железного ножа. Ямы были вытянуты в один ряд в направлении с ЮВ на СЗ (азимут 345). Несомненно, все они имеют жертвенный характер.

Приблизительно параллельно этому ряду – в 80-100 см к западу – исследованы 6 круглых в плане ям гораздо меньшего размера, не содержащих костей и находок (№№ 57-62). Диаметр их – 10-18 см, глубина – 10-20 см, лишь одна яма была глубиной 38 см. Заполнены они были темно-серым плотным суглинком с примесью древесной золы и частиц пережженных костей. Все перечисленные ямы составляют, вероятно, единый комплекс и были сооружены если не одновременно, то, во всяком случае с небольшими временными перерывами, когда при копке очередной ямы следы предыдущей еще были хорошо видны на поверхности. Этот жертвенный комплекс является наиболее ранним из изученных до сих пор на Гляденовском костыше. Он возник на позднем этапе ананьинской культуры – не позднее IV-III вв. до н. э. В пользу этой датировки говорят находки двух глиняных антропоморфных статуэток и воротничковых сосудов. Медная антропоморфная статуэтка и глиняная чашечка из ямы № 68 также, вероятно, относятся к этому периоду. Подобные небольшие ритуальные сосудики известны в материалах Гремячанского святилища и ряда ананьинских могильников. На Гремяче найдена небольшая медная фигурка человека. На Гремячанском святилище и городище Алтентау

изучены также жертвенные ямы, заполненные дробленой галькой¹. Таким образом, можно утверждать, что святилище на Гляденовской горе возникает в позднеананьинский период. Вероятно, в это время оно занимало не всю среднюю площадку городища, как в более позднюю гляденовскую эпоху, а только северную ее часть. Параллельная цепь небольших ямок вероятно является следом от ряда столбов или шестов, символизирующих мировое древо или шаманское дерево, по которому путешествовала душа шамана во время камланий. На этих шестах могли развешиваться жертвы, приносимые богам верхнего мира. Кроме того, столбы или шесты, достаточно глубоко врытые (на 20-38 см), могли выполнять роль ритуальной коновязи для привязывания жертвенных животных.

Из вещей, найденных непосредственно в слое костища также выделяется довольно значительный комплекс ананьинского времени. Прежде всего, это бронзовые наконечники стрел. Найденны только на Гляденовском (18 экз.) и Юго-Камском (2 экз.) костищах. Наиболее ранними из них являются два наконечника типа С-112 – трехлопастные черешковые. В их датировке сложилось две хронологические шкалы. По одной из них они датируются не позднее VI в. до н.э., по другой – не позднее V в. до н.э.² Не позднее V в. до н.э. датируется втульчатый трехлопастной наконечник с ромбовидным в плане пером типа С-28³.

Наконечники типа С-41 встречены только на костищах, поэтому датировать их затруднительно, но, по мнению С.В. Кузьминых, они относятся к IV-III вв. до н. э. Остальные бронзовые наконечники либо имеют широкую дату – типы С-34, С-40, С-50, С-90, либо датируются не ранее IV века до н. э. – типы С-44 и С-46⁴.

Разумеется, при этом надо учитывать мнение В.А. Иванова о некотором запаздывании в развитии пьяноборских колчанных наборов по сравнению со степными⁵. Часть бронзовых наконечников Гляденовского костища тоже может относиться к пьяноборскому времени. Но, во всяком случае, наконечники типов С-28 и С-112 не могли “запоздать” на 200-300 лет. Из украшений к раннему этапу существования костища относятся прежде всего глазчатые бусы. Бусина из голубого непрозрачного стекла с 6 плоскими глазками типа 49а датируется V в. до н. э.⁶, синие

¹ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С. 172.

² Кузьминых С.В. Указ. соч. С.116.

³ Там же. С.107.

⁴ Там же. С.108-110.

⁵ Иванов В.А. О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 95.

⁶ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С. 64.

бусы типа 76 – IV в. до н. э. (там же, с. 68), типа 54в – IV-II вв. до н. э.¹ Прочие бусы в Причерноморье доживают до первых веков нашей эры и могут относиться и к гляденовскому времени. Но в Пермском Прикамье, помимо костищ, глазчатые бусы встречены только на ананьинских памятниках. Из других находок к ананьинскому времени относятся обоймы для перекрестных ремней, навершие рукояти кинжала костяной кочедык с головой лося, а из культовых фигурок – изображение свернувшегося в кольцо хищника² и железная фигурка барана³. Отнесение к ранней стадии ряда других фигурок⁴ нельзя признать убедительным. Основная масса находок Гляденовского костища относится к раннему и среднему этапам гляденовской культуры: III в. до н. э. – III в. н. э. Прежде всего это стеклянные бусы с внутренней позолотой. По данным Е.М. Алексеевой производство таких бус в Египте началось в IV в. до н. э., но в Северном Причерноморье они появились в III в. до н. э.⁵ В Прикамье они попали, вероятно, еще позже и единично встречаются даже в ломоватовское время⁶.

Бронзовые и медные боченковидные и цилиндрические бусы типов 2, 3 и 5, преобладающие на Гляденовском костище, относятся к I-III вв.⁷ Биконические бусы имеют еще более широкую дату – со II в. до н. э. по II в. н. э.⁸

Большая часть фаянсовых бус также имеет очень широкую дату. Бусы типа 16 бытовали с VI в. до н. э. по IV в. н. э., бусы типа 18 – с III в. до н. э. по I в. н. э. Фаянсовые бусы типа 20 не имеют данных для датировки⁹.

Из бус, имеющих более узкую дату, надо указать следующие:

– Фигурная пронизь из прозрачного бирюзового стекла. Тип 188. Датируется I- II вв.¹⁰

– Прозрачная желтая бусина в форме параллелепипеда. Тип 106; вторая половина II в.¹¹

– Округлая бусина из черного стекла с белыми глазками. Тип 48а; II век¹².

¹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С. 64.

² Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Табл. IV; 14.

³ Смирнов А.П. Фигурка барана ...

⁴ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории... С. 82-85.

⁵ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. С. 27-28.

⁶ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С. 52.

⁷ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1982. С.23.

⁸ Там же.

⁹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С.33-35.

¹⁰ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. С.74.

¹¹ Там же. С.69.

¹² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С. 64.

- Цилиндрическая бусина типа 271a – I – первая половина II в.¹
- Сердоликовая бочковидная бусина типа 4. Вторая половина II–III вв.²
- Фаянсовая подвеска-амфорка. Тип 82. I–II вв.³
- Фаянсовая фаллическая подвеска. Тип 91. I в.⁴
- Округлая из глухого желтого стекла с 9 белыми глазками. Тип 74. III–II вв. до н. э.⁵

Из других украшений сравнительно узкую дату имеют бляшки с ушками на обороте и шейные подвески. Они датируются I–II вв.⁶

К раннему и среднему этапам гляденовской культуры относится и большинство металлических фигурок. Такого их изобилия нет ни на ананьинских святилищах, ни на малых костыщах Верхней Камы и Сылвы.

К наиболее поздним вещам Гляденовского костыща относится, прежде всего, разнообразный бисер из непрозрачного стекла. Он датируется, в основном, IV веком, когда в Прикамье наступил “бисерный бум”⁷. Обломок пинцета находит аналогии в харинских могильниках⁸, а также в древностях мазунинской культуры⁹. Сюда же относятся прямые железные серпы (косы) с крючком. Аналогии им известны в Тураевском могильнике III–V вв.¹⁰ и в пяти могильниках мазунинской культуры¹¹. С долей условности к позднему периоду существования костыща можно отнести фигурки, сюжеты которых имеют продолжение в ломоватовское время. Это бляшки с изображением головы медведя между лап (рис. 15), птицевидных идолов с личиной на груди, полые пронизки в виде уточек и медведей. Что касается многих других категорий предметов, то они либо имеют очень широкую дату (наконечники стрел из железа и кости, ножи, иглы), либо встречены только на костыще (миниатюрные топоры и другие орудия), поэтому датировать их невозможно.

¹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. С. 50.

² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1982. С. 16.

³ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С. 46.

⁴ Там же. С.47.

⁵ Там же. С.67.

⁶ Генинг В.Ф. Узловые.. ВАУ-4, Рис. 7; 66, 93. Лещинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р.Вятки I – начала II тыс.н.э. // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. С. 90.

⁷ Останина Т.И., 1997, С. 112

⁸ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С. 240.

⁹ Останина Т.И., 1997, С. 79, Рис. 15; 1-3

¹⁰ Генинг В.Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып. 2. С. 75. Рис. 29; 5.

¹¹ Останина Т.И., 1997, С. 72

Итак, Гляденовское костыще возникает не позднее V в. до н. э. и завершает свое существование к началу харинской эпохи — на рубеже IV-V вв.

Юго-Камское костыще в целом синхронно Гляденовскому. находка бронзового черешкового наконечника стрелы типа С-112 позволяет отнести основание костыща к V в. до н. э. К ананьинскому времени относятся также обломок глиняной статуэтки, бронзовый наконечник стрелы типа С-41, фигурка свернувшегося в кольцо хищника, аналогичная гляденовской и синяя глазчатая бусина типа 78а по Е. М. Алексеевой. Поздняя дата костыща определяется по находкам синего и зеленого стеклянного бисера, который четко датируется IV веком¹. Такая широкая датировка как будто противоречит сравнительно небольшим размерам и относительной по сравнению с Гляденовским костыщем бедности материала. Но при этом надо иметь в виду, что и население Юговской группы было гораздо малочисленнее, чем мулянской. На р. Юг и ее притоках известно всего 7 селищ гляденовской культуры, а в бассейнах Верхней и Нижней Мулянок их более 50.

Данных для датировки “малых костыщ” бассейнов Верхней Камы и Сылвы гораздо меньше. Наиболее ранние датирующие вещи найдены на Усть-Туйском костыще. Это темно-синяя стеклянная глазчатая бусина типа 54а, датируемая временем не позже начала нашей эры², и шейная кольцевая подвеска с тремя лопастями, дата которой I-II вв.³. Две бляшки с двумя ушками на обороте по чегандинским аналогиям датируются этим же временем⁴. Вероятно к этому же времени относится и строенная позолоченная бусина с выпуклыми глазками, найденная при раскопках 1952 г. Такие бусы, но одинарные, известны в Северном Причерноморье. Они относятся к типу 15 и датируются I в. н. э.⁵. Поздняя дата Усть-Туйского костыща определяется находками синего, желтого и зеленого бисера — IV век. Скорее всего, к этому же времени относятся и обломки птицевидного идола.

Датировка остальных костыщ может быть основана исключительно на бусинном материале. В материалах Останинского костыща всего две бусины. Одна из них синяя глазчатая типа 78а датируется не позднее II в. н. э.⁶. Второй экземпляр представлен обломком крупной (24 x 20 мм)

¹ Казанцева О.А. Хронология погребальных комплексов Красноярского могильника // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995, С. 157.

² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С.65.

³ Лещинская Н.А. Хронология и периодизация могильников ... С. 90.

⁴ Генинг В.Ф. Узловые... ВАУ-4, Рис. 7; 66,93

⁵ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. С.32.

⁶ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С. 68.

бусины из черного непрозрачного стекла с двумя белыми полосами вокруг отверстий и с одним желто-зелено-красным глазком в желтом ободке и красно-зеленым глазком в зеленом ободке. Аналогичные бусы, но несколько иной расцветки найдены на Северном Кавказе и датируются IV-V вв.¹

Костище Слепушка на р. Сылве датируется крупной халцедоновой бусиной типа 2 б, аналогичные которой датируются в Северном Причерноморье I-III вв.², а в Приуралье — III-IV вв.³. К IV в. относится бисер из синего полупрозрачного и зеленого непрозрачного стекла. Костяная бочковидная бусина с этого памятника близка к причерноморским бусам типа 2, которые датируются вплоть до II в.⁴. Конечно, в данном случае бусина может быть и местного производства и совпадение формы случайно. Но все же Слепушкинское костище может быть датировано II-IV вв.

На Ильинском костище датированных вещей почти нет. Необычайно высокий процент многочастных позолоченных бус, которые были особенно популярны с начала нашей эры⁵ позволяет предполагать, что костище возникает не ранее II в. н. э. Поздняя дата также как и у других костищ определяется находками синего и зеленого бисера — IV в.

Наибольшим разнообразием материала отличается Гаревское костище. В то же время его датировка представляет наибольшие трудности. Материалы раскопок, хранящиеся в Пермском музее были частично депаспортизированы и перемешаны вероятно в период между 1917 и 1941 гг. Кроме того, часть предметов не была найдена непосредственно при раскопках, а приобретена у местных жителей⁶. Так, например, идол хранящийся в Государственном Эрмитаже, который считался довольно архаичным⁷, был найден в огороде одного из крестьян деревни Старая Гаревая⁸. Подвеска-лунница, считающаяся одной из основных датирующих вещей, вообще не упоминается в работе А. Е. Теплоухова. Очевидно, она попала в коллекцию уже после того, как костище было разрушено при добыче костей на фосфор⁹. Большие несоответствия имеются и в бусинном материале. Достоверно с костища происходят следующие бусы:

¹ Деопик В.Б. Указ.соч. С.58-59.

² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1982. С.11.

³ Лешинская Н.А. Хронология и периодизация могильников ... С. 90.

⁴ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1982. С. 31.

⁵ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. С. 27.

⁶ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... С. 21.

⁷ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории ... Рис. XXI; 12.

⁸ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... С. 20.

⁹ Там же. С. 4.

– Округлая из прозрачного янтарно-желтого стекла с гладким краями отверстий. Тип 6, датируется I в. до н. э. – II в. н. э.¹.

– Округлая из синего стекла с квадратными сине-желтыми глазками. Тип 92 б, датировка – II в. н. э.².

– Четырнадцатигранная из прозрачного синего стекла. Тип 134; II–IV вв.³.

– Аналогичная из белого стекла. Тип 126; I–II вв.⁴.

– Фаянсовая округло-ребристая с остатками зеленой поливы. Тип 16; VI в. до н. э. – IV в. н. э.⁵.

– Поперечносжатая бусина из горного хрусталя. Тип 2а. Такие бусы наиболее характерны для I–II вв., но существуют и в III в.⁶.

– Округлая из темно-синего стекла с орнаментом из белых цветов с красными серединами. В работе А.Е. Теплоухова не упоминается, но снабжена этикеткой с надписью “Гар. к.”, сделанной рукой Ф. А. Теплоухова. Тип 493; ко-нец IV–VI вв.⁷.

– Эллипсоидная сердоликовая с белой инкрустацией.

– Дисковидная сердоликовая с белой инкрустацией.

Бусы из сердолика с белой инкрустацией Р.Д. Голдина считает ярким признаком VII века⁸. Таким образом, бусинный материал Гаревского костыща дает дату II–VII вв., гораздо более широкую, чем у предыдущих костыщ.

То же можно сказать и о Панкрашинском костыще. Синяя глазчатая бусина типа 84а датируется не позднее II в.⁹, а дисковидная сердоликовая с белой инкрустацией – VII в.

Однако Гаревское и Панкрашинское костыща все же нельзя отнести к ломоватовской культуре. Основной их материал относится к гляденовскому времени. На Гаревское костыще поздние бусы могли попасть с соседнего городища, которое находилось в 60 шагах от костыща¹⁰. Сведений по исследованиям Панкрашинского костыща слишком мало, возможно и оно соседствует с каким-либо средневековым памятником. Помимо этого, есть и другое объяснение. Оно связано

¹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. С. 64.

² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С. 69.

³ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1978. С. 70.

⁴ Там же.

⁵ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С. 33–34.

⁶ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1982. С. 7.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ Там же. С.55.

⁹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. 1975. С. 68.

¹⁰ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... С. 3.

с зафиксированным этнографами у коми-пермяков культом “древних”. В Семик, когда взрослые крестьяне ходили на кладбище, подростки отправлялись на чудские места с брагой и едой, говоря: “Помяни, Господи, чудского дедушку и чудскую бабушку”¹. В Косинском и Кочевском районах Коми-пермяцкого округа “почитаются только места древних языческих святилищ и такие могильники, которые оказались вблизи или на месте таких святилищ”². Сходные сведения записаны А.Ф. Мельничуком в пос. Ильинский. Информатор указал на площадку Ильинского городища как на место, где “до войны праздновали бабушки и дедушки”. При этом он подчеркнул, что его предки, старообрядцы, сюда никогда не ходили, очевидно, считая эти гуляния языческими. Другой пример вторичного использования древнего святилища, возможно, имеется на Гляденовском костыше. Девять двурогих наконечников стрел с упором типа 60 по классификации А. Ф. Медведева³ резко выделяются в общей массе находок своим поздним видом. Возможно, они связаны с “кладбищем и жертвищем остьским” XVI века, разрушенным св. Трифоном Вятским⁴.

Эти обычаи можно экстраполировать на ломоватовское время. В VII веке следы костыщ были наверняка хорошо видны на поверхности и часть ломоватовского населения могла их посещать и приносить небольшие жертвы. Во всяком случае, массовых жертвоприношений скота в ломоватовское время уже не было. Кроме того, существует и определенный хронологический разрыв: ни на одном малом костыше не найдено вещей типичных для харинского этапа. Очевидно, в V-VI вв. они никак не использовались.

Таким образом, по времени возникновения все костыща можно разделить на следующие группы:

1. Ранние - Гляденовское и Юго-Камское. Возникают не позднее V в. до н. э., прекращают существование в IV-V вв.
2. Усть-Туйское - существовало в I-IV вв.
3. Поздние - Слепушкинское, Ильинское, Останинское, Гаревское и Панкрашинское. Датируются II-V вв. Два последних, возможно, доживают до VII века. Для выяснения этого вопроса необходимы раскопки Панкрашинского костыща, которое сохранилось до наших дней.

¹ Иванов А.П. Указ. соч. С. 12.

² Грибова Л.С. Культ «древних» у коми-пермяков. С. 3.

³ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел. М., 1966. С.72.

⁴ Осокин И.М. К вопросу о миссионерской деятельности преп. Трифона // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1904. Вып. VII. С.22-23.

3.2. Связь обрядности костяных изделий с жертвенными местами ананьинской культуры. Костяные изделия и другие жертвенные места древних финно-угров – сходство и различие

Проблема происхождения костяных изделий является одной из наиболее сложных. Новые исследования костяных изделий, особенно Гляденовского и Юго-Камского позволяют в какой-то степени пролить свет на эту проблему. Выяснилось, что жертвенные комплексы на Юго-Камском I и средней площадке Гляденовского городища возникают еще в ананьинское время, по крайней мере в V в. до н.э., и какое-то время сосуществуют с жертвенными местами ананьинской культуры, изученными в Пермском Прикамье. Наиболее известные из них: Гремячанское святилище на р.Тулве в Осинском районе, жертвенное место на мысу Половинного I поселения на реке. Н. Мулянка всего в 1 км от Гляденовского костяного изделия и Конецгорское селище на р. Чусовой. Последний памятник был исследован и опубликован А.В. Збруевой¹ и считался чисто поселенческим. Однако ряд особенностей заставляет думать, что Конецгорское селище было также и жертвенным местом. Прежде всего, это касается так называемого Конецгорского жилища. В 1935-37 гг., когда проводились раскопки, в Пермском Прикамье не было известно ни одного жилища ананьинской культуры, а теперь их изучен не один десяток и среди них нет ни одного похожего на Конецгорское. Все они имеют подпрямоугольную или квадратную форму. Кроме того, дно канавообразного углубления имело ладьевидную форму и необычайно большое для жилища количество очагов – 7, один из которых был связан с металлургическим производством. Во-вторых, о культовом характере памятника говорит набор вещей. На Конецгорском селище найдено необычайно большое количество наконечников стрел – 19 бронзовых и 250 костяных, орнаментированные пряслица, амулеты из фаланг и клыков медведя и других животных, пластинки с изображениями животных и, самое главное, свыше 30 глиняных антропоморфных статуэток, из которых 20 преднамеренно сломаны в древности². Наконец, в культурном слое найдены человеческие кости, что также характерно для культовых мест ананьинской культуры³. Ананьинские святилища сближаются с костяными по ряду признаков:

¹ Збруева А.В. История населения Прикамья ...

² Там же. С. 250-252, табл. XXXIX-XLIX.

³ Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры ...; он же. К вопросу о племенной организации населения среднего Прикамья в эпоху раннего железа // Учен. зап. Перм.ун-та. Пермь, 1968. №191.

Во-первых, это расположение на довольно высоких местах: Половинное I – 20 м, Гремяча – 16 м, Конецгор – не менее 30 м над уровнем реки. С их площадок хорошо просматриваются поймы больших рек: с Гремячи – Тулвы, с Половинного I – Камы, с Конецгора – Камы и Чусовой. Так же как и костыща, все они приурочены к выходам грунтовых вод. На Конецгоре ручей разделял площадку памятника на 2 части¹, на Гремяче многочисленные родники бьют прямо под площадкой городища (характерно, что деревня под Гремячанским поселением-святилищем называется Ключики). Площадка Половинного I поселения с востока была ограничена ручьем Половинным, а немного западнее находится довольно мощный родник. Интересно, что местные жители считают его воду самой лучшей в окрестностях. Наконец, Гремячанское и Половинное святилища расположены поблизости от выходов медистых песчаников, также как и оба ранних костыща.

Особо следует остановиться на находках человеческих костей на Юго-Камском и Усть-Туйском костыщах. По этому признаку они также сближаются с ананьинскими святилищами и вообще с обычаями ананьинской эпохи. Например, в одном из погребений Котловского могильника найден амулет из черепной кости человека, а на Юшковском городище – шило из человеческой кости². А. П. Смирнов, считал, что человеческие кости, найденные на Луговской I стоянке и в кургане № 3 Маклашеевского могильника могут быть результатами человеческих жертвоприношений³. Останки пяти людей, собранные в груду и частично обожженные, найдены в культовой постройке Аргыжского городища ананьинской культуры⁴. Очень выразительные комплексы исследованы на позднеананьинских памятниках Среднего Прикамья. Одним из таких памятников является Половинное I поселение, которое находится в 1 км к западу от Гляденовского городища, также на левом берегу Н. Мулянки. В 1971 году при раскопках А. Д. Вечтомова здесь был исследован зольник размерами 37 x 10 и мощностью до 22 см. С этим зольником связаны находки двух человеческих костяков без могильных ям. Костяк № 1 лежал в относительном анатомическом порядке, но череп без нижней челюсти находился глубже, справа от костяка. Кроме того, отсутствовали левая стопа и правая кисть. Одним словом, этот человек был четвертован. Часть костей была обожжена, рядом с костяком вскрыто большое скопление костей животных. Второй костяк

¹ Збруева А.В. История населения Прикамья ...С.217.

² Там же. С.130, 274.

³ Смирнов А.П. , 1970, С. 115-116

⁴ Черных Е.М. Культовый комплекс Аргыжского городища на реке Вятке // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996. С. 92.

находился рядом с первым, но несколько глубже. Кости скелета без какого-либо порядка были собраны в кучу и перемешаны с костями животных. Нижняя челюсть была отделена от черепа и лежала ниже остальных костей, часть костей отсутствовала. Оба костяка принадлежали взрослым людям. Автор раскопок датировал зольник и найденные в нем костяки V- III вв. до н.э., то есть синхронно с ранними жертвенными комплексами Гляденовского костыща или немного раньше. Еще более выразительны жертвенные комплексы Гремячанского святилища, изученного раскопками А.Д. Вечтомова в 1956-1963 гг. и А.Ф. Мельничука в 1988 г. В отличие от Половинного I поселения, здесь все костяки принадлежали детям в возрасте от грудного до 8-10 лет. Лишь два из них сохранили некоторый анатомический порядок, кости остальных сильно смещены и перемешаны. В ряде случаев у костяков были разбиты и раздавлены черепа, у одного из детей раздавленный и сильно обожженный череп был помещен в кострище¹. Черепа разбиты у всех пяти детских костяков, найденных в 1988 году². Следы обжига отмечены как минимум на трех костяках, некоторые из них сопровождались предметами культового характера – миниатюрной глиняной чашкой, сверленной бабкой, бляшками. Датируются эти детские костяки IV-III вв. до н.э., то есть опять-таки синхронно ранним этапам существования Гляденовского и Юго-Камского костыщ. Кроме того, в слое памятника находили разрозненные кости человека.

Останки людей, найденные на вышеперечисленных памятниках, являются следами человеческих жертвоприношений, во всяком случае, это относится к Гремячанскому святилищу³. Другое объяснение состоит в том, что человеческие кости оказались в культурных слоях в результате военных действий⁴, но оно не выглядит убедительным. Маловероятно, чтобы жертвами боев стали исключительно дети, как на Гремячанском поселении-святилище. Никакая военная необходимость не могла заставить ананьинцев рубить трупы на мелкие куски, четвертовать, отделять от черепов нижние челюсти, обжигать убитых на кострах и т.д. Все эти действия носят явно ритуальный характер. Наконец, основным боевым оружием населения Урала эпохи раннего железа были лук и стрелы. Наконечники были найдены в останках 12 из 42 погибших обитателей

¹ Вечтомов А.Д. Отчет о раскопках Гремячанского поселения на р.Тулве в 1959 г. // Архив кабинета археологии Пермского университета. С. 26.

² Мельничук А.Ф. Отчет о полевых исследованиях в 1988 г. // Архив кабинета археологии Пермского университета. С.12-13

³ Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры ... С. 146.

⁴ Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры. С. 205.

Тойгузинского II городища, взятого штурмом в I в.¹. На среднекамских и вятских памятниках, перечисленных выше, ни один из убитых не был застрелен из лука.

На всех памятниках основную массу находок составляют наконечники стрел. В материале ранних кострищ, хотя и нечасто, встречаются предметы, характерные для ананьинских святилищ: амулеты и подвески из костей и зубов небольших хищников и медведя, костяной кочедык (?) с головой животного, глиняные фигурки, бронзовые наконечники стрел. В свою очередь, некоторые категории находок, многочисленные на ранних кострищах, редки на ананьинских святилищах: металлических фигурок — по одной на Гремяче (человек) и Половинном I (грифон), миниатюрные сосуды составляют около 2 % на Гремяче и единичны на Концегоре² и Половинном I поселении. Бус найдено всего 7 экз. на Концегорском селище. В остальных категориях вещей также есть совпадения: ножи, бляшки, некоторые орудия труда.

Наибольшее сходство прослеживается в характере жертвенных сооружений и деталей, а следовательно и в религиозных обрядах, которые проводились на данных памятниках. Это сходство показано на таблице:

	Гремяча	Половинное I пос.	Концегор	Гляденово	Юго-Камск
Рвы	+	+	+	?	
Ямы с костями	+	+	+	+	+
Канавообразные сооружения	+			+	+
Галечниковые площадки	+	+	+	+	+
Очаги	+		+	+	
Скопления черепов	+			+	
Зольники	+		+	+	+
Ямы с вещами			+	+	

Примечание: на Концегорском селище отмечен единичный череп медведя к югу от очага № 14; в южной части Гляденовского кострища предполагается ров (“впадина” по Н. Н. Новокрещенных - с. 24).

Таким образом, по ряду признаков святилища VI — III вв. до н. э. сближаются с ранними кострищами гляденовской культуры, наибольшее сходство прослеживается между Гремячанским святилищем и Гляденов-

¹ Збруева А.В. История населения Прикамья ... С. 220.

² Там же. С. 227.

ким костышем. Однако нельзя сказать, что костыща напрямую происходят от этих святилищ. Во-первых, в течение какого-то времени они сосуществовали, а во-вторых, все святилища ананьинского времени в той или иной мере были и центрами металлургического производства. Один из очагов в “жилище” Конецгорского селища А.В. Збруева прямо определяет как металлургический¹. То же относится и к очагу из кусков сильно обожженного песчаника и крупной гальки, исследованному в северо-восточной части Гремячанского святилища А. Д. Вечтомовым. В районе этого очага были найдены многочисленные шлаки, капли меди, тигли, льячки, обломки литейных форм и некоторые металлические изделия. Автор раскопок связывал с этим сооружением ряд жертвенных комплексов, в том числе и костяк принесенного в жертву ребенка². На Половинном I поселении подобных сооружений не обнаружено, но и здесь в зольнике найдены шлаки и сплески меди, а также ошлакованная керамика. На костыщах ничего подобного не обнаружено, за исключением, одного тигля, одной литейной формы, не бывшей в употреблении, и т.н. литников на Гляденово. Исходя из информации, имеющейся на сегодняшний день, схему развития жертвенных мест раннего железного века Пермского Прикамья можно представить следующим образом: не позднее VI в. до н. э. на р. Тулве возникает Гремячанское святилище, имевшее универсальный характер и исключительно сложную систему обрядов. Затем около IV в. до н. э. происходит разделение святилищ на два типа – культовые места со рвами и костыща. На первых наблюдается связь культа с производством, прежде всего металлургическим и, вероятно, скотоводством, на вторых – почитание ряда божеств, небесных и хтонических, сопровождавшееся массовыми кровавыми жертвоприношениями. В гляденовское время это разделение усиливается. Возникает ряд новых жертвенных мест со рвами (канавами) на Горюхалихинском, Юго-Камском II городищах. Некоторое время продолжают действовать старые культовые центры – Гремячанское до начала н.э., Половинное – до III в. н. э.³. Таким образом, от Гремячанского святилища происходят жертвенные места двух типов, сосуществовавшие друг с другом. при этом оба ранних костыща располагались рядом с жертвенными местами со рвом: Гляденовское – с Половинным I, Юго-Камское костыще – с Юго-Камским II городищем⁴.

¹ Збруева А.В. История населения Прикамья ... С. 220.

² Вечтомов А. Д. К вопросу о племенной организации населения ... С.79.

³ Мельничук А. Ф. Исследование памятников железного века в Среднем Прикамье // Археологические открытия 1983 года. М, 1984. С.164.

⁴ Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье. С. 138-139.

Особо следует остановиться на вопросе о причинах возникновения святилищ обоих типов. Большинство обрядов и обычаев, прослеженных на этих памятниках известно задолго до их возникновения. Например, принесение в жертву стрел практиковалось едва ли не с самого времени изобретения этого оружия. Самый яркий пример – раскопки святилища в Камне Дыроватом на р. Чусовой, где представлены наконечники стрел, начиная с эпохи мезолита¹. Тот же обычай прослежен и на святилище у Писаного Камня на р. Вишере², на городище Лобач³ и т. д. Ритуальная поломка вещей известна в позднем палеолите – преднамеренно расколотые костяные орудия найдены в позднепалеолитическом слое Глухого грота на р. Чусовой⁴. Столбы в сочетании с кострами и очагами использовались в обрядах населения ташковской культуры⁵.

Принесение в жертву домашних животных, а именно лошадей впервые зафиксировано в Среднем Прикамье в эпоху финальной бронзы – раннего ананьина. В жилище № 2 Заюрчимского VI поселения была исследована выкладка из пяти конских черепов, уложенных полукругом⁶. На Заюрчимском I поселении С.Н. Коренюком изучена постройка размерами 5,5 x 4 м, в которой находился очаг диаметром 1 м мощностью до 15 см. Вокруг очага найдено несколько лошадиных черепов и скелетов медвежьих лап. Кроме того, обнаружены костяные амулеты, бронзовые долото, шило и бляшка, фигурки волка и птицы⁷. Кроме того, сложные и многообразные обряды проводились на раннеананьинских могильниках. Однако в это время неизвестны большие святилища с массовыми жертвоприношениями животных. Они возникают только в V в. до н.э.

Попытаемся выяснить причины этого явления. А.В. Шмидт связывал возникновение костяных жертвоприношений прежде всего с развитием производящих форм хозяйства⁸. В целом это, конечно, верно. В охотничье-рыболовецких обще-

¹ Сериков Ю.Б., 1996, С.77; Голдина Р.Д. К вопросу о духовной культуре прикамского населения эпохи мезолита // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Глазов, 1997. Ч.2. С. 30.

² Бадер О.Н., 1954, С. 251-251

³ Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края. С. 36.

⁴ Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар, 1996. С.59-60.

⁵ Ковалева В.Т. Космогония и жертвоприношения (по материалам поселений ташковской культуры) // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф.Генинга. Екатеринбург, 1999. Ч.1. С. 66-67.

⁶ Денисов В.П. Заюрчимское VI поселение – памятник раннего железного века в Среднем Прикамье // Учен. зап. Перм. ун-та. Пермь, 1968. № 191.

⁷ Коренюк С.Н., Оборин В.А. Работы Камской экспедиции // Археологические открытия 1986 г. М., 1988. С. 174.

⁸ Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края. С. 31.

ствах массовые жертвоприношения невозможны. В гляденовское время скотоводство было очень развито и было ведущей формой хозяйства. По подсчетам Е. Г. Андреевой и А. Г. Петренко количество костей домашних животных на поселениях гляденовской культуры составляет 78,5 %. Даже на более поздних памятниках ломоватовской и родановской культур это количество меньше¹. Однако само по себе скотоводство не может привести к возникновению святилищ, подобных Гремячанскому или Гляденовскому. В Прикамье оно было известно, по крайней мере, за тысячу лет до этого, но святилища с массовыми жертвоприношениями неизвестны ни в бронзовом веке, ни в раннем ананьине. В родственных и синхронных кара-абызской и чегандинской культурах такие святилища также неизвестны. Видимо, дело здесь не столько в чисто экономических, сколько в социальных причинах. В VIII-VI вв. в Пермском Прикамье, как и в более южных районах Ананьинской культурно-исторической области, существовал ярко выраженный институт военных вождей и воинской элиты. Об этом свидетельствуют многочисленные воинские погребения и ряд других фактов. В позднеананьинскую и гляденовскую эпоху они исчезают. Причины этого неизвестны, возможно, исчезла военная опасность, и наступил относительно мирный период. В то же время в чегандинских, кара-абызских, гафурийско-убаларских могильниках воинские захоронения довольно часты². С другой стороны, хотя всех покойных гляденовцы хоронили примерно одинаково, то есть без инвентаря, нельзя говорить о полной эгалитарности позднеананьинского и гляденовского общества. Основание таких сложных святилищ как Гляденовское, Гремячанское и Юго-Камское требовало какого-то руководства. Скорее всего, в эту эпоху на смену военной элите приходит теократическая. Ее представителей можно назвать старейшинами, жрецами, шаманами и т.д., но суть дела от этого не изменится. Именно эти социальные процессы и вызвали появление костяных и других жертвенных мест.

Костяные гляденовской культуры имеют определенное сходство с культовыми памятниками европейского северо-востока, которые были оставлены населением, родственником гляденовцам. На поселениях Джуджыдыг и Синегорье II изучены каменные вымостки, аналогичные типу 2, вымосток Юго-Камского костяка. Но, в отличие от Юго-Камска, на их поверхности зафиксирован углисто-золевый слой. По ряду деталей (очаг, подсыпки из камней, ямки) и составу находок (керамика, нож, скребки,

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С. 148. Табл. 23.

² Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железного века. М., 1984.

бронзовая бусина, кости животных) Гляденовское и Юго-Камское костыща близки к культовому комплексу на поселении Пожегдин II, изученному И. О. Васкулом и датированному первой половиной I тыс. н. э.¹

По топографии и набору вещей костыща гляденовской культуры сближаются с культовыми местами Среднего Зауралья. Так среди находок с жертвенного места на Голом Камне упоминаются наконечники стрел, ножи, пряслица и миниатюрные сосуды диаметром 5-6 см², а также бусы. Интересно, что кроме иткульской на этом святилище найдена и ананьинская керамика³. Но в остеологическом материале Голого Камня преобладают кости диких животных⁴. На других памятниках находили предметы культового литья - гора Азов⁵, гора Лубная⁶. К сожалению, большинство зауральских культовых памятников попали в поле зрения археологов сильно разрушенными, поэтому почти ничего нельзя сказать об их структуре и деталях. В отличие от костыщ, они, явно, связаны с металлургией.

Такая черта позднеананьинских и гляденовских святилищ, как наличие в слое человеческих костей, также находит аналогии на культовых памятниках сопредельных территорий. Обычай человеческих жертвоприношений известен и в других культурах раннего железного века, считающихся финно-угорскими по своей этнической принадлежности. Так, на Алексеевском городище городецкой культуры был исследован жертвенник в форме круга из камня, центр которого был заполнен плоскими камнями, имеющими следы сильного прокала. В очаге и около него найдены кости животных и человека⁷. На Буйском городище найдены костяки обезглавленных людей, в том числе ребенка. Автор раскопок датирует их азелинским временем⁸. В Зауралье находки человеческих костей известны

¹ Васкул И.О. Культовые памятники конца I тыс. до н.э - первой половины I тыс. н.э. на территории европейского северо-востока // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996. С.16-17.

² Кипарисова Н.П. Жертвенное место на Голом Камне // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948. С.50.

³ Мищенко О.П. География, топография и хронология святилищ на вершинах гор в Среднем Зауралье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001. Вып.1. С.74.

⁴ Там же.

⁵ Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963. С. 94; Викторова В.Д., Непомнящих В.В., Непомнящих О.З. Находки на горе Азов // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф.Генинга. Екатеринбург, 1999. Ч.1. С.99-100.

⁶ Мищенко О.П. Указ. соч. С.76.

⁷ Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура. М., 1965. С.130-131.

⁸ Ашихмина Л.И. Исследования на реках Вятке и Печоре // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С.133.

на святилище Голый Камень¹, а также на святилищах сузгунской культуры эпохи поздней бронзы². На памятниках, сменивших гляденовскую ломоватовскую культуры, человеческие жертвы не зафиксированы. Но человеческие кости найдены в средневековом слое Уньинской пещеры³.

Т. М. Потемкина, О. Н. Корочкова и В. И. Стефанов выделяют следующие характерные признаки культовых памятников сузгунской культуры⁴:

1. Расположение на берегах крупных рек.

2. Отчетливая приуроченность к возвышенным участкам рельефа (высокие мысы, холмы, останцы). Естественная укрепленность таких мест могла усиливаться возведением оборонительных сооружений (рвы, стены).

3. Высокая насыщенность слоя керамикой, концентрация керамического материала на ограниченных площадях (скопления). Многочисленность целых сосудов, в том числе стоящих в положении вверх дном. Помещение маленьких сосудов в более крупные емкости.

4. Большое количество миниатюрных сосудов.

5. Многочисленные следы частого и длительного использования огня – очаги, прокалы, зольники, кальцинированные кости.

6. Преобладание в составе остеологического материала костей лошади (среди них замечено много черепов и костей конечностей), довольно большое количество костей собаки.

7. Малочисленность орудий и предметов быта.

8. Непременным атрибутом культовых памятников являются предметы, связанные с бронзолитейным производством (тигли, льячки, литейные формы). Металлические изделия исключительно редки.

9. Находки вотивных предметов (глиняные модельки оружия, орудий труда), мелкой зооморфной и антропоморфной пластики, предметов культа.

10. Наличие человеческих останков в культурном слое.

11. Наличие каких-либо построек на территории культовых памятников не является обязательным признаком, но в тех случаях, когда они

¹ Кипарисова Н.П. Жертвенное место на Голем Камне // Первое уральское археологическое совещание. Молотов, 1948. С.47-50.

² Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О культовых памятниках Тоболо-Иртышья конца эпохи бронзы // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996. С. 34.

³ Канивец В.М., Канинская пещера. М., 1964. С. 130-131; Мурыгин А.М. Средневековые святилища Печорского Приуралья // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996. С. 62.

⁴ Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О культовых памятниках Тоболо-Иртышья конца эпохи бронзы. С.71-72.

сооружались, в их конструкции и интерьере можно обнаружить некоторые “странности”.

12. Многие из известных сузгунских культовых памятников функционировали на протяжении длительного отрезка времени.

Нетрудно заметить, что от сузгунских святилищ костыща отличаются отсутствием костей собаки (исключая Усть-Туйское) и следов металлургии. Остальные признаки в той или иной мере присущи костыщам, хотя не везде они встречены в совокупности, как и на указанных сибирских святилищах. Сходство объясняется тем, что “отдельные элементы культовой практики носят универсальный характер”¹.

Таким образом, детали, вещевой набор и другие признаки костыщ не являются уникальными. Они встречаются на святилищах и жертвенных местах различных культур железного века. Уникальным является сочетание этих признаков, особенно на Гляденовском костыще, а также масштабы жертвоприношений на этих памятниках гляденовской культуры.

3.3. Костыща – феномен гляденовской культуры III в. до н.э. – IV в.н.э.

Как уже говорилось, первые святилища-костыща возникают в позднеананьинское время и сосуществуют с ананьинскими городищами. Однако наиболее интенсивные жертвоприношения и другие обряды проводились на них в гляденовскую эпоху. К ней относится подавляющая часть вещевого материала Гляденовского и Юго-Камского костыщ. Все костыща, подвергавшиеся раскопкам, находятся в ареале гляденовской культуры, очерченной Ю. А. Поляковым. Единственное исключение составляет Останинское (Перемское, Косьвинское) костыще, расположенное на р. Косьве, левом притоке р. Камы, в пределах современного Добрянского района Пермской области. Расстояние от него до ближайшего гляденовского памятника (Бор-Ленвенское III селище) – не менее 45 км. Однако надо сказать, что р. Косьва довольно слабо исследована в археологическом отношении. Если не считать сборов А. Е. и Ф. А. Теплоуховых на Лаврятском и Мочелятском городищах, издавна известных местным крестьянам, по Косьве и ее притокам проводилась единственная разведка В. А. Оборина в 1951 году, открывшая Баяновские могильник и селище². Возможно, сплошная разведка по Косьве, особенно ниже с. Перемского, приведет к открытию памятников гляденовского времени.

¹ Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О культовых памятниках Тоболо-Иртышья конца эпохи бронзы. С. 73.

² Оборин В.А. Отчет о раскопках КАЭ в 1953 году. Архив КА ПГУ.

Относительно культурной принадлежности костищ в археологической литературе существуют различные точки зрения. Первые исследователи связывали костища с легендарной чуждой. А. М. Тальгрэн синхронизировал Гляденовское костище с ананьинскими древностями¹, а А. А. Спицын — с ананьинской и пьяноборской культурами². Насколько известно, первым связал большинство костищ именно с гляденовской культурой А. В. Шмидт: «Особенно детально известны в настоящее время костища, относящиеся к эпохе около начала нашей эры. В истории Пермского края эта эпоха выражена отрезком процесса развития общественной жизни, который в археологической литературе обычно называется гляденовской культурой»³. А. П. Смирнов был противником выделения особой гляденовской культуры и, соответственно, относил Гляденовское и другие костища к пьяноборской культуре, которую распространял практически на все Прикамье и датировал III в. до н. э.-V в. н. э.⁴.

В настоящее время общепризнано существование ряда культур, объединяемых в пьяноборскую культурно-историческую общность⁵. Насколько известно, никто не сомневается в том, что основная часть материала Гляденовского и Юго-Камского костищ относится к гляденовской культуре, разногласия есть лишь по поводу даты их возникновения. Что касается культурной принадлежности так называемых малых костищ, здесь у исследователей имеются существенные разногласия. В. Ф. Генинг подчеркивал отличие материала исследованного им Усть-Туйского костища от Гляденовского и относил данный памятник к харинскому времени⁶. Затем Р. Д. Голдина отнесла к ломоватовской культуре уже все костища Верхнего Прикамья⁷. Однако вряд ли это так. Костища и ломоватовские памятники имеют значительные различия в характере материала. Наиболее массовую категорию в материале костищ составляют костяные наконечники стрел. Минимальное их количество, включая обломки, найдено на Останинском костище (52 экз.), максимальное — на Ильинском (238 экз.), включая мелкие обломки. В ломоватовских могильниках костяные наконечники очень редки — всего их учтено 12⁸. Правда, костяные наконечники довольно многочисленны на поселениях ломоватовской

¹ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории ... С. 83.

² Спицын А.А. Гляденовское костище. С. 41-42.

³ Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края. С. 18.

⁴ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории ... С. 72.

⁵ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья ...

⁶ Генинг В.Ф. Памятники харинского времени ... С. 123.

⁷ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С. 105-112.

⁸ Там же. С. 57.

культуры, но большинство их имеет четко выраженный, часто уплощенный черешок¹. У наконечников с костищ, как правило, черешок выражен очень слабо или вообще не выражен, так что иной раз трудно с первого взгляда отличить черешок от острия. Другая категория вещей, типичная для костищ – бусы, среди которых преобладают бусы с внутренней прокладкой из золотой фольги. Минимальное их количество найдено на Панкрашинском костище – 5 экз., наибольшее – на Гаревском, свыше 170². В могильниках ломоватовской культуры таких бус всего две³. Миниатюрные жертвенные чашечки также нехарактерны для ломоватовской культуры⁴. Как уже говорилось, на ряде костищ имеются вещи VII в., но они единичны. Наконец, два костища, Слепушкинское и Ломотинское находятся за пределами территории ломоватовской культуры. Расстояние от Слепушкинского костища до ближайшего ломоватовского селища Грязное Озеро по прямой – около 30 км, а от Ломотинского – в два раза дальше.

Что касается различий в материале Гляденовского и Верхнекамских костищ в материале, указанных В. Ф. Генингом, то они не столь существенны. Так, например фигурка птицы с Усть-Туйя напоминает некоторые гляденовские, а техника изготовления Усть-Туйского антропоморфного идола – литье – не так уж редка на Гляденовском костище. Впрочем, впоследствии В. Ф. Генинг выделил гаревскую культуру III-V вв., к которой отнес все костища, кроме Гляденовского и Юго-Камского. Против этого обоснованно возражал Ю. А. Поляков⁵. И в самом деле, В. Ф. Генинг не дал развернутой характеристики этой культуры. Более того, в одном месте он говорит об исторической значимости “социально-экономических и этнических изменений”, из-за которых и надо выделить гаревскую культуру⁶, в другом месте той же монографии написано следующее: “Гляденовская АК относительно спокойно перерастает в гаревскую АК, занимающую лишь более широкую территорию Верхнего Прикамья”⁷. Каким же образом значимые изменения, тем более этнические, могут происходить относительно спокойно, в результате обычного освоения пустующих территорий? Одним словом, для выделения гаревской культуры нет достаточных оснований. Ю. А. Поляков однозначно относил по меньшей мере 13 костищ к гляденовской культуре, верхняя граница которой, по его мнению, доходит до

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Табл. XLIII, XLIV.

² Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... С.17.

³ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С.106.

⁴ Там же. С.16.

⁵ Поляков Ю.А. Гляденовская культура. С.18.

⁶ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья ... С.133-134.

⁷ Там же. С. 220.

первой половины VI в.¹ Верхняя дата, в данном случае слишком завышена, но, по меньшей мере, относительно восьми костищ из перечисленных, мнение этого ученого представляется справедливым.

Довольно часто термин “костище” употребляется к памятникам археологии, довольно далеким от гляденовской культуры как географически, так и хронологически. Например, “палеоиндейские бизоньи костища северо-американских прерий являются результатом осенних коллективных охот” или “рядом с финальнопалеолитической стоянкой Мэррей Спрингс обнаружено два синхронных ей костища, на одном найдены кости двух мамонтов, на другой – десяти бизонов”². Употребление термина “костище”, на наш взгляд, в данном случае неоправданно.

Костищами В. Д. Викторова называет средневековые святилища восточного склона Урала – Тынское, Туманское и Юдинское³. По ряду признаков и по набору вещей Туманский культовый комплекс действительно сближается с гляденовскими костищами. Это большое количество наконечников стрел, антропоморфные и зооморфные фигурки, украшения. Но, с другой стороны, на этом памятнике нет таких важнейших признаков костищ, как сплошной слой сырых костей и жертвенная посуда, votивные миниатюрные предметы, мало бус⁴. В данном случае также вряд ли можно применять термин “костище”, в том смысле, в каком он применяется к прикамским памятникам.

То же можно сказать о Подбобыкском (Камень Светик) святилище. Судя по материалам, хранящимся в Пермском музее, это святилище скорее всего было специфическим жертвенным местом таежных охотников и рыболовов, предметы культового литья по ряду признаков ближе к зауральским образцам, керамика напоминает ванвиздинскую.

3.4. Назначение костищ

Как известно, наиболее последовательным сторонником интерпретации костищ как могильников с обрядом трупосожжения был В.Ф. Генинг. В целом его аргументация сводится к следующим пунктам:

¹ Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры...; он же. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье; он же. Керамика гляденовской культуры // Finno-Ugrica. Казань, 1999. № 1(3); он же. Гляденовская культура.

² Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989. С.121-122.

³ Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья. Автореф. канд. дисс... Свердловск, 1969. С.14-15.

⁴ Викторова В.Д., Непомнящих В.В., Непомнящих О.З. Находки на горе Азов. С. 149-150.

1. Костища расположены в местах, не имеющих ничего достопримечательного в рельефе, то есть, как обычно располагались жертвенные места.

2. На костищах нет очагов и кострищ, то есть сожжение производилось на стороне.

3. Расположение вещей в определенном порядке и соответствие их погребальному инвентарю.

4. Отсутствие в культурном слое пережженных костей животных.

5. Находка на Усть-Туйском костище пережженных костей человека.

6. Наличие обряда трупосожжения в предшествующей ананьинской и последующей харинской культурах, а так же в ряде сопредельных культур раннего железного века.

7. Наличие этого обряда в таштыкской культуре.

8. Отсутствие на костищах следов идолов.

9. Аналогии между антропоморфными и зооморфными фигурками костищ и так называемыми мохарами или иттарма (иттерма) обских угров.

Рассмотрим эти аргументы по порядку:

1. Наиболее ранние костища – Гляденовское и Юго-Камское приурочены к очень высоким по масштабам Прикамья горам, высотой соответственно, 106-м и 84-м над уровнем реки. Поздние костища также расположены на возвышенностях: на водоразделах (Гаревское и Панкрашинское), у края террасы (Усть-Туйское), высоком коренном берегу (Слепушкинское, Ильинское), на скале (Ломотинское). Наименьшую высоту имеют Усть-Туйское и Слепушкинское костища – 12-14 м. Но оба они до появления Камского водохранилища соседствовали с низкими поймами Камы и Сылвы. По сравнению с ними и эта высота довольно значительна.

2. Об очагах и кострищах, изученных на Гляденовском и Слепушкинском костищах, уже говорилось. Здесь необходимо привести крайне важное наблюдение Ю. А. Полякова: на Юго-Камском костище в нижних слоях встречены только сырые кости, а чем выше, тем сильнее следы воздействия огня. Следовательно, костры разводились прямо на слое сырых костей и прокали при этом не образовывались. Топливом при этом служили сами кости, как и на Гремячанском святилище, а также при жертвоприношениях скифов¹. Ильинское, Останинское, Панкрашинское и Гаревское костища изучены далеко не полностью и, таким образом, лишь об Усть-Туйском костище можно уверенно сказать, что на нем не было следов огня (хотя и здесь центральная часть была разрушена силосной ямой). Однако, само по себе сожжение на стороне не может являться признаком

¹ Геродот. История. В 9 кн. Л., 1972. С. 201-202.

могильника. Оно применялось, например, при жертвоприношениях у марийцев¹, а на ломоватовских могильниках встречаются кострища².

3. Расположение вещей в определенном порядке зафиксировано на Юго-Камском и Слепушкинском костыщах. Стрелы, ножи и фигурки (последняя категория – только на Юго-Камске) располагались в одном месте, а бусы и жертвенные чашки – в другом. По мнению В. Ф. Генинга, эти скопления фиксируют мужские и женские погребения. Однако это можно объяснить и по-другому: например бусы и жертвенные сосуды жертвовались женщинами, а оружие – мужчинами. Существование отдельных женских культовых мест зафиксировано у современных манси³. Но в более ранние времена женщины и мужчины молились на одном святилище, но приносили жертвы разным идолам: мужчины – мужскому изображению, а женщины – женскому⁴. Вероятно, что на гляденовских костыщах стрелы, ножи и фигурки приносились определенному божеству, например, богу войны, грома и т.д., а украшения и чашки – другому, скорее всего женскому (Богиня-Мать, Хозяйка и т.д.). На Гляденовском костыще в 1897 г. встречались скопления вещей, уложенные по определенной системе, но описано только одно из них. В него входили 8 изображений животных, 2 изображения птиц, одна фигурка змеи, 6 различных бляшек, пуговица, 38 бронзовых бус, 3 ножичка, 4 железных и 3 костяных стрелы, а также обломки железа и бронзы. Все это было уложено вокруг бляхи и каждая вещь была прикрыта черепком посуды⁵. Вряд ли в прикамских могильниках можно найти хоть одно погребение с подобным набором инвентаря. Здесь было, скорее всего, одноразовое приношение, совершенное одним человеком или семьей. Характерно, что на бляхе, находившейся в центре данного скопления, изображено явно сверхъестественное существо – рогатая человеческая фигура на ящере. Вероятно, это изображение играло роль идола и жертва была принесена именно ему.

4. На многих костыщах найдены целые слои обожженных и обугленных костей животных. Достаточно сказать, что в коллекции Пермского областного краеведческого музея хранится 567 костей разной степени обжига, найденных на Ильинском костыще. Определить из них удалось только 94, остальные пережжены до состояния мелких обломков (определение А. И. Варова).

¹ Нижегородские марийцы. С.160.

² Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С. 16. Рис. 3.

³ Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. соч. С. 125.

⁴ Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX – начала XX вв. Л., 1970. С.18.

⁵ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. С. 36.

5. Находки человеческих костей на Усть-Туйском и Юго-Камском костяках можно объяснить человеческими жертвоприношениями. Кроме того, на Юго-Камском костяке человеческие кости сырые, следовательно, не может быть речи о трупосожжениях.

6. В.Ф. Генинг приводит несколько примеров трупосожжений в уралоповолжских могильниках эпохи камня, раннего железного века и средневековья¹. Разберем эти примеры подробнее. В кургане у башни Тамерлан “тела умерших покоились на подмостках и были обложены жердями и хворостом. При большом огне тела свалились на пол и довольно сильно расчленились”. Над ними был насыпан курган высотой 195 см.² Скопление обожженных костей 19 человек, обнаруженное на Луговской I стоянке, находилось в очаге внутри землянки № 1³, что не имеет аналогий на костяках. Сама А. В. Збруева считала эти находки свидетельством человеческих жертвоприношений⁴, также как и А. П. Смирнов⁵. У ранних ананьинцев производилось сожжение надмогильных домов, а не самого тела покойного: “То, что производилось именно сжигание души, а не материальных остатков, свидетельствует отсутствие у ранних ананьинцев археологически зафиксированных случаев непосредственного трупосожжения”⁶. В погребении № 86 могильника Чеганда II прослежены остатки костяка, сожженного в могильной яме размером 185 x 100 см и глубиной 1 м⁷. Наконец, в позднеолитическом Аятском погребении покойный был также сожжен в могильной яме глубиной 10–15 см⁸. Итак, ни в одном из этих случаев не производилось трупосожжение на стороне и последующее ссыпание праха в общую кучу, а ведь именно это является одной из основных особенностей обряда, реконструированного В.Ф. Генингом. Погребения по обряду трупосожжения, располагавшиеся на уровне древней поверхности, изучены на ряде могильников харинского этапа ломоватовской культуры Митинском, Чазевском II и Бурковском. Они “представляют собой линзы золы, углей, кальцинированных костей, иногда вещей диаметром 50–90 см и мощностью 5–10 см. При этом “следы прокала не обнаружены, по-видимому, сожжение производилось на стороне.”⁹.

¹ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья ... С. 165.

² Стоколос В.С. Археологические исследования Челябинского областного музея // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып.2. С.23–24.

³ Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Казанском Поволжье и в Нижнем Прикамье // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1960. № 80. С. 12–13.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Смирнов А.П., 1970, С. 115–16

⁶ Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М., 1977. С.92.

⁷ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьняноборскую эпоху. Ч.2. С.19.

⁸ Берс Е.М. Указ. соч. С.34–35.

⁹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С.18.

Поскольку они хронологически и территориально наиболее близки гляденовским зольным линзам, их необходимо рассмотреть подробнее.

Погребение в кургане № 3 Бурковского могильника описано как скопление пережженных косточек в южной стороне под насыпью кургана¹. То же относится к погребениям из курганов №№ 7, 9 и 11, но первое из них сопровождалось железным ножом, а два других - керамикой². Погребения №№ 3 и 4 кургана № 1 Чазевского II могильника представляют два пятна кальцинированных костей диаметром 50-60 см и мощностью 3-4 см. Они были зафиксированы на уровне древней поверхности к северу от погребения № 2. Погребение № 3 – впускное, как и погребение № 2 по обряду труположения. Прокал под ними не обнаружен, вещей нет³. Погребение № 4 кургана № 5 Митинского могильника - крупная линза углей и кальцинированных костей диаметром 50-60 см, мощностью до 10 см, также без вещей. Располагалось севернее погребения № 1⁴. Строгих доказательств того, что эти углистозолистые линзы являются именно погребениями, не приводится. В то же время, под насыпями харинских курганов встречаются явные остатки жертвоприношений. Например, в кургане № 6 Бурковского могильника на уровне погребенной почвы встречены обломки глиняных сосудов⁵, в кургане № 2 Чазевского II могильника – нижняя челюсть лошади⁶. Может быть и линзы кальцинированных костей, зафиксированные на уровне древней поверхности под курганными насыпями, представляют собой не погребения, а следы жертвоприношений? Железные ножи и керамические сосуды, как известно, были очень распространены на гляденовских костыщах и употреблялись как жертвенные вещи. Погребения первого типа Ликинского могильника также очень похожи на зольные линзы гляденовских костыщ. Это скопления кальцинированных человеческих костей, размером от 3 x 2 м до 30 x 40 см и меньше, при толщине от 3 до 8 см. Всего выделено 10 таких погребений⁷. Но эти погребения не перекрывают друг друга⁸ и сопровождаются погребальным инвентарем⁹. На Гляденовском костыще,

¹ Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Во-просы археологии Урала. Свердловск, 1973. Вып. 12. С.92.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 107.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Там же. С. 106.

⁷ Викторова В.Д. Ликинский могильник X-XIII вв. // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 152.

⁸ Там же. С.140, табл. III.

⁹ Там же. С. 135-137.

по словам Н. Н. Новокрещенных, площадка напоминала выгнутое блюдо, на которое “положена масса блинов разного цвета вровень с краями, причем на середине их будет много, а у краев тонко”¹. Другими словами, зольные линзы перекрывали друг друга, иногда в несколько слоев. То же явление прослежено и на Юго-Камском костыще². Из находок в линзах костыщ встречаются только миниатюрные сосуды и то редко³. Самая поздняя по времени аналогия, приводимая В. Ф. Генингом, – погребения XVII века близ городища Алтен-Тау. Полевая документация на этот памятник не сохранилась, но, судя по тому, что в коллекции хранятся фрагменты кожаного пояса с остатками ткани и ниток⁴, в данном случае вообще не может быть речи о трупосожжении. Таким образом, ни на одном из памятников, перечисленных В. Ф. Генингом, нет полной аналогии обрядам костыщ гляденовской культуры.

7. Погребальный обряд таштыкской культуры вряд ли можно привлекать для объяснения обрядности костыщ. Гляденовцы и таштыкцы принадлежали к совершенно разным культурным традициям, были разделены расстоянием в две с лишним тыс. км и нет никаких свидетельств их контактов. Во всяком случае на гляденовских памятниках не найдено никаких вещей, которые можно было бы связать с таштыкской культурой. Кроме того, как писал сам В. Ф. Генинг, таштыкцы помещали прах сожженных покойников в склепы значительных размеров и глубины⁵. Ничего подобного на костыщах нет. Предположение о том, что среди “пепельных слоев” костыщ были и такие, которые содержали не пепел, а разложившиеся остатки от погребальных масок⁶, вызывает удивление. Сколько же нужно было масок, чтобы образовались слои мощностью 4–8 вершков (17–35 см)? Кроме того, Н. Н. Новокрещенных по профессии был горным инженером и вряд ли мог спутать костный пепел и белую глину.

8. Что касается отсутствия следов идолов на костыщах, приведу следующую реконструкцию Гляденовского костыща: “Близко от вершины находилась священная роща из старинных деревьев, в ней возле обрыва, откуда расстилался широкий вид на окрестную страну, находилось само священное место, здесь стояли деревянные болваны – идолы, вероятно на северо-восточной, наиболее возвышенной части участка. Идолы были

¹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. С. 32.

² Поляков Ю.А. Гляденовская культура. С.11.

³ Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры. С.206.

⁴ Руденко К.А. Поясной набор из могильника Алтэн-Тау в Пермской области // Пермский регион: история, современность, перспективы. Березники, 2001. С. 39.

⁵ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья ... С. 168.

⁶ Там же. С.162.

одеты в одежды, убранные металлическими бляхами, частью в виде животных. С них свешивались ожерелья, преимущественно из золоченых бус”¹. Таким образом, другой выдающийся исследователь проблемы не сомневался в существовании деревянных идолов на костыщах. К сожалению, следует признать, что ни та ни другая точки зрения не могут быть доказаны или опровергнуты. Следы столбов зафиксированы на ранних костыщах, но имелись ли на них какие-либо вырезанные или выжженные личины, установить невозможно. На поздних костыщах столбовых ям действительно не найдено. Однако следует отметить, что идол, то есть изображение бога или духа – это вовсе не обязательно большой деревянный столб, врытый в землю. В этнографии угров, например, зафиксированы изображения потусторонних существ в виде фигур на досках или затесанных стволах деревьев², матерчатых кукол или свертков³, связок стрел, обмотанных тканью⁴ и т. д. У марийцев душа Керемета воплощалась в наряженном чучеле⁵. Во всех этих случаях от священных изображений никаких ям или других видимых следов в земле остаться не должно. Наконец, удмурты при молениях на священных рощах обходятся без каких-либо изображений богов или пользуются православными иконами⁶.

9. Металлические фигурки, найденные в большом количестве на Гляденовском костыще, в меньшем – на Юго-Камском и единично – на Усть-Туйском, Ильинском и Черновском действительно могли рассматриваться гляденовцами как вместилища душ их умерших родственников. Некоторые из них даже внешне похожи на угорские *иттарма*⁷. Однако, у обских угров этнографами наблюдается большое разнообразие в способах хранения *иттарма*. Эти изображения умерших: 1. Хоронят в могиле, на кладбище или в земле; 2. Зарывают в земле, в лесу; 3. Бросают в надмогильное сооружение; 4. Выбрасывают в лесу; 5. Вешают на дерево в лесу или около дома; 6. Сжигают; 7. Хранят в амбарчике; 8. Хранят на чердаке; 9. Хранят в доме; 10. Наследуют⁸. Таким образом, изображения умерших или вместилища душ у обских угров далеко не всегда сопутствуют погребениям. Способы

¹ Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края. С. 24.

² См., например: Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988. С.32. Рис.49-50.

³ Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. соч. С.39. Рис. 36, 43 и др.

⁴ Там же. С.59.

⁵ Нижегородские марийцы. С. 222.

⁶ Владыкин В.Е., 1994, Рис.7-10

⁷ Соколова З.П. О культе предков у манси // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. Рис.5; 4,6-7.

⁸ Соколова З.П. Изображения умерших у хантов и манси // Шаманизм и ранние религиозные представления. М. С.160-161.

№№ 2, 4, 5, 6 и 7, упоминаемые З. П. Соколовой, вполне соответствуют гляденовской обрядности. Кроме того, для гляденовских фигурок возможен ряд других интерпретаций, помимо предложенной В. Ф. Генингом.

Но самое главное, В. Ф. Генинг в своих построениях совершенно не учел существование в Прикамье грунтовых могильников гляденовской культуры. В настоящее время известно 4 таких могильника. Три из них расположены в окрестностях д. Заосиново Пермского района (Заосиновские I, IV и V могильники). Всего на них изучено 85 погребений¹. Еще один могильник – “Городок” близ д. Заюрчим – включал 16 погребений².

Подробное описание этих могильников не входит в задачу данной работы, но необходимо указать на некоторые черты погребального обряда. Все погребенные лежали на спине с вытянутыми вдоль тела руками, в двух случаях кисть руки находилась на тазе, в одном – на груди. Могилы прямоугольные с закругленными краями, как правило, очень узкие и мелкие. В некоторых случаях очертания не фиксируются из-за разрушения пахотой. Известно только одно парное погребение. Большинство погребенных ориентировано головой на северо-запад. Между могилами встречены жертвенные ямы, иногда в них содержатся кости человека вперемежку с костями животных, сосуды, лошадиные черепа. Большинство могил безинвентарные, но найденные в погребениях 4 ножа (Заосиново) и основа бронзовой височной подвески в виде знака вопроса (Городок) позволяют говорить о гляденовском возрасте Заосиновских могильников³. Кроме того, ряд погребений нарушают позднеананьинский слой, что позволяет говорить о том, что их нижняя дата – не позднее III в. до н.э.⁴ Представляется крайне маловероятным, чтобы у одного и того же населения существовали одновременно столь разные погребальные обряды, как на этих могильниках и том, что реконструирован В. Ф. Генингом по материалам гляденовского костыща.

Таким образом, по нашему мнению, костыща гляденовской культуры являлись святилищами с крайне сложной и многообразной обрядностью. Среди обрядов проводились и обряды, связанные с почитанием умерших. Но захоронения на костыщах все же не производились, и считать их могильниками нет никаких оснований.

¹ Мокрушин В.П. Некоторые итоги изучения комплекса археологических памятников дер. Заосиновка (в аспекте преемственности культур) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990. С.94.

² Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь, 1996. Т.1. С.153.

³ Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье. С. 47.

⁴ Мокрушин В.П. Некоторые итоги изучения комплекса археологических памятников д. Заосиновка // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990. С. 95.

3.5. Обрядность костниц и этнографические параллели

Основным обрядом, проводившимся на костницах гляденовской культуры, было, конечно, принесение в жертву домашнего скота и других животных. Как уже говорилось, кости домашних животных везде составляют абсолютное большинство. Единственное исключение составляет Пьянковское (Лужковское) костнице, в материалах которого встречены исключительно кости лося и северного оленя. Материал, хранящийся в ПОКМ, согласуется со сведениями В. Н. Шишонко¹. Возможно, этот памятник представлял собой жертвенное место, связанное с охотничьими культурами, подобное святилищу Чумойтло в южной Удмуртии или Подбоыкскому жертвенному месту в северном Прикамье.

Жертвоприношение скота, конечно, не является чем-то исключительным. Практически все народы Евразии, занимавшиеся скотоводством, приносили в жертву домашних животных, которых разводили. Но гляденовские жертвоприношения отличались особо массовым характером. В результате этого массового забоя и принесения в жертву различных животных и образовались оригинальные жертвенные места, названные костницами.

Принесение кровавых жертв имело многообразное религиозное значение. Это было, прежде всего, знаком преклонения перед высшими существами, средством вызвать их расположение. В то же время жертвоприношения и сопровождавшие их обряды были формой общения членов коллектива между собой и с богами. Сами животные, приносимые в жертву в какой-то мере сакрализировались. Об этом свидетельствует изготовление амулетов из костей и зубов. Правда, это относится в большей степени к диким животным, но известны изделия из костей лошади (Гляденово, Слепушка).

Набор костей в закрытых жертвенных комплексах показывает, что при жертвоприношениях не отдавалось явного предпочтения какому-либо конкретному виду. Например, из 13 ям, содержащих кости, изученных на Гляденовском костнице в 1996-97 гг., в четырех определены кости всех четырех видов домашнего скота, в трех ямах – кости трех видов, в двух ямах – по два вида и еще в четырех ямах – по одному виду (в трех случаях – лошади, в одном – свиньи). Все четыре вида представлены и в большом скоплении черепов Слепушкинского костница. Из обожженных костей Ильинского костница (раскопки 1890 г.) на первом месте идут кости лошади, затем крупного рогатого скота, свиньи и мелкого рогатого скота. Среди сырых костей на первом месте идут кости свиньи, на втором – мелкого рогатого скота, затем лошади и крупного рогатого скота. Таким образом,

¹ Шишонко В.Н. Пермская летопись. IV период. Пермь, 1884. С. 627.

невозможно установить, какой вид домашних животных гляденовцы считали наиболее угодным богам, священным или чистым. Очевидно, в жертву приносились все животные, имевшиеся в стаде конкретных общин, а их наличие и количество зависело от природных условий данной местности и традиций скотоводства данного коллектива. Единственное домашнее животное, которое практически никогда не приносилось в жертву, — собака. В достаточно представительных выборках костей с Гляденовского, Юго-Камского, Слепушкинского и Ильинского костяков собачьих костей нет совсем, их отсутствие на Гаревском костяке, специально подчеркивал А. Е. Теплоухов¹. Лишь в материалах Усть-Туйского костяка встречено 17 костей собаки (0,04 % от общего количества). Вероятно, это связано с особым отношением к этому животному, что отражено в фольклоре финно-угорских и ряда других народов. Например, “ритуальное жертвоприношение собаки в обрядности манси соседствует с человеческим и уподобляется ему”². Восточные ханты считали, что “собаку в землю закопать — все равно, что себя закопать”³. В связи с этим интересно, что именно на Усть-Туйском костяке найдено 106 человеческих костей.

Забой животных, приносимых в жертву, осуществлялся, вероятно, непосредственно на площадках святилищ. Способы забоя были разными. На Юго-Камском костяке найден череп барсука, пробитый стрелой. Стрелой в голову была убита и одна из жертвенных лошадей на Заосиновском IV могильнике гляденовской культуры. Бронзовый наконечник стрелы, датируемый IV-II вв. до н.э., при этом остался внутри черепной коробки⁴. Вероятно, стрельба велась с близкого расстояния и вызвала быструю смерть. На Гляденовском костяке отмечены черепа со следами ударов топора⁵. Однако это является скорее исключением. Чаще всего животные умерщвлялись каким-либо другим способом, не оставляющим повреждений на костях. Такие способы ритуальных убийств до сих пор практикуются у многих народов. Например, ненцы убивали жертвенных оленей удушением, растягивая в разные стороны аркан, надетый на шею⁶. У хантов оленей и лошадей били обухом топора по голове и закалывали в сердце⁷. У современных коми-пермяков скот во время “быкобоя”

¹ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах... С. 4

² Головнев А.В. Указ. соч. С. 268.

³ Мошинская В.И., Лукина Н.В. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С.58.

⁴ Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье. С. 49.

⁵ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костяке. С.37.

⁶ Головнев А.В. Указ. соч. С. 200.

⁷ Там же. С. 359; Соловьев А.И. О жертвоприношениях людей у угорского населения Сибири // Мировоззрение финно-угорских народов, Новосибирск, 1990. С.99.

убивают как обычно — ударом ножа в сердце, под левую переднюю ногу. Перед забоем на костяках животные могли привязываться к специально установленным столбам или шестам, которые символизировали мировое древо (столп) и в то же время играли роль ритуальной жертвенной коновязи. По стволу этого символического древа душа убитого животного отправлялась туда, куда ее хотели отправить жертвователи — в Верхний или Нижний миры. Ямы от таких столбов или шестов изучены на Гляденовском и Юго-Камском костяках, причем они примыкали к жертвенным сооружениям.

Туши жертвенных животных разделялись ножами и топорами. Следы ударов острыми орудиями прослежены на некоторых костях Слепушкинского костяка. При этом следует отметить, что гляденовцы не придавали значения сохранению целостности костей жертвенных животных. Напротив, большинство крупных трубчатых костей и ребер раздроблены и разрублены. На Ильинском костяке раздроблению подвергались даже зубы. Часть мяса видимо уносилась со святилищ на поселения. Этим объясняется малое количество тазовых костей и позвонков в материале костяков.

Домашние животные или части их туш приносились в жертву разными способами:

1. Сожжение. Почти все исследователи указывают, что сожжение жертвенного мяса производилось на стороне, а затем прах сожженных и обугленные кости приносились на костяка и ссыпались там, в результате чего образовывались отдельные линзы из золы и пепла. Однако, новейшими исследованиями на костяках выявлены очаги (Гляденово) и кострища (Слепушка). На Юго-Камском костяке, по реконструкции Ю. А. Полякова, жертвенные костры разводились прямо на слое сырых костей, в результате чего прокалы не образовывались. Топливом при этом могли служить сами кости¹. На других памятниках следов огня не найдено. Но следует учесть, что центральная часть Усть-Туйского костяка разрушена силосной ямой, а на Гаревском даже слой сплошных костей исследован только на 25 %² при весьма несовершенной методике раскопок. Остальные костяка также исследованы не полностью. Таким образом, жертвенные кости с мясом или, по крайней мере, большая их часть, сжигались непосредственно на площадках святилищ. Разумеется, какая-то часть жертв могла совершаться и на поселениях, а затем пепел от сожженных жертв приносили на костяка. Сходные обычаи существуют у финно-угров до сих пор. Например, “Барашку в хлеву закололи, шкуру

¹ Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье. С. 152.

² Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... С. 6.

сожгли, утробу, кишки – все сожгли, а сердце и мясо сварили. Все мясо баранье съели, а косточки собрали. Сожгли их отдельно с утиными костями... В кереметище принесли пепел, свалили в дупло”¹. В данном случае речь идет о жертвоприношении по поводу болезни дочери. Вероятно, такие “частные” моления и жертвы были и у гляденовцев. Но при больших молениях, проводившихся всей общиной, жертвы приносились (приводились) прямо на костыща и здесь же сжигались.

2. Закапывание. Жертвенные ямы, содержащие кости, наиболее характерны для Гляденовского и Юго-Камского костыщ, изучены также на Усть-Туйском и Ильинском костыщах. В отличие от Гремячанского святилища и могильников гляденовской культуры в жертвенных ямах костыщ ни разу не встречены целые черепа животных. Как и в остеологическом материале из культурного слоя в ямах преобладают зубы, фрагменты челюстей и черепов, кости конечностей. Сами жертвенные ямы обычно имеют круглую или овальную форму, подпрямоугольные ямы встречены только на Гляденовском и Усть-Туйском костыщах. Глубина ям, содержащих костные остатки, обычно невелика – не более 30 см. Обугленные и кальцинированные кости встречены только в ямах №№ 76 и 79 Гляденовского и в яме № 2 Юго-Камского костыщ. Они залегали вперемежку с сырыми костями; то есть в данном случае обряды сожжения и закапывания сочетались. Характерно, что кости, закопанные в ямах, подвергнуты особо сильному измельчению, иногда как будто нашинкованы.

3. Помещение костей на уровне древней поверхности. Значительная часть костей, особенно черепов, выкладывалась на поверхности или развешивалась на шестах и деревьях. Несомненно, на поверхности были выложены черепа из скопления № 3 Слепушкинского костыща, уложенные на нижних челюстях коз, овец и свиней². Скопление черепов лошади и коровы отмечено на Усть-Туйском³ костыще; оленей, баранов и других животных – на Гляденовском⁴. Имеются указания на упорядоченное расположение костей на Ильинском костыще, но его детальное описание не приводится⁵. Обычай принесения в жертву отрубленных голов отображен на одной из бляшек Гляденовского костыща. Изредка небольшие части принесенных в жертву животных помещались в миниатюрные жертвенные сосуды. На Слепушкинском костыще в одном из них найден позвонок овцы,

¹ Нижегородские марийцы. С. 160.

² Варов А.И. Археозоологические аспекты изучения костыщ. С. 13.

³ Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Добрянским отрядом КАЭ 1952 г. С. 56 // Архив АК ПГУ.

⁴ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. С. 41.

⁵ Генинг В.Ф., Оборин В.А. К вопросу о гляденовской культуре С. 167.

в другом — фрагмент мозговой косточки¹. Вероятно, хотя бы часть жертвенных сосудов заполнялась кровью, мозгом и небольшими кусочками мяса.

Все три формы жертвоприношений скота хорошо известны из этнографических и фольклорных материалов. Особенно ярко они представлены у удмуртов: “При жертвоприношении Инмару кровь, кости, часть мяса жертвенного животного сжигали, Кылдысину — закапывали, “дарили” земле, Куазю — шкуру животного подвешивали на ель². Иногда на священное, особо почитаемое дерево, подвешивали не только шкуру, но и череп жертвенного животного, чаще всего коня³. У сылвенских и верхнумфимских марийцев по окончании ритуальной трапезы “кости сжигали на костре, а кожу вешали на дерево”⁴. На “кереметишах”, святилищах нижегородских марийцев, “заколотое и зажаренное животное должно было быть съедено полностью, кости закапывали в землю или сжигали⁵. “В костер бросили шкуру, голову, ноги, кишки, слова сказали, а мясо — в котел”⁶.

Несомненно, что и гляденовские жертвоприношения сопровождалось ритуальными пиршествами. Об этом говорят находки столовых сосудов, которые составляют 40-50% всей посуды на Гляденовском костыще, 28% на Юго-Камском, 33% — на Усть-Туйском и 16% — на Слепушкинском. На других костыщах фрагментов крупных сосудов гораздо меньше: на Гавревском — всего 5%, на Ильинском лишь один сосуд можно с уверенностью отнести к числу бытовых. На поздних костыщах могла применяться посуда из нестойких материалов — деревянная или берестяная.

Особо следует остановиться на жертвоприношениях диких животных. Наибольшее разнообразие наблюдается на гляденовском костыще — не менее 10 видов млекопитающих и единичные кости птиц и рыб. На других костыщах видовой состав диких животных гораздо беднее, а количество костей меньше (исключая Ильинское).

Если домашние животные приносились в жертву как минимум тремя способами, то кости диких найдены почти исключительно в культурном слое, изредка — на уровне погребенной почвы. Единственное исключение — кости северного оленя в яме № 76 Гляденовского костыща. Следует отметить, что в мифологии и фольклоре финно-угорских народов лось и

¹ Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Костыще Слепушка ... С. 61.

² Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 111.

³ Там же. С. 122.

⁴ Чагин Г. Н. Указ. соч. С. 85.

⁵ Нижегородские марийцы. С. 153.

⁶ Там же. С. 156.

олень взаимозаменяемы с домашними животными, например с быком¹, а также с конем:

“Та (стрела. — *А.Л.*) попала прямо в печень
Вяйнемайнена оленя,
В быстрого коня вонзилась”².

“Он свалился прямо в пену
Со спины лосиной синей,
с своего коня на волны”³.

В одном случае череп барсука, пробитый стрелой, находился в углублении перед главным жертвенником Юго-Камского костыща. Автор раскопок считал, что барсук был священным животным Юговской племенной группы гляденовской культуры. Вероятно, то же можно сказать и о других животных, прежде всего лосе и медведе. Об амулетах, изготовленных из челюстей и клыков медведя и рогов лося, уже говорилось. Особый интерес представляет скопление из 5 крупных фрагментов лосиных черепов, найденное в 1995 г. на северном склоне площадки Гляденовского костыща. По определению Т. В. Фадеевой, все лоси были убиты вскоре после сбрасывания рогов, то есть поздней осенью. Не имели рогов и два лосиных черепа, найденных на Слепушкинском костыще. Как известно именно в это время, после гона, начинается охота на лосей. Возможно, в данном случае были принесены в жертву так называемые “первинки” или “начатки”, то есть первая охотничья добыча в наступившем сезоне. Это жертвоприношение могло иметь и календарный характер — отмечалось наступление зимы. Известно, что в традиционном календаре именно лось символизировал осенне-зимний период⁴. В этнографии “лосиный праздник” известен у васюганских хантов, но у них он проводился весной, т. е. по окончании промысла лося⁵.

Что касается медведя, то весьма заманчиво было бы видеть в находках его костей на костыщах следы существования у гляденовцев церемонии “медвежьего праздника”, который описан этнографами у самых разных народов. В пользу этого говорят находки бляшек, изображающих медведя в жертвенной позе с Юго-Камского (рис. 15, ф.1,3) и Гляденовского

¹ Белицер В.Н., Очерки по этнографии народов коми // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1958. Т.45. С. 325-326.

² Калевала, руна 6. С.88.

³ Там же.

⁴ Традиционная культура народов коми. Сыктывкар, 1994. С.135.

⁵ Головнев А.В. Указ. соч. С. 352.

костищ (рис.15, ф.2). Но, с другой стороны, нигде не найдено жертвенных захоронений медвежьих туш или хотя бы целых черепов этого животного, да и вышеупомянутые бляшки производят впечатление более поздних, отличаясь от основного материала костищ качеством металла и художественного образа. Скорее всего “классические” медвежьи праздники, которые зафиксированы у обских угров, эвенков или народов Дальнего Востока, на костищах все же еще не проводились. Возможно, гляденовские церемонии, связанные с почитанием медведя были ближе к обычаям охотников коми: убитого медведя разделывали прямо в лесу. При этом у него сначала вынимали сердце, затем удаляли клыки и когти и отрезали голову. Голову и сердце помещали на кол, а затем хоронили в лесу, при этом яму часто маскировали¹. Подобный обычай, но без захоронения в земле описан в карело-финском героическом эпосе². На медвежьих праздниках марийцев убитый медведь не приносился в селение, его изображал человек³. Если подобные обычаи были у гляденовцев, то голова и лапы медведя оставались на месте охоты, а на костища попадала часть мяса для ритуальных пиршеств, а также охотничьи трофеи - челюсти и клыки, которые использовались и как амулеты.

Кроме костей домашних и диких животных, на двух костищах найдены кости человека. На Усть-Туйском их 106, на Юго-Камском – 10 экз. На Усть-Туйском костище человеческие кости были обожжены⁴.

Судя по тому, что все человеческие кости Усть-Туйского и Юго-Камского костищ найдены разрозненными в культурном слое, здесь практиковалось расчленение трупов принесенных в жертву людей и, возможно, разбрасывание их останков по площадке святилища. На Усть-Туйском костище люди были принесены в жертву путем сожжения.

Помимо жертвоприношений животных и людей, большую роль в обрядности костищ играли вещевые жертвоприношения, которые очень разнообразны, особенно на Гляденовском и Юго-Камском костищах. Вещевые находки костищ можно разделить на следующие группы:

1. Собственно жертвенные, votивные вещи.
2. Предметы изображающие богов или духов, а также символизирующие их. Эти предметы сами служили объектами поклонения.
3. К предыдущей группе примыкают предметы, которые считались атрибутами божеств, подобно трезубцу Нептуна, весам Фемиды и т.д.

¹ Традиционная культура народов коми. С.149.

² Калевала, руна 46. С. 525-526.

³ Попов Н.С. Марийский народный праздник “Кереч” // Полевые материалы Марийской этно-графической экспедиции 1980-х гг. Йошкар-ола, 1983. С.59.

⁴ Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. С. 114.

4. Наконец, некоторые предметы могли и не иметь особого сакрального смысла, а попросту были утеряны участниками религиозных церемоний.

Четко разделить весь материал костяшек по этим категориям невозможно, да, скорее всего, и сами гляденовцы не делали такого строгого различия. Большинство предметов несло многообразную смысловую нагрузку. Несомненно относятся к первой группе, являются жертвенными вещи, найденные в жертвенных ямах и канавообразных углублениях Гляденовского, Юго-Камского и Усть-Туйского костяшек, а также рядом с ними. Наиболее часто в составе таких комплексов встречаются бусы. Они встречены в двух жертвенных ямах Юго-Камского костяшка. На Гляденовском костяшке они встречены в заполнении 8 жертвенных ям, в том числе одной серповидной в количестве от 1 до 9. Некоторые из них преднамеренно расколоты в древности (яма № 47 жертвенника № 1), но большинство не имеет повреждений. Довольно часто (7 ям) в составе жертвенных комплексов встречены бляшки, в двух случаях в сочетании с бусами. В 5 ямах найдены железные стержни в количестве от 1 до 7, в двух – обломки ножей, в одной – костяной наконечник стрелы. Особый интерес представляют находки в жертвенных ямах антропоморфных изображений. В ямах №№ 63 и 64 найдены глиняные статуэтки, в яме № 68 – фигурка, вырезанная из медного листа. Все ямы входили в состав комплекса, датированного позднеананьинской эпохой¹. В данном случае эти фигурки заменяли собой человеческие жертвы. Как уже говорилось, принцип человеческих жертвоприношений был известен гляденовцам, хотя на самом Гляденовском костяшке человеческих костей не найдено. Также как и мясо жертвенных животных, рукотворные предметы иногда приносились в жертву путем сожжения, хотя следы этого обычая встречены не повсеместно и в разных количествах. На Гляденовском костяшке упоминаются “горелые вещи из бронзы” и оплавленные стеклянные бусы, найденные в слое пепла². В материале современных раскопок лишь немногие вещи имеют следы воздействия огня. Это 3 пастовых и 2 синих стеклянных бусины и 2 костяных наконечника стрел³. Около 20 оплавленных стеклянных бус найдено на Гаревском костяшке⁴, там же найдено 40 обожженных наконечников и их обломков (26 % от общего числа). На Юго-Камском костяшке количество обожженных и обугленных костяных наконечни-

¹ Лепихин А.Н. Новый жертвенный комплекс Гляденовского костяшка // Обороинские чтения. Материалы археологических конференций. Пермь, 2000. Вып.1. С.15-17.

² Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костяшке. С.34.

³ Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовское костяшке. Каталог коллекции. 1997. С.15-16; они же. Гляденовское костяшке. Раскопки 1997-1999 гг. Каталог коллекции. С. 19, 42.

⁴ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах... С. 17.

ков составило 37 % и, кроме того, здесь обнаружено несколько сильно оплавленных стеклянных бус. Довольно высок процент обожженных наконечников в материалах Останинского костяка – 20 % или 13 экз. На предметах из других костяков следы воздействия огня встречены гораздо реже. На Ильинском костяке обожжены лишь 8 костяных наконечников (6,4 %) на Панкрашинском – 3 (6 %). Бусы и другие вещи с этих памятников не имеют следов воздействия огня. Наконец, на Усть-Туйском костяке следы обжига имеют лишь два костяных наконечника (1 %), на Слепушкинском – один (0,6 %). Изредка жертвенные предметы укладывались в миниатюрные чашки, которые, несомненно, имели жертвенный характер. На Юго-Камском костяке внутри одной такой чашки, входившей в состав жертвенного комплекса № 1, найдено бронзовое изображение птицы¹. Аналогичное явление наблюдалось и на Гляденовском костяке – в некоторых чашках были найдены бусы, миниатюрные костяные и один железный наконечник стрел². Мелкая бусина (бисер) из темно-синего стекла найдена в одной из жертвенных чашек на Слепушкинском костяке.

Однако подавляющее большинство вещевого материала костяков найдено не в ямах или чашках, а непосредственно в культурном слое. В некоторых случаях вещи располагались отдельными группами или скоплениями³. Дважды отмечены закономерности в распределении вещей по площади раскопа. На Юго-Камском костяке почти все ножи, наконечники и фигурки животных найдены около жертвенника № 3 (главного), а украшения и миниатюрные сосуды – на границе слоя пережженных костей. На Слепушкинском костяке 36 из 40 найденных бус и практически все жертвенные чашки располагались около углистого пятна № 11 в восточной части памятника, а наконечники стрел и нож – в центральной части раскопа. Скорее всего, значительная часть вещей развешивалась по шестам, столбам или деревьям, а острые предметы вонзались в них. Часть предметов, могла укладываться непосредственно на поверхность земли. Об этом свидетельствуют находки воткнутых в слой ножей и наконечников (Слепушка, Юго-Камск). Предметы могли также присыпаться землей. Аналогия такому обряду упоминается на легендарном святилище в Биармии, ограбленном скандинавами: “В этом дворе есть курган, в котором перемешаны золото, серебро и земля”⁴.

¹ Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры ... С. 206-207.

² Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костяк. С. 50.

³ Там же. С. 36.

⁴ Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М, 1996. С. 205.

Таким образом, вещевые жертвоприношения совершались теми же способами, что и кровавые, а именно закапыванием, сожжением, подвешиванием и размещением на поверхности земли (варианты – присыпание землей и помещение в сосуды).

На ранних костяках изучены столбовые ямки различных размеров и глубины, которые, несомненно, играли определенную роль в проведении обрядов. В двух случаях они служили опорами навесов (жертвенник № 3 Юго-Камского и жертвенник № 1 Гляденовского костяка). На Гляденовском костяке ямки №№ 57-62 диаметром 10-18 см, глубиной 10-38 см входили в состав жертвенного комплекса из 5 больших ям и располагались параллельно им в 80-100 см к западу. Вероятно, они играли роль ритуальной коновязи для привязывания жертвенных животных перед заклинанием. Но помимо утилитарных целей столбы и шесты выполняли и сакральные функции. В первую очередь это относится к столбовой яме в центре главного жертвенника Юго-Камского костяка. Ю. А. Поляков считал эту яму следом деревянного идола, но возможно это был просто столб, на котором развешивались votивные приношения. Несомненно, культовый характер имели шесты и столбы, установленные в очень глубоких ямах Гляденовского костяка. Так, яма № 8 была углублена в плотную материковую глину на 90 см. Такие ямы можно было выкопать только с помощью специального инструмента типа бура. Вероятно, эти столбы символизировали мировое древо (столп). Вкопанная часть должна была обозначать корни этого древа, пронизывающие подземный мир. Столбы, символизирующие мировое древо, украшались культовыми предметами и фигурками, обозначавшими сферы мироздания: Верхний мир – птицы, пчелы, лоси; Средний – люди; Нижний – змеи, ящеры, многоножки и т. п. На дне ямы № 10 зафиксированы остатки сгоревшей деревянной жерди. Вероятно, некоторые шесты пропитывались горючими веществами, иначе они не прогорали бы до самого дна. Сожжение столбов и шестов объяснить трудно. Возможно, этот обряд был приурочен к определенным датам (Новый год). В ряде столбовых ям найдены принесенные в жертву предметы, т.е. после удаления столбов они использовались как жертвенные. Не исключено, что такие ямы, столбовые и жертвенные одновременно, связаны с мифом о “дырке в земле”. Суть его в том, что подземный бог (черт) попросил у небесного места на земле для того, чтобы можно было воткнуть кол. Когда это желание было исполнено, из отверстия вылезла всевозможная нечисть. В разных вариантах этот миф зафиксирован у карел, манси, коми, ненцев, хакасов, хантов, кетов, шорцев,

сагайцев и тофаларов. В представлениях вепсов и хантов в эту дыру уходит и сам черт¹.

Известно, что в традиционных религиях не было персонажа – носителя абсолютного зла. По словам И. Н. Гемуева “Кульотыр, хозяин Нижнего мира, распорядитель болезней предстает в роли не злодея, а всего лишь функционера, добросовестно исполняющего свои обязанности по своевременному перемещению людей из мира живых в мир мертвых². Кое-какие положительные деяния приписываются Омолю – подземному богу в мифологии коми. Он усовершенствует музыкальные инструменты, помогает Ену в варке железа³. То же относится и к удмуртскому Керемету⁴. Резко отрицательные качества все эти мифологические персонажи приобрели под влиянием христианства и ислама.

Исходя из этого, стремление гляденовцев зарыться глубже в землю можно объяснить стремлением наладить связь с хтоническими божествами, открыть им дорогу в мир людей. Бусы и другие жертвенные предметы, закопанные так глубоко, должны были быстрее и надежнее дойти до “адресата”.

Довольно часто в материале костищ встречаются поврежденные предметы, но не всегда можно с уверенностью сказать, что эти повреждения не случайны. Явно преднамеренно были расколоты синие глазчатые бусы в яме № 47, входившей в состав жертвенного комплекса № 1 Гляденовского костища. Одну бусину удалось склеить из 4 обломков. Также преднамеренно разбиты три крупных сосуда из жертвенной ямы № 66 Гляденовского костища и крупный сосуд с резным орнаментом, сопутствующий скоплению костей на Юго-Камском костище. По другим категориям предметов процент поврежденных предметов Гляденовского костища таков: ножи – 37 %, костяные наконечники – 61 %, бляхи – 47 %, Плоские железные наконечники – 18,5 %, трехлопастные железные наконечники – 72 %. Механические повреждения имели также 53 % костяных наконечников Слепушкинского костища. Что касается материалов дореволюционных раскопок, то и там многие предметы расколоты или обломаны, но невозможно сказать, были они найдены такими или получили повреждения из-за плохих условий хранения.

Конечно, в ряде случаев, повреждения могли появиться в результате использования вещей по назначению - наконечники стрел ломались при

¹ Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (уральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». М., 1991. Вып.5. С.140.

² Гемуев И.Н. Указ. соч. С. 214.

³ Традиционная культура народа коми. С.131.

⁴ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 104.

попадании в цель, ножи тупились и зазубривались при резании костей и т. д. Но несомненно, что часть вещей была подвергнута так называемому “ритуальному убийству” то есть преднамеренной порче с магическими целями. У гляденовцев, вероятно, существовало представление о потустороннем мире, как перевернутом отражении земного. То, что в мире живых сломано или испорчено, там будет целым и исправным.

В материале как минимум двух костяшек представлены вещи гораздо более раннего происхождения, чем гляденовские и даже ананьинские древности. К ним относится серия каменных предметов, найденных в 1896–1897 гг. на Гляденовском костяшке, – топорик из зеленой яшмы и несколько кремневых ножей¹. В наших раскопках найдены три ножевидные пластины из светло-серого кремня. На Гаревском костяшке найден топор из темно-серого известняка с дугообразным острием. Судя по размерам – 11 x 7,5 см, это скорее долото или тесло. Кроме того, А. Е. Теплоухов приобрел у одного местного крестьянина кремневый нож, будто бы найденный на костяшке². Все эти предметы были большой древностью уже в I тыс. до н. э. Если топорик с Гляденовского костяшка в самом деле изготовлен из яшмы, его следует датировать эпохой мезолита, остальные предметы также относятся к эпохе камня. По определению Ю. Б. Серикова, как минимум две из ножевидных пластин имеют следы вторичного использования и служили для добывания огня. Огонь, разожженный с помощью такого древнего и редкого предмета, вероятно, считался особо чистым, священным и использовался для сожжения жертв. В связи с этим надо упомянуть и о пяточной кости шерстистого носорога, хранящейся в коллекции Останинского костяшка (определение А. И. Варова). Если эта кость действительно найдена на костяшке, следует предположить, что гляденовцы использовали в культовых целях не только археологический, но и палеонтологический материал.

Вторичное использование древних предметов не является чем-то исключительным в археологии и этнографии Урала и Сибири. Например, в Елыкаевской коллекции, происходящей с жертвенного места, содержится ряд вещей вторичного или длительного использования, в том числе бронзовые зеркала и предметы культового литья³. В позднесредневековых слоях пещерных святилищ Печорского Приуралья находят бивни и фрагменты зубов мамонта⁴. У угров Западной Сибири в культовых амбарчиках до наших дней доживают средневековые подвески и бляхи.

¹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костяшке. С. 65, табл. XV, Рис. 15; 4,6.

² Теплоухов А. Е. О доисторических жертвенных местах... С. 9.

³ Могильников В.А. 1968. Елыкаевская коллекция Томского университета // Советская археология. 1968. № 1. С. 265–267.

⁴ Мурыгин А.М. Указ. соч. С. 62.

Главный обряд костиж – жертвоприношения скота, сопровождавшиеся ритуальными трапезами, известен практически у всех народов, занимавшихся скотоводством (оленоводством). Остановимся на некоторых примерах, наиболее близких географически.

Коми-пермяки. Наиболее подробно описано жертвоприношение “быкобой”, проводившееся в с. Б. Коча 18 августа ст. стилиа, в день святых Флора и Лавра. Это жертвоприношение было массовым – в семидесятые годы XIX в. закалывалось до 80 коров¹. При этом кожу убитых животных отдавали в церковь, но, несмотря на это, несомненно, его дохристианское происхождение. Менее масштабные жертвы приносились в других местах – с. Ошиб, д. Панино Гайнского района, д. Шадрино и д. Большая Серва и других². В 1910 г. “быкобой” в с. Б. Коча был запрещен властями, но впоследствии неоднократно возобновлялся. Существует он и в наши дни. Об этом был снят документальный фильм, показанный по Пермскому ТВ.

Коми. В нижневычегодских погостах коми при церквях в Ильин день кололи быка и барана, в Покров – нетеля и овец³.

Манси. “Празднуют 3 или 4 праздника в год, в дни которых колют оленей”⁴.

Марийцы. “В особых, обнесенных оградой рощах (“кусо”), которые считаются священными..., служители культа приносили жертву богам, закалывая животных (преимущественно молодых лошадей), мясо которых тут же варилось и употреблялось в пищу, а кости сжигались и закапывались в одном месте в землю”⁵.

Мордва. “При молении закалывали 2-3 овец или корову, и мясо их варили в огромных котлах”⁶.

Удмурты. В честь Музьем-мумы (Матери-Земли) и Му-Кылчина (Творца Земли) жертвовали быков, коров, число жертвенных животных достигало 60-80⁷.

Количество примеров можно было бы увеличить многократно, но и так ясно, что у всех финно-угров Урала, Поволжья и Западной Сибири

¹ Смирнов И.Н. Пермяки // Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете. Казань, 1891. С. 251.

² Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края. С. 40.

³ Сидоров А.С. Идеология древнего населения Коми края // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С. 21.

⁴ Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов. М., 1910. С. 57.

⁵ Горбунов А. Народ мари. Кунгур, 1925. С. 4.

⁶ Минх А.Н. Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии // Этнографическое обозрение. М., 1982. Кн. XV. Вып. 4. С. 118.

⁷ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 82.

жертвоприношения домашнего скота были едва ли не самым распространенным обрядом, как и у гляденовцев.

Жертвоприношения диких животных находят гораздо меньше этнографических параллелей. Знаменитый медвежий праздник, многократно описанный этнографами, не может служить примером, так как в этом случае жертвы приносятся самому медведю, который служит объектом почитания. Однако, по данным Н. Г. Первухина, удмурты приносили в жертву диких птиц: уток, гусей, тетеревов, дятлов, соек¹. Г. Е. Верещагин писал, что удмурты рода Бигры перед совершением человеческого жертвоприношения ловили и сжигали ласку, крота и горностаю. “Без предварительного принесения этих зверков нельзя было приступить к жертвованию человека”². Возможно, пережитком обычая принесения в жертву диких животных является обычай коми и удмуртов содержать медведей в клетках и амбарах³, а также обычай охотников коми хоронить в пепле костра тушки убитых соболей и куниц⁴. Есть сведения о жертвоприношении лосей и оленей у манси⁵. Жертвоприношение дикого оленя, который сам приходил на заклятие, а затем был заменен коровой, упоминается в фольклоре хантов, коми, а также удмуртов и северных русских⁶.

Наконец, третий вид кровавых жертвоприношений — человеческие. Многочисленные свидетельства о существовании этого обычая зафиксированы в позднее средневековье и новое время у обских угров. Так, на мансийском культовом месте Сат-Виклы в культовом сооружении в скоплении костей медведя и лося была встречена правая плечевая кость взрослого мужчины. Авторы связывают эту находку с вогульско-самодийскими войнами XVI- XVII вв. Одна из возможных интерпретаций — принесение в жертву пленного ненецкого воина⁷. Ряд документальных свидетельств о человеческих жертвах, приносимых хантами, приводит также В. Н. Шишонко. Согласно им, остяки покупали молодых людей для принесения в жертву “Сосвинскому шайтану”, только тогда, когда замыслили изменить, то есть начать войну против русских⁸. Таким образом, и в данном

¹ Там же. С. 111.

² Верещагин Г. Е. Человеческие жертвоприношения вотяков // Известия Архангельского общества исследователей Русского Севера. Архангельск, 1911. № 10. С. 788.

³ Плесовский Ф. В. Космогонические мифы коми и удмуртов // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С. 116.

⁴ Традиционная культура народа коми. С. 146.

⁵ Федорова Е. Г. Жертвенные животные в культуре манси // Традиционное мировоззрение народов Сибири. М., 1996. С. 144.

⁶ Белицер В. Н. Указ. соч. С. 325-326.

⁷ Темуев И. Н., Сагалаев А. М. Указ. соч. С. 109-110.

⁸ Шишонко В. Н. Указ. соч. С. 712, 715.

случае человеческие жертвы связаны с военными действиями. С.В. Бахрушин приводит многочисленные сведения о человеческих жертвоприношениях у хантов и манси в XVI-XVIII вв.¹ Человеческие жертвы приносились обскими уграми и ненцами и гораздо позже – вплоть до 30-х годов XX века, хотя в это время они были связаны с борьбой против советской власти и насильственной коллективизации².

У финноязычных народов воспоминания о человеческих жертвах сохранились в фольклорных источниках. В эпической песне коми-ижемцев “Три Вай-брата” говорится:

“Они ходят на охоту,

Ничего не попадается.

Они меж собой говорят.

Старший брат говорит:

“Что же нам делать, братья?”

Старший брат так сказал:

“Не принести ли в жертву духам

Младшего брата?”³

В преданиях коми-зырян упоминается священное озеро, у которого осянками приносились человеческие жертвы, а также принесение человеческой жертвы водяному⁴. По поверьям коми-пермяков мельник, устраивающий новую мельницу, отдает водяному одного или нескольких человек из артели строителей. У вятских (т.е. зюдинских) коми известно предание о боге, требовавшем человеческих жертв⁵. У удмуртов упоминаются человеческие жертвы у святого ключа “Ин-ма-ошмес”, посвященного богине неба Ин-мумы⁶ Обряды жертвоприношения (замаливания) человека у удмуртского рода Бигры подробно описаны Г. Е. Верещагиным. По рассказу информатора, неназванного по имени старика-удмурта, такие жертвы приносились еще 30-40 лет назад, то есть в 1870-е гг.⁷ Независимо от того, насколько достоверна эта информация, несомненно, что идея человеческих жертвоприношений была хорошо известна не только угорским, но и финноязычным народам – коми и удмуртам. Легенда о

¹ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М.;Л., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 7, 105, 107-109 и др.

² Головнев А.В. Указ. соч. С. 165.

³ Коми народный эпос. М., 1987. С.553.

⁴ Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984. С.115,172.

⁵ Смирнов И.Н. Указ. соч. С. 283-284.

⁶ Шумилов Е.Ф. Первые удмуртские села как важнейшие цивилизующие центры: Елово и Укан 1741-1917 гг. // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Глазов, 1997. Ч.2. С. 5.

⁷ Верещагин Г.Е. Указ. соч. С. 997.

произошедшей некогда замене человеческих жертв на жертвоприношение барана известна в фольклоре марийцев¹.

Определенное сходство наблюдается и в способах жертвоприношений, известных в археологии и этнографии. Как уже говорилось, на костяках зафиксированы следующие способы принесения кровавых жертв: закапывание в землю, сожжение и размещение на поверхности, а также, предположительно, подвешивание. Наиболее полное соответствие эти способы находят в обычаях удмуртов: “кости жертвенного животного сжигали на ритуальном костре, туда же лили и часть жертвенной крови – полагали, что жертва (ее дух) должны вместе с дымом вознестись на небеса, во владения небесного бога Инмара”². “При жертвоприношении Кылдысину кости жертвенного животного (черного быка) завертывали в его шкуру, причем кости старались расположить в таком порядке, чтобы они составили целый костяк быка”³. Здесь просматривается аналогия с жертвенным захоронением жеребенка на Гляденовском костяке. При жертвоприношении Куазю шкуру животного вешали на дерево⁴. На дерево также вешали черепа и крупные кости⁵. Мелкие кости высыпали под дерево⁶. Аналогичные обычаи описаны этнографами у марийцев: “по окончании трапезы кости сжигали в костре, а кожу вешали на дереве”⁷. У народов коми эти обычаи выражены менее ярко и значительно христианизированы – лопатку жертвенного животного отдавали священнику, а кожу – церкви. Но и здесь в землю зарывали мясо, кости, лили отвар, чтобы хлеб родился лучше⁸.

Что касается человеческих жертвоприношений, то у манси отмечается сожжение⁹ и расчленение¹⁰ тела принесенного в жертву человека.

Таким образом, способы жертвоприношения у гляденовцев и у современных народов в основном совпадают, за исключением одной детали: в современной культовой практике кости жертвенных животных, как правило, стараются сохранить целыми. Известна молитва марийцев: “Добрый великий бог! Может быть, мы кожу порезали, кости раздробили, под ногой потоптали, нам все это прости”¹¹. На гляденовских костяках кости,

¹ Нижегородские марийцы. С.125.

² Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 190.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Там же. Рис. 50-51.

⁶ Там же. С. 250.

⁷ Чагин Г.Н. Указ. соч. С. 85.

⁸ Смирнов И.Н. Указ. соч. С.255-256.

⁹ Сорокин Н. Указ. соч. С.11.

¹⁰ Соловьев А.И. Указ. соч. С.94-95.

¹¹ Чагин Г.Н. Указ. соч. С. 84.

напротив, по большей части раздроблены и расколоты. Разделение туш животных на мелкие части, разбрасывание их по площадке святилища, вероятно, должно было обеспечить размножение скота, промысловых животных и прирост населения.

Важнейшая обрядовая деталь ранних кострищ, особенно Гляденовского, – многочисленные ямки от столбов или жердей небольшого диаметра. Столбы и шести широко использовались в ритуалах различных народов, например древних семитов: “И жертвенники ваши будут опустошены, столбы ваши в честь Солнца будут разбиты”¹. У арийских племен: “На короткое время в честь Индры сооружали столб. Через семь дней этот столб убирали”². В обоих случаях столбы символизировали небесные силы – гром (Индра) и Солнце.

Некоторая связь столбов (шестов) с Верхним Миром прослеживается и в верованиях уральских народов. Например, в 1930-е гг. директор Чердынского музея И. А. Лунегов видел в д. Немзя праздник прилета птички (трясогузки), т.е. наступления весны. Перед началом праздника на поляне поставили кол высотой 1,5 м, на котором было укреплено чучело птицы³. В настоящее время в этой деревне живут русские, но название деревни и сам праздник коми-пермяцкого происхождения. У обских угров столбы или жерди являются характерной деталью при исполнении многих культовых церемоний. Часто они располагались вокруг жертвенного костра, а во время медвежьего праздника, у северных хантов, – вокруг туши убитого медведя⁴. Другой яркий пример этого обычая: во время жертвенной церемонии старик-хранитель “взял три березовых жерди, заострил и насадил на них несколько кусков мяса. Сначала они были воткнуты около норма, т.е. жертвенного столика, а затем их отнесли несколько поодаль. Эти куски были предназначены для птичек, т.е. душ⁵. Здесь важно то, что шести с жертвенной пищей переставлялись с места на место. Возможно, что-то подобное происходило и на Гляденовском кострище. Этим можно объяснить большое количество ямок на сравнительно ограниченной площади (около жертвенника № 1) и их беспорядочное расположение. В другом случае столб, “более гладкий, чем обычный, служит для привязывания жертвенного жеребенка, а на вершине его выставляется жертва. Иногда на столбе (шесте) сжигали его мозг и сало или вешали шкуру и

¹ Иезекииль, 6,4.

² Елизаренкова Т.Я. Ригведа – великое начало // Ригведа. Мандалы I – IV. М., 1989. С. 497.

³ ЧКМ, фонд Лунегова, инв №1110/561.

⁴ Головнев А.В. Указ. соч. С. 571.

⁵ Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Труды Института этнографии. Л., 1959. Т.11. С.133.

голову убитого животного”¹. На культовых местах финских народов роль столбов и шестов менее выражена, кости и другие жертвы там чаще развешивались на деревьях. В этом отношении святилища марийцев, удмуртов и мордвы ближе к поздним кострищам, где столбовые ямы неизвестны. Хотя на плане священной роши Луд, близ удмуртской деревни Кузебаево, показана V-образная деревянная вилка для полотенец, вероятно врытая в землю².

Набор вещей, находимых на кострищах, имеет наибольшие соответствия в инвентаре культовых мест обских угров. Разными исследователями здесь отмечены многочисленные стрелы, ножи, иглы, различные украшения, литые металлические фигурки, монеты, обработанные зубы медведя и т.д. Правда, в жертвенных комплексах хантов и манси нет такого изобилия бус, как на Гляденовском кострище, но все же они встречаются как украшения жертвенной одежды³ или *имда* – чучел медведя⁴. Металлическим бляхам кострищ здесь могут соответствовать монеты. Сходные наборы жертвенных вещей зафиксированы также у самодийцев. На Новоюгинском культовом месте, принадлежавшем селькупам, при земляных работах найдены 70 монет 1700-1801 гг., 50 бусин, рыба шкурка, белый камешек, 2 медных наперстка, нож, перстень⁵.

На святилищах поволжских и уральских финнов подобных приношений отмечено гораздо меньше, чем на угорских. Но все же в удмуртских куалах находились различные изображения: медный идол в виде бородастого мужчины в рубаше, изображения гуся с железным клювом и лапами, белки⁶. В составе воршудных коробок упоминаются пластинки и жетоны с гравировками⁷, серебряные монеты, иногда, вместо денег, бляхи с подвесками⁸.

Что касается способов принесения вещевых жертв, этнографы выделяют у народов Сибири следующие их способы: 1. Ломка; 2. Придание неестественного положения, например, переворачивание; 3. Закапывание в землю; 4. Втыкание в землю; 5. Сожжение; 6. Помещение на вы-

¹ Федорова Е.Г. Указ. соч. С. 139-141.

² Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Рис. 10.

³ Гемуев И.Н. Указ. соч. С.106.

⁴ Там же. С.120.

⁵ Яковлев А.А. Культовые места XIX - начала XX вв. на территории Томской области // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1980. С.44.

⁶ Удмурты. С.32-33.

⁷ Атаманов М.Г. Изображения удмуртских воршудов // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 111-112.

⁸ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 282.

соте. При этом способы №№ 1-4 применялись в случае если вещь хотели отправить в Нижний мир, а два других — в Верхний¹. Все эти способы отправки вещевых приношений в Иной мир зафиксированы и на прикамских святилищах, хотя и в разной степени. Сломанные или поврежденные предметы встречены на всех костыщах, хотя часто трудно определить, сломан ли предмет преднамеренно или случайно. Перевернутые вверх дном или лежащие не боку сосуда, отмечены при раскопках Гляденовского² и Юго-Камского костыщ, в том числе один раз — в жертвенной яме³. Все они найдены в пределах жертвенных сооружений или рядом с ними. Воткнутые в землю предметы встречены всего два раза — это наконечник стрелы на Слепушкинском костыще и железный нож, найденный около серповидного жертвенника № 6 Юго-Камского костыща. Быть может, такая редкость этого способа объясняется тем, что положению вещей не придавалось особого значения. Относительно вещей, имеющих следы воздействия огня, сказано выше. Размещение на высоте, то есть развешивание на столбах, шестах или деревьях, также, наверняка, применялось на костыщах. Многие предметы имеют ушки, отверстия или петли. Некоторые аналогии этим обрядам прослеживаются и у народов Крайнего Северо-Востока Европы, Приуралья и Поволжья. Обряд ритуального умерщвления, т. е. поломки предметов погребального инвентаря, отмечен в удмуртских могильниках XV-XIX вв., а также у марийцев, мордвы и чувашей⁴. Коми-пермяки оставляли на могилах сломанные сани⁵. Испорченные предметы встречены и на современных культовых местах манси — стрелы без наконечников или со сломанным острием⁶. Особенно распространен был этот обычай у селькупов. “Нельзя умершему класть целые вещи,” — говорили они⁷. Другие способы в этнографии встречены реже. Сожжение вещей умершего отмечено у удмуртов⁸, размещение жертвенной ткани на дереве — у селькупов и хантов⁹, забивание монет под

¹ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 221; Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 281.

² Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. С. 36.

³ Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф. Труды В. Ф. Генинга, посвященные изучению гляденовской культуры, и современные проблемы ее исследования // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции «75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга». Ижевск, 2000. С. 10.

⁴ Шутова Н.И. Удмурты XVI - первой половины XIX в. Ижевск, 1992. С.76, 82.

⁵ Смирнов И.Н. Указ. соч. С. 236.

⁶ Гемуев И.Н. Указ. соч. С.135. Рис. 119.

⁷ Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 125.

⁸ Удмурты. С. 205.

⁹ Головнев А.В. Указ. соч. С. 499.

кору дерева в священной роще — у марийцев¹. Манси закапывали деньги и одежду в жертву подземному богу Куль-Отыру².

Наконец, аналогии в современной культовой практике находят и использование древних предметов. В составе культовых комплексов манси встречаются предметы средневекового литья — всадники, орнитоморфные идолы, бляхи, височные подвески, серебряная посуда и т.д.³. Археологические находки почитались как личные духи-покровители также хантами. При этом они считались не вместилищами духа, а самостоятельными духами⁴. Для нашей темы особенно важное значение имеет находка на мансийском культовом месте обломка шлифованного тесла эпохи неолита⁵. Владельцы считали этот предмет стрелой бога грома Шахэл-Торума. Аналогичные изделия (“топорики”) с Гляденовского и Гаревского костыщ могли иметь такое же значение. Что касается использования в обрядах палеонтологических материалов, оно зафиксировано у самодийцев. На ненецких капищах на Гыданском и Таймырском полуостровах были найдены черепа овцебыков плейстоценового типа, хорошей сохранности, которые считались очень ценными приношениями⁶.

Таким образом, многие черты религиозной обрядности, выявленные при изучении костыщ гляденовской культуры, в той или иной степени находят аналогии в обычаях и фольклоре финно-угорских, самодийских и тюркских народов. Разумеется, на этом основании нельзя утверждать о том, что позднесредневековые и современные жертвенные места напрямую происходят от костыщ. Но при сопоставлении археологических и этнографических данных можно сделать вывод, что многие религиозные идеи, свойственные этим народам, восходят, как минимум, к эпохе раннего железного века.

3.6. Символика жертвенных вещей

Привлечение этнографических параллелей позволяет с большей или меньшей степенью достоверности попытаться выяснить религиозную символику отдельных категорий вещей, найденных при раскопках костыщ гляденовской культуры.

¹ Нижегородские марийцы. С. 156.

² Головнев А.В. Указ. соч. С. 569.

³ Гемев И.Н. Указ. соч. С.127, 165.

⁴ Зенько А.П. Личные духи-покровители в мировоззренческой традиции хантов // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Глазов, 1997. Часть 2. С.42.

⁵ Гемев И.Н. Указ. соч. С.139. Рис.124.

⁶ Верещагин Н.К. Почему вымерли мамонты. Л., 1979. С.136.

1. Наконечники стрел. Этому оружию придавалось сакральное значение едва ли не с самого изобретения лука и стрел. В то же время стрела, пожалуй, самый полисемантический предмет из тех, которые использовались в обрядности костищ. С одной стороны стрелы использовались по их прямому назначению, как орудие убийства. Пробытые стрелами черепа животных найдены на центральном жертвеннике Юго-Камского костища и в жертвенной яме Заосиновского IV могильника гляденовской культуры. Наконечники стрел сопутствовали жертвенному погребению жеребенка на Гляденово и лошадиным черепам на Слепушкинском костище. Правда, последние два случая не так достоверны – наконечники могли и не иметь отношения к убитым животным. С другой стороны, стрела часто рассматривалась как символ жизни, плодородия, связывалась с созданием новой семьи – достаточно вспомнить сказку о Царевнелягушке. Согласно чувашским свадебным песням, выбор невесты также зависит от того, куда упадет стрела, выпущенная женихом¹. Более близкие примеры известны у манси: они жертвовали луки и стрелы, иногда миниатюрные в случае рождения в семье сына². Удмурты приносили в жертву стрелы для избавления женщин от бесплодия (сообщение Е.М. Черных). Коми во время венчания стреляли из ружей, что функционально тождественно стрельбе из лука³. В связи с этим представляет интерес наблюдение, сделанное на материалах раскопок костища 1981-1997 гг.: повреждения имеют 72% трехлопастных железных наконечников и лишь 18,5% плоских. При этом почти все трехлопастные наконечники повреждены преднамеренно – у них обломаны лопасти или шипы, погнуты черешки, в трех случаях лопасти сплюснены ударами тяжелого твердого предмета. У плоских железных наконечников, как правило, погнуто или обломано острие, а это могло произойти при стрельбе, в случае столкновения стрелы с каким-либо препятствием. Вероятно, по представлениям гляденовцев трехлопастные стрелы были сугубыми орудиями убийства, символами войны или смерти и потому подвергались наиболее тщательному ритуальному уничтожению. Не исключено, что они отражали космогонические представления древнего населения и являлись символами молнии. В связи с этим следует отметить находки на костищах изображений людей верхом на лошадях, которые, по нашему мнению, связаны с представлениями о небесном всаднике – культурном герое или боге, который наделен мечом, палицей или луком. Обычно подобные небесные всадники являются громовержцами, поражающими стрелами-молниями злых духов.

¹ Салмин А.К. Указ. соч. С. 121.

² Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. соч. С. 12.

³ Традиционная культура народов коми. С. 168.

Таковы, например, божественный покровитель селькупов Ича, мордовский бог грома Пурьгине – Паз, балтийский Перкунас, финский Укко, мансийский Хонт-Торум и т. д. Вероятно, этими мифологическими представлениями можно объяснить находки трехлопастных железных наконечников стрел в пределах отдельных жертвенных сооружений Гляденовского костыща, например, в жертвенном комплексе на уч. Г-Д/16, где им сопутствовало бронзовое изображение змеи.

Прочие разновидности наконечников стрел (плоские железные, костяные) могли рассматриваться как символ возрождения, плодородия и т. д. У многих народов стрелы были символом божества или даже самостоятельным объектом поклонения. У селькупов “мужчины, проезжая на лодке мимо священного места, пускают в стоящее на берегу дерево стрелы. Дерево, утыканное стрелами, становится знаком сопричастия их владельцев святилищу”¹. Связки стрел были основой изображений мансийского бога войны Хонт-Торума и бога грома Шахэл-Ойки². Еще одна функция стрел наряду с другими острыми предметами – апотропеическая. Эвенки, покидая могилу после похорон, пятались и стреляли из лука в ее сторону³.

Связаны были стрелы и с почитанием животных, в том числе медведя, и охотничьими культами. У хантов был обычай приносить на святилище стрелу, которой было убито много зверей или какое-либо особо ценное животное⁴. Наконец, стрелы использовались для гадания: “После окончания медвежьего праздника стреляют с закрытыми глазами вверх. Если попадают в среднее бревно, значит, скоро будет еще медведь. Стрела остается в бревне до следующего медведя”⁵. Все сакральные функции стрел, зафиксированные в этнографии, могли существовать уже в раннем железном веке.

2. Ножи и серпы. В поверьях народов Урала и Сибири ножи и другие режущие предметы являются, прежде всего, сильными оберегами, защищающими от потусторонних сил и стихийных бедствий. Нож, косу или топор клали в изголовье больных для устранения болезни⁶, нож прятали под подушку, чтобы не видеть плохих снов⁷. Броском ножа можно было

¹ Головнев А. В. Указ. соч. С.519.

² Темуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1986, С. 161.

³ Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении проблемы происхождения первобытных верований. М., 1958. С. 101.

⁴ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... С. 23.

⁵ Темуев И.Н. Указ. соч. С. 11.

⁶ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С.136.

⁷ Шарапов В.Э. Понятие “тень человека” в традиционных представлениях коми // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Глазов, 1999. Ч.2. С.44.

отогнать злых духов¹. Кроме того, нож (кинжал, меч) мог иметь и значение символа божества или даже отождествляться с ним. Наиболее известный пример – скифский бог войны, которому соорудались алтари из хвороста с укрепленным наверху мечом. Этому мечу поклонялись и приносили жертвы, в том числе и людей². У обских угров бог Чохрынь-Ойка воплощался в узком железном ноже, обмотанном цветным шнурком³. Имя этого божества переводится как “Стрекоза-Старик” или “Нож-Старик”. Он был связан с кузнечным промыслом и в состав жертв ему обязательно входили ножи или их имитации⁴. Изображение другого мансийского божества Шахэл-Ойки представляет собой обоюдоострый клинок с перекрестием и личиной на рукояти⁵. Возможно, пережитком подобных представлений является обычай удмуртских шаманов – туно плясать вокруг ножа, воткнутого посередине избы⁶. На жертвенных местах манси известны столбы с воткнутыми в них ножами⁷. Сходные обычаи существовали уже в гляденовское время. Следом такого столба могут быть скопления ножей на Юго-Камском и Гляденовском костыщах. Кроме того, ножи или их обломки найдены в жертвенных ямах №№ 68 и 83 Гляденовского костыща.

3. Миниатюрные топоры. Многообразная символика топора отражена во многих работах⁸. Стоит отметить, что у индоевропейских народов топор (молот) был прежде всего атрибутом бога грозы – Тора, Перуна, Перконса, Индры, Юпитера и т.д. У финно-угров сильнее выражена связь этого орудия с подземным миром или миром мертвых. Например, у коми считалось, что услышать стук топора на Святках ночью – к покойнику⁹. Топором удмурты копали яму при молении богу земли¹⁰, а также размечали могилу-кенотаф для человека, умершего на чужбине¹¹. На топоре жгли огонь во время поминок¹². Интересен в этой связи также

¹ Коми легенды и предания. С.121.

² Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1989, С. 121

³ Глушков И.Н. Чердынские вогулы. М, 1900. С.53.

⁴ Гемуев И.Н. Указ. соч. С. 32-34.

⁵ Там же. С. 134, Рис. 119;1.

⁶ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 105.

⁷ Чернецов В.Н. Жертвоприношение у вогулов // Этнограф-исследователь. 1927. №1. С. 21.

⁸ Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Советская археология. 1961. № 4; Голан А. Миф и символ. М., 1992; и др.

⁹ Традиционная культура народа коми. С.182.

¹⁰ Васильев И. Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1906. С. 264.

¹¹ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 164.

¹² Даркевич В.П. Указ. соч. С. 98.

обычай гадания на топоре, зафиксированный у коми-пермяков: во время болезни над раскаленными углями вешают на шнурке топор и перебирают имена умерших, а затем святых. При чьем имени топор колыхнется, тот и наслал кару¹. Здесь явно выражена связь топора с “тем светом”. Топор считался так же сильным оберегом, прежде всего от покойников². В поверьях коми-пермяков он связан также с благополучием скота: “хороший топор продавать не следует. Купишь новый – ломаться будет, да, пожалуй, и коров со двора выведет”³. Маленькие votивные топорики Гляденовского и Юго-Камского костыш также были связаны с хтоническими силами и могли быть амулетами-оберегами. Возможно также, что миниатюрные копии топоров, стрел и других предметов изготавливались для принесения в жертву каким-то мифическим маленьким существам, подобным чудам из коми-пермяцких верований⁴. Они также связаны с подземным миром.

4. Бусы. Среди бус на костышах абсолютно преобладают стеклянные с внутренней позолотой. Бусы этого типа скорее всего были солярными символами и были связаны с почитанием божества Солнца. Бусы, закопанные в жертвенных ямах, символизировали ночное Солнце, т. е. отражали поверье о путешествии светила в подземном (подводном) мире в ночное время. С солярным культом могли быть связаны также бусы, изготовленные из чистой меди и желтого стекла. Почитание Луны отражено в находках синих бус с белыми глазками (символ лунного диска на ночном небе) и бус из так называемого белого сплава. А. В. Шмидт полагал, что в гляденовском обществе бусы играли роль денег и в этом качестве использовались и на костышах⁵. Однако в данном случае он допустил явную модернизацию. Кроме того, если бы бусы выполняли роль денег, их бы чаще находили на поселениях, ведь “деньги” размером 3-12 мм очень легко потерять. А такие находки очень редки, они встречаются только на памятниках финального этапа гляденовской культуры (Пеньковское, Полуденковское, Коновалытское селища).

5. Бляшки. Бляшки гляденовских костыш в основном круглые, плоские, с одним или двумя ушками на обороте. Другие формы – парные, конические, выпуклые и т. д. – встречаются реже. На поздних костышах встречены бляшки с отверстием в центре. Примерно треть этих изделий изготовлена из меди, остальные из белого сплава, в одном случае из серебра. Медные бляшки были, скорее всего, символами Солнца,

¹ Смирнов И.Н. Указ. соч. С. 254.

² Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 162,175.

³ Смирнов И.Н. Указ. соч. С. 234.

⁴ Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. Пермь, 1975. С.107.

⁵ Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края. С. 21.

остальные – символами Луны. Сюда же относится бляшка в форме полумесяца со Слепушкинского костыща. В особую группу должны быть выделены бляшки с гравированными изображениями. Помимо этнографических аналогий, приводимых И. В. Белоцерковской, надо упомянуть удмуртские *дэндоры* – металлические жетоны с изображениями, которые служили показателями воршуда или рода. Их носили на одежде или хранили в святилище–куале¹. Бляшки со спиральным орнаментом могли быть связаны с почитанием змей. Медные и серебряные монеты, известные в материалах Гляденовского и, возможно, Останинского² костыщ, скорее всего, несли ту же смысловую нагрузку. Кроме того, изображения царей на кушанских монетах могли восприниматься гляденовцами как изображения богов.

6. Зооморфные изображения. Видовой состав зооморфных фигурок довольно разнообразен на Гляденовском костыще, значительно беднее на Юго–Камском. На поздних костыщах единично встречены фигурки змеи (Ильинское) и птицы (Усть–Туйское). Остановимся на каждом виде отдельно.

Собака (волк). В мифологии финно–угорских и самодийских народов это животное всегда связывается с хтоническими силами. В мифологии ненцев собака сторожит проход–дыру из Нижнего мира в земной, способна шаманить и видеть духов. Земля расположена на спине огромной черной собаки, плавающей в Океане. При этом у одного из ненецких родов был обычай изготовлять и хранить металлические фигурки собак³. Широко распространен миф о творении человека, где собака выступает как помощник, хотя и невольный, подземного божества. В наиболее распространенном варианте мифа черт или подземное божество дарит собаке шубу, и в результате она не выполняет своих обязанностей по охране человека. Этот миф известен у марийцев, мордвы, хантов, манси, коми и ненцев⁴.

Сюда же относятся поверья о четырехглазых собаках, которые могут видеть злых духов⁵, запреты давать собакам грызть медвежьи кости во время медвежьего праздника⁶. Удмурты во время грозы выгоняли собак на улицу. Считалось, что в собаке прячется Шайтан и молния может сжечь его вместе с собакой и домом⁷. В финской мифологии есть такой

¹ Атаманов М.Г. Указ. соч. С. 111.

² Теплоухов Ф.А. Период древнейших костыщ. С. 34.

³ Головнев А.В. Указ. соч. С. 402–406.

⁴ Традиционная культура народа коми. С.134.

⁵ Коми предания и легенды. С.118.

⁶ Головнев А.В. Указ. соч. С. 268; Анисимов А.Ф. Указ. соч. С. 123.

⁷ Плесовский Ф.В. Указ. соч. С. 44.

персонаж, как “пес Маналы”, т.е. подземного царства¹. Сходные представления о собаках (волках) и их связи с Нижним миром существуют у народов индоевропейской языковой семьи². Наконец, стоит упомянуть, что у хантов были божества, чьи имена переводятся как “Волк-старик” и “Собака-старуха”³.

Возвращаясь к материалам раскопок костыщ, надо отметить, что наи-большее количество фигурок собак встречено на Гляденовском костыще (рис.13, ф.9,10). Они составляют до 47% всех зооморфных фигурок этого памятника. Здесь они сочетаются с большим количеством ям, в том числе очень глубоких (до 90 см). Может быть здесь, эти фигурки символизировали сторожей “дырки в земле”, дороги из Преисподней в земной мир? На Юго-Камске фигурки собак тоже есть, но их меньше, чем птиц. Поэтому можно предполагать, что Гляденовское святилище было в большей степени связано с поклонением хтоническим силам, а Юго-Камское – небесным.

Птицы. Фигурки птиц, вид которых удастся определить хотя бы приблизительно, разделяются на две группы – хищных (условно – “орлы”) и водоплавающих (условно “утки”). Орел в мифологии угорских народов – символ самого верхнего яруса мироздания, зенита⁴, и в то же время посредник между богами и людьми. В карело-финской мифологии орел выступает как культурный герой:

“И орел огонь доставил,
высек он ударом пламя”⁵

И борец с хтоническими силами:

“Полетел орел прекрасный,
Устремился, что есть силы,
Чтобы вытащить ту щуку-
Рыбу с страшными зубами –
В Туонелы потоках страшных”⁶.

Мифологические представления уральских народов об утке (гусе, лебедь) с исчерпывающей полнотой изложены в работах В.В. Напольских⁷

¹ Калевала, руна 19 и др.

² Джумабекова Г.С. Бронзовая курительница из Семиречья // Российская археология. 1998. №2. С.131.

³ Головнев А.В. Указ. соч. С. 268.

⁴ Головнев А.В. Указ. соч. С. 264.

⁵ Калевала, руна 2. С. 50.

⁶ Там же. Руна 19. С. 229.

⁷ Напольских В.В. Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция // Советская этнография. 1990. № 1; он же. Древнейшие этапы происхождения ...; он же. Как Вукузэ стал создателем суши. Ижевск, 1993.

и не стоит их здесь пересказывать. Отметим только, что эти птицы выступают как творцы земли (суши), представители Верхнего мира, олицетворяют душу, выступают как посредники и исполнители приказов божеств. У обских угров их фигурки служили охранителями дома и рода, вместилищами души умершего¹. Нет никаких оснований сомневаться в том, что так называемый “миф о ныряющей птице”, возникший в палеолите, был известен людям гляденовской культуры, и изображения уток Гляденовского костыща имеют то же значение, что и у современных народов уральской языковой семьи.

Пчелы. Достоверные изображения пчел известны только на Гляденовском костыще (рис.13,ф.15). Как и птицы, пчелы были связаны с Верхним Миром. В Калевале пчела характеризуется как “легкий человек”, “быстрый человек”, “уменькая птичка”.

“Вверх летит на быстрых крыльях,
Над двором Луны взлетает,
Край затронула у Солнца
И Медведицы лопатку”².

Интересно также, что у удмуртов моление в честь посевов озимых проходило на территории пасеки, “как самом чистом, неоскверненном месте”³.

Барсук. Две фигурки барсуков найдены на Юго-Камском костыще. В этнографии и мифологии финно-угров нам не удалось найти следов каких-либо представлений, связанных с этим животным. остается предположить, что как и другие животные, живущие в норах, он был связан с Подземным миром. В числе других животных, барсук упоминается как зверь, созданный Эрликом – владыкой царства мертвых в мифах монгольских и саяно-тюркских народов⁴.

Баран, овца. Фигурок барана известно всего две – одна на Гляденовском костыще, подробно описанная А.П. Смирновым⁵, и одна – на Юго-Камском. В мифологии ряда народов баран (агнец) был с небом и Солнцем⁶. У гляденовцев это животное могло и не иметь самостоятельного религиозного значения. Железный баран с позолотой мог быть принесен в жертву просто как редкая и красивая вещь, а изображение с Юго-Камского костыща слишком невыразительно – это может быть и другое животное.

¹ Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения ... С.66, 70.

² Калевала, руна 19. С. 178-181.

³ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 241.

⁴ Мифологический словарь. С. 639.

⁵ Смирнов А.П. Фигурка барана ... С. 68-73.

⁶ Голан А. Указ. соч. С. 56, 195.

Бык. Множество мифов и поверий, связанных с этим животным приводит В. Е. Владыкин. Бык в большинстве случаев связан с водой, озерами, подземным (подводным) миром¹. Но в металлической пластике гляденовской культуры этот образ представлен слабо — известно лишь одно изображение коровы в материалах Гляденовского костыща. Видимо, крупный рогатый скот, хотя и занимал одно из первых мест в составе стада, не был особо почитаем в религиозном смысле.

Медведь. Почитание медведя в той или иной форме распространено практически везде, где водятся эти звери. Литература, посвященная вопросу огромна, и вряд ли стоит ее здесь пересказывать. Для выяснения вопроса о значении изображений медведя, найденных на Гляденовском и Юго-Камском костыщах наибольшее значение имеют представления, связанные с “медвежьим праздником”, имеющим очень древнее происхождение. Большинство изображений представляют животное в так называемой “жертвенной позе” — с головой, уложенной между лап. Фигурки стоящих или идущих медведей редки. Часто медведь рассматривался, как существо, связанное с хтоническими силами, воплощение подземного бога. Другие мифологические представления о медведе: предок человека, культурный герой, шаманский дух и т.д. возможно были в гляденовское время, но доказать это археологическими материалами невозможно.

Лось. Это животное занимает исключительно важное место в мифологии финно-угров. Л.С. Грибова считала, что у пермских народов он был наиболее священным животным². Однако в материалах костыщ его фигурки на удивление немногочисленны. Есть одно изображение лоса с волчьей пастью и еще одно сомнительное изображение. Вряд ли это можно объяснить заменой образа лоса-олениа образом коня, так как в зверином стиле ломоватовской культуры его изображения довольно многочисленны³. Скорее всего, у гляденовцев обряды, связанные с почитанием этого животного происходили не на костыщах, а непосредственно в лесу после охоты, как и медвежьи праздники.

Лошадь. Религиозно-магическое значение коня в представлениях финно-угорских народов исключительно велико. Он связывался со всеми тремя сферами мироздания (подземным, земным и небесным мирами, а также с водной стихией), был наиболее важным жертвенным животным. Велика его роль в аграрных культурах и в почитании предков⁴. Для нашей

¹ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С.78-87.

² Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. С. 85.

³ Оборин В.А., Чагин Г.Н. Указ. соч.

⁴ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 88-93; Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. С. 80-81 и др.

темы крайне важен вывод М. Г. Худякова, о том, что наиболее древним является образ солнечного коня, а впоследствии произошло его “расщепление” в соответствии с тремя сферами мироздания¹. Вероятно и фигурки коней с костяных, изготовленные из меди и бронзы, были связаны прежде всего с Солнцем и небом. Весьма вероятно также, что они почитались не сами по себе, а были символом небесного божества-всадника. Подобное явление зафиксировано у обских угров. Иногда на священных покрывалах обских угров *ялтын-улама* вышивалось изображение коня без всадника². В другом случае медный замок в виде конька находился в сердцевине матерчатого изображения *Калтац-эжвы*³.

Змея. Этот образ играл очень важную роль в мифологии и имел много значений. В первую очередь змея была связана с хтоническими силами. В Калевале из змей и ящериц сделана ограда потустороннего мира — *Похь-эль*⁴. По представлениям селькупов змея провожает и охраняет душу-тень по дороге в мир мертвых⁵ и вообще символизирует дорогу⁶. Очень ярко выражена связь змеи с водной стихией: “от воды змеи начало, родилась она в потоке”⁷. В то же время змея, как водное существо, считалась посредником между высшими силами, обитающими в верховьях и низовьях реки⁸. Кроме того, змея была связана и с Верхним миром. Она была символом молнии⁹. В одной удмуртской сказке говорится, что у змея во лбу — луна, а на языке — звезды¹⁰.

Ящерица. Скорее всего, изображения, найденные на Гляденовском костяшке, представляют не мифических ящеров, а реальных животных. Поверья коми, связанные с ящерицами приведены в работе А. С. Сидорова¹¹. В них она предстает как противник Солнца и, следовательно, существо хтонического мира.

“Многоножка”. Изображения этих существ (пауки, мокрицы) также связаны с хтоническим миром. Стоящими на пауках показаны богини,

¹ Худяков М.Г. Культ коня в Прикамье // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.-Л., 1933. Вып. 100. С. 261.

² Гемуев И.Н. Указ. соч. С. 116. Рис. 102.

³ Там же. С. 48-49.

⁴ Калевала, руна 26. С. 335.

⁵ Косарев М.Ф. Указ. соч. С. 190.

⁶ Головнев А.В. Указ. соч. С. 523.

⁷ Калевала, руна 15. С. 182.

⁸ Худяков М.Г. Культурно-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. Вып 11-12. С. 90.

⁹ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории ... С. 264.

¹⁰ Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда // Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1889. Т. XIV. Вып. 3. С. 188.

¹¹ Сидоров А.С. Указ. соч. С. 17-18.

изображения которых найдены около пос. Курган и хранятся в Чердынском музее. Условно датируются они VII-VIII вв.¹. В подписях к фотографиям эти существа названы ракообразными, но, судя по отсутствию клешней и хвостов, это пауки. В представлениях коми паук перевозит души умерших через смоляное озеро, поэтому их нельзя убивать или дразнить².

Свинья. Изображения свиньи в материале раскопок Гляденовского костыща немногочисленны. Изображены именно домашние свиньи, так как диких кабанов в Прикамье не было до XX века. Свинья (кабан, вепрь), также как и бык, связана в мифологии с Подземным миром³. Изображения этих животных известны на Подбыкском жертвенном месте⁴, а также на одной бляхе с Рождественского городища родановской культуры. В представлениях кочевников скифского времени кабан имел двойственную природу, помещался между Нижним и Средним миром, выполняя роль посредника, связующего звена⁵.

Бобр. В представлениях коми он аналогичен щуке и ящеру и, следовательно, относится к существам Нижнего мира⁶. Такое же значение он имел у обских угров. Находки изображений бобра известны на мансийских святилищах⁷.

Заяц. Это животное в представлениях манси выступает как одно из воплощений богини Калташ-эквы. Первоначальное значение ее имени "пробуждающая, рождающая, создающая". Она оказывает помощь беременным женщинам и роженицам⁸.

7. Антропоморфные изображения. Человеческие фигурки могут иметь самое разнообразное культовое значение. Остановимся на некоторых возможных интерпретациях.

Изображения богов (духов). Среди фигурок людей с костыщ очень много изображений, наделенных какими-либо сверхъестественными чертами. Их стоит перечислить поединично:

– Крупный (17 см высоты) орнитоантропоморфный идол с Гляденовского костыща (рис.14). Он изображает человеческую фигуру с птичьими крыльями и в крылатом головном уборе.

¹ Оборин В.А., Чагин Г.Н. Указ. соч. Рис. 134-135.

² Традиционная культура народов коми. С.155-156.

³ Голан А. Указ. соч. С. 200.

⁴ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Табл. LI. Рис. 11.

⁵ Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства Евразийских степей скифской эпохи. М., 1994. С.48.

⁶ Сидоров А.С. Указ. соч. С. 17.

⁷ Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989. С. 149.

⁸ Гемуев И.Н. Указ. соч. С. 200-201.

– Фигурка человека с круглой головой и птичьими крыльями.

– Серебряная литая подвеска-медальон. На лицевой стороне изображена композиция – человеческая фигура с 5 рогами, стоящая на волке или ящере. В руках существа – две головы животных. Сам автор раскопок считал, что на голове у этого существа изображены два длинных уха, а Ф. А. Теплоухов полагал, что это перья¹. В любом случае изображено явно сверхъестественное, потустороннее существо.

– Фигура человека, сидящая, свесив ноги на бок верхом на животном (рис. 13, ф. 8). В. Ф. Генинг называет это животное драконом², но, скорее всего, это волк. На груди человека нанесен спиральный орнамент, возможно символизирующий свернувшуюся змею. Атрибуты этого персонажа позволяют и его отнести к существам “инога мира”.

– Фигура человека с заостренной головой. Иконографически напоминает некоторых угорских идолов³. Остроголовость или островерхий головной убор вообще является отличительной чертой сверхъестественных существ⁴. В материалах Гляденовского костыща есть и другие фигурки с приостренной головой, но они слишком схематичны, и сложно сказать, придана ли эта форма головы намеренно.

– Фигурки людей со змеями. Они могут изображать хтонические персонажи, а может быть какой-то обряд с использованием змей.

Фигурки птицелюдей, несомненно, изображают небесные божества (духов), а пятирогая фигура на ящере – божество хтоническое. С хтоническими силами, вероятно, связаны и изображения людей в сочетании со змеями, а также всадник на волке. Персонажи с острыми головами в фольклоре обских угров обычно связаны с лесом – добрые духи *Мисхум* и злые великаны *Мэн-квы*. Один из персонажей коми-пермяцкого фольклора, отождествляемый с лешим, представлялся в виде всадника в островерхой шапке⁵. Марийский Млит, которого представляли в виде великан в островерхой шапке, также напоминает славянского лешего⁶. Возможно, гляденовские остроголовые фигурки также изображают лесных духов.

Предположительно изображениями божеств или обожествленных предков могут быть и парные фигурки, так называемые “близнецы”. Культ божественных близнецов известен в самых разных традициях.

¹ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. С. 67.

² Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С. 157.

³ Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Указ. соч. С. 87.

⁴ См., например: Гемуев И.Н. Указ. соч. Рис. 125.

⁵ Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. С. 80.

⁶ Нижегородские марийцы. С.176-177.

В мифологии коми близнецами считались Ен и Омоль (Куль), которые вылупились из двух яиц, снесенных уткой в Первичном Океане¹.

На Гляденовском костище известны изображения птиц, иногда двух-головных с человеческой личиной на груди². В угорской мифологии так изображался Небесный Карс – персонаж, связанный с Мирсуснэхумом, наиболее почитаемым божеством угорского пантеона³.

Особую группу изображений составляют всадники. Судя по всему, они относятся к позднему этапу существования костищ. Ближайшие аналогии им известны на памятниках позднегляденовского и ломоватовского времени – селище Пеньки, Бутырском и Черновском 1 городищах и др. Датируются они 4-6 вв.⁴. Представление о боге-всаднике свойственны многим народам. Наиболее яркие примеры в финно-угорской и самодийской мифологии – Мирсуснэхум (манси), Ича (селькупы), Вяйнемейнен (финны). Все эти персонажи сочетают черты героя-богатыря и культурного героя, а иногда бога грома. Возможно, таких богов изображают и гляденовские всадники, некоторые из которых вооружены луками, а один имеет острую голову (шлем).

Изображения людей могли быть заменителями человеческих жертв. Прежде всего, это относится к медной фигурке из жертвенной ямы № 68 Гляденовского костища, в ямах №№ 63 и 66 найдены глиняные антропоморфные статуэтки позднеананьинского облика. Характерно, что человеческих костей на Гляденово до сих пор не найдено. Возможно здесь, в отличие от Юго-Камска, вместо живых людей приносились в жертвы их заменители – фигурки. Такими заменителями могут считаться также фигурки с обломанными головами и конечностями, найденные в культурном слое костища. У манси известен обычай изготавливать и приносить на святилища человеческие фигуры в случае болезни ребенка⁵. Они символизировали посвящение ребенка божеству, т.е. видоизмененное жертвоприношение, другие фигуры посвящены умершим от голода матерям и детям⁶. Разумеется, существование подобных обычаев археологическими методами доказать невозможно, ни и исключать такую возможность нельзя.

¹ Сидоров А.С. Указ. соч. С. 14.

² Спицын А.А. Гляденовское костище. Табл. IV;11, 17, 19, 22.

³ Плотников Ю.А. Клады Приобья... // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С.131.

⁴ Мельничук А.Ф., Соболева Н.В. Селище Пеньки – памятник харинского времени на р. Чусовой // Приуралье в древности и средние века. Ижевск, 1986 или 1983. С. 108.

⁵ Гемуев И.Н. Указ. соч. С. 146.

⁶ Там же.

Еще одна возможная функция антропоморфных изображений – вместилища душ умерших – аналог угорских иттарма (иттерма, иттырма). Эту возможность подробнейшим образом обосновал В.Ф. Генинг, и повторяться нет необходимости. Подчеркнем лишь, что эта интерпретация не является доказательством погребального характера костищ.

8. Литники. Находки небольших бесформенных слитков меди, условно названных литниками, довольно часты на Гляденовском костище, один найден на Ильинском. В связи с этим необходимо упомянуть об одном обычае, сохранившемся у современных марийцев. Во время варки жертвенного мяса старший жрец расплавлял кусок олова и выливал на сковороду. Если образовавшийся слиток формой напоминал животное, считалось, что жертва угодна богам¹. Надо полагать, что такие своеобразные гадания применялись и гляденовцами, только вместо олова они использовали медь. Некоторые из этих слитков по форме отдаленно напоминают каких-то животных.

9. Изделия из костей животных. Большое количество нижних челюстей со срезанной скуловой частью известно в материалах Гляденовского костища. Учтено 9 челюстей медведя, 12 – лошади (в том числе 10 – в одном скоплении), 3 – неопределимых. “Отрезанная нижняя челюсть медведя” найдена также на Гаревском костище². У прикамского населения эпохи раннего железного века вообще прослеживается особое отношение к нижним челюстям. Практически всегда у приносимых в жертву животных и людей они удалялись. В материалах Гремячанского святилища известна большая серия подвесок-амулетов из челюстей куниц и других небольших животных. С другой стороны, на Юго-Камском, Гляденовском костищах известны большие выкладки из нижних челюстей лошади³. На Юго-Камске они обожжены, а на Гляденове у них срезаны скуловые части.

В связи с этим можно привести поверье, зафиксированное у якутов: сила шамана заключалась в нижней челюсти, его невозможно было убить, не вывернув предварительно его нижнюю челюсть⁴. По поверьям коми, сила колдуна теряется после выпадения у него зубов⁵.

Вероятно, гляденовцы тоже считали нижнюю челюсть местом сосредоточения жизненной силы, вместилищем души. В таком случае удаление и особая обработка нижней челюсти принесенного в жертву животного

¹ Чагин Г. Н. Указ. соч. С. 85.

² Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах ... С. 9.

³ Поляков Ю.А. Гляденовская культура. С. 11.

⁴ Окладников А.П. Открытие Сибири. М., 1981. С.199.

⁵ Конаков Н.Д. Представления о колдовстве и колдунах у народов коми. Глазов, 1997. С.50.

означала полное умерщвление, окончательную отправку в потусторонний мир. При жертвоприношениях челюсть могла заменить все животное по принципу “часть за целое”. Аналогичные скуловые подрезы челюстей, правда, кабаньих, отмечены при обнаружении священного дуба древних славян близ устья Десны¹. Возможно, медвежьи и лошадиные челюсти на костищах также вставлялись в пазы, в стволе дерева или столба. В пользу этого предположения говорит находка скопления из 10 лошадиных челюстей на Гляденовском костище. Кроме того, челюсти диких животных могли иметь отношение к охотничьим культам. В число охотничьих фетишей эвенков входили нижние челюсти лосей, которые вместе с другими предметами надевались на идола перед началом охоты². Как охотничьи амулеты могут быть истолкованы и просверленные зубы, и клыки медведя, находимые на костищах. Один из них обработан таким образом, что напоминает голову какого-то животного. Амулеты из челюстей, зубов и клыков зверей и рыб известны также у коми и коми-пермяков³, обских угров⁴, восточных славян⁵, тюрков⁶.

Фрагменты лосиных рогов с подтеской или шлифовкой найдены на Гляденовском, Гаревском и Слепушкинском костищах. Они могли иметь значение аналогичное челюстям и зубам и, кроме того, являться фаллическими символами. Интерпретировать трубчатые кости и бабки животных с просверленными и выдолбленными отверстиями пока затруднительно.

10. Гальки, отбойники, кресальные кремни, песты-терочники, точильные камни. Крупные гальки и песты, целые и расколотые встречаются на ряде костищ – Гляденовском, Юго-Камском, Гаревском. Иногда они располагались скоплениями в культурном слое, а на Гляденовском костище – также в составе жертвенных комплексов (ямах). На эту категорию находок почти не обращалось внимания. Лишь В.Ф. Генинг предположил, что гальки играли роль вместилища души как чуринги австралийских аборигенов⁷. Однако можно найти и более близкие аналогии. Почитание камней необычной формы зафиксировано у манси, один из богов у них назывался Ахтвасойка – Камень-старик. Основой его

¹ Ивакин Г.Ю. Священный дуб языческих славян // Советская этнография. 1979. № 2.

² Анисимов А.Ф. Указ. соч. С. 22-23.

³ Белицер В.Н. Указ. соч. С.321.

⁴ Чернецов В.Н. Орнамент ленточного типа у обских угров // Советская этнография. 1948. № 1.

⁵ Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 267.

⁶ Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972. С.115.

⁷ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С. 175.

изображения служил кусок железной руды¹. У хантов галька почиталась в связи с культом лося, а камень-кукла “пакы” использовался в шаманских обрядах². У ненцев камень особой формы хранится в каждой священной нарте. Он считается покровителем оленей и детей. Сердце-камень (сей пэ) кладут детям в люльку³. В связи с этим интересно, что и на костыщах найдены камни и гальки необычной формы – антропоморфные (Гляденово), ладьевидные (Юго-Камское, Гаревское). Обряд дробления галек находит интересную аналогию в удмуртском мифе, приводимом Ф. В. Плесовским: “Всех на земле было семь братьев, которые молотами разбивали камень и говорили при каждом ударе “Господи, благослови! А Шайтан – будь проклят!”. Из каждого отлетевшего осколка становился ему товарищ. Тогда братья прогнали его с неба, как непослушного и вероломного...”⁴. Здесь дробление камня связано, во-первых, с подземным миром (образ Шайтана), а во-вторых, с созданием новой жизни, то есть с плодородием, размножением. Скорее всего, такой же смысл имело и дробление гальки на Гляденовском костыще, тем более, что гальки помещены в яму-жертвенник подземному божеству (ямы №№ 64 и 66). Связь галек с плодородием прослеживается и в коми-пермяцкой примете: “если весной дети собирают галю – хлеб родится, если шишки – будет неурожай”⁵. В мифологии ряда народов – славян, греков, мексиканских индейцев, евреев камень также ассоциируется с богом земли⁶. Кроме того, круглые и овальные гальки, в изобилии найденные на костыщах, могли обозначать яйцо – символ творения и жизни.

На Юго-Камском и Гаревском костыщах найдены точильные камни. Эти предметы также имели помимо утилитарного и магического значение. Они играли роль оберега у ненцев и коми⁷. Кроме того, точило “символизировало... воспроизводящие способности человека, перекликалось с идеей небесного огня”⁸.

Кресальные кремни, в том числе сделанные из ножевидных пластин каменного века, также могли иметь магическое значение. Согласно

¹ Гемуев И.Н. Указ. соч. С. 113.

² Кулемзин В.М. Шаманство васюганских хантов // Из истории шаманства. Томск, 1976. С.96.

³ Головнев А.В. Указ. соч. С. 492.

⁴ Плесовский Ф.В. Указ. соч. С.44.

⁵ Смирнов И.Н. Указ. соч. С. 234.

⁶ Голан А. Указ. соч. С. 89-90.

⁷ Шарапов В.Э. Указ. соч. С. 44.

⁸ Семенов В.А. Этнографо-археологические параллели одному ритуальному символу пермских финно-угров // Материалы Международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т. 1. С. 103-105.

представлением марийцев, верховный бог Кугу-Юмо создает добрых духов, высекая их из кремня¹.

11. Железные стержни. Их назначение определялось по-разному. А. А. Спицын ограничился замечанием, что назначение стержней неизвестно². Первый исследователь Гляденовского костыща определял эти предметы как стержневые наконечники стрел³. Однако ни в ананьинской, ни в ломоватовской культуре таких наконечников нет. Нет их и в смежных культурах пьяноборской культурно-исторической области. В.Ф. Генинг считал эти стержни крючками или гвоздями для подвешивания жертвенных вещей. Его мнение подтверждается одной из находок Гляденовского костыща – бляшкой, в ушко которой был продет тонкий железный стержень. Но помимо этого, стержни могли иметь и самостоятельную роль в качестве жертвенных предметов. Они найдены в ряде жертвенных ям Гляденовского костыща (№№ 22, 81, 83, 84). В этнографии обских угров известен обычай приносить в жертву иглы в случае рождения в семье девочки⁴. Иглы с выраженными ушками в материале костыща немногочисленны – 5–6 экз.⁵ Роль жертвенных иголок могли играть функционально тождественные шилья или проколки. В таком случае следы древесины, встреченные на многих стержнях – это остатки деревянных рукоятей. Кроме того, как и другие острые предметы, железные стержни и шилья могли считаться оберегами, отпугивающими злых духов. Иголка без ушка или булавка по представлениям удмуртов служила оберегом от колдунов и покойников⁶.

Таким образом, судя по материалам костыщ, в основе космологических представлений гляденовцев лежало представление о трех ярусах или сферах мироздания – Неба, поверхности земли и Нижнего Мира. Судя по приуроченности костыщ к рекам и родникам, можно предположить, что Нижний Мир мыслился как озеро или река. В центре мира находилось мировое древо или столп. На костыщах его символизировали столбы или шесты, иногда врытые очень глубоко. Кроме того, символом центра Вселенной могли быть в представлениях гляденовцев и сами горы, на которых располагались костыща. Со всеми тремя сферами связывались

¹ Мифологический словарь. С.300.

² Спицын А.А. Гляденовское костыще. С. 29.

³ Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще. С. 59.

⁴ Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Указ. соч. С. 41.

⁵ Спицын А.А. Гляденовское костыще. С. 30.

⁶ Черных А.В. Символика одежды у куединских удмуртов в начале XX в. // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Глазов, 1997. Ч.2. С.117.

определенные божества, антропоморфные или зооантропоморфные. Божества Верхнего Мира представлялись в образе птичеловека или всадника. Хтоническое божество изображено в виде рогатого, человека, стоящего на ящере. Сложнее определить изображения сверхъестественных существ, живших на поверхности земли. Возможно, они изображались как люди с острыми головами. Божествам и духам трех миров приносились кровавые и вещевые жертвы. Сожжение и развешивание на шестах и деревьях было связано с Верхним Миром, закапывание — с Нижним, втыкание в стволы и размещение на поверхности — со Средним. Что касается почитания различных животных, то вряд ли в это время можно говорить об их “культе” и, тем более, о тотемизме. Все они в той или иной степени связывались с божествами трех миров, считались их символами или воплощениями. Может быть, единственное исключение представляет медведь. Из природных объектов наиболее почитаемым было Солнце. Помимо многочисленных соляных предметов (бус, бляшек) об этом говорит также первоначально расчищенная площадка Юго-Камского костыща. Она имела ярко-красный цвет, так как материк на Юго-Камском костыще — глина темно-красного, почти бордового цвета. Правда, площадка имела не строго круглую, а овальную форму. Но в связи с этим можно вспомнить старое поверье, что на Пасху Солнце “играет”, то есть меняет форму. Возможно, что и здесь было изображено “играющее” Солнце, скорее всего закатное. Неизвестно, почитался ли гляденовцами сам солнечный диск, или Солнце воплощалось в каком-либо образе. Одно из гравированных изображений Гляденовского костыща может говорить в пользу последнего предположения. Почитание огня, широко представленное на костыщах, могло быть также связано с соляным культом. Кроме того, огонь и дым считались очистительным средством и посредником между людьми и богами, передатчиками жертв из земного мира в Верхний. Почитание Луны выражено менее ярко (бляшки из белого сплава и в виде полумесяца, возможно посеребренные бусы).

Ю. А. Поляков предполагал наличие у гляденовцев шаманистских представлений. Фигурки животных и миниатюрные копии различных предметов в таком случае являлись принадлежностями шаманского костюма¹. Несомненно, что обряды на костыщах проводились под руководством каких-то служителей культа. Но невозможно доказать, что они были именно шаманами в том смысле, в каком этот термин употребляется сибирскими, дальневосточными и другими народами, то есть непосредственно общались с духами и даже повелевали ими. О возможных интерпретациях

¹ Поляков Ю.А. Гляденовская культура. С.17.

фигурок и миниатюрных копий говорилось выше, они весьма разнообразны. Таким образом, вопрос о шаманизме в гляденовское время остается открытым, и, видимо, останется открытым навсегда.

Что касается культа предков, то, по замечанию Ю. А. Полякова, представление гляденовцев о загробной жизни связывалось с заботой о душе, а не с телом умершего человека. Об этом свидетельствует захоронение умерших без вещей¹. Вероятно, значительная часть поминальных обрядов выполнялась не на могильниках, а на костыщах. Но строго связать с этими обрядами конкретные группы вещей или объекты не представляется возможным. Так, фигурки птиц могли символизировать души умерших², но могли иметь и другое значение.

Судя по некоторым фигуркам Гляденовского костыща, у гляденовцев могли существовать мифы, широко известные у многих народов. Это, прежде всего, миф о сотворении земли, где главным героем выступает водоплавающая птица - утка, гусь, гагара и т.д. Конечно, по отдельным изображениям этих птиц невозможно определить был ли это “миф о ныряющей птице” или о “творении из яйца”. Другие мифы – о божественных близнецах, небесном всаднике и борьбе со змеем – также распространены едва ли не по всей Евразии.

Таковы основные черты религиозных воззрений населения гляденовской культуры по материалам костыщ. Более детальное ее описание пока затруднительно. Необходимы дальнейшие и как можно более тщательные исследования памятников.

3.7. Причины изменения обрядности костыщ на позднем этапе гляденовской культуры

Термин “малые костыща” обычно применяется по отношению ко всем памятникам этого типа, кроме Гляденовского, площадь которого не менее 11 тыс. кв. м. По сравнению с этим площадь прочих костыщ действительно может показаться малой. Однако, надо сказать, что первые исследователи обычно считали костыщами только слой сплошных сырых костей, иногда видимый на поверхности. На самом же деле этот слой является только центральной частью, а площадь святилищ значительно больше. Например, А. Ф. Теплоухов определил размеры Усть-Туйского костыща как 8,5 x 4,5 сажени³, т. е. 180 кв.м. Площадь раскопа В. Ф. Генинга

¹ Поляков Ю.А. Гляденовская культура. С.18.

² Там же.

³ Теплоухов Ф.А. Период древнейших костыщ. С. 19.

1952 г. составила 450 кв.м, и при этом слой продолжался во все стороны. Площадь распространения костей на Слепушкинском костеище около 2 тыс. кв. м притом, что часть памятника размыта Камским водохранилищем. Площадь Ильинского костеища также гораздо больше, чем определенные А. Ф. Теплоуховым 16 x 6 сажень или чуть более 200 кв.м. Она составляет не менее 3 тыс. кв.м. Конечно и эти цифры сильно уступают площади Гляденовского святилища, но вполне сопоставимы с Юго-Камским, площадь которого около 2 тыс. кв. м.

Однако главное отличие костеищ исследованных в Верхнем Прикамье и на р. Сылве от более южных Гляденовского и Юго-Камского заключается не в размерах и мощности культурного слоя, а в характере жертвенных сооружений и наборе вещевого материала. На этих памятниках не встречено таких деталей как столбовые и жертвенные ямы (кроме Усть-Туйского), галечниковые площадки, не выражена радиальная планировка, нет укреплений. Вещевой набор значительно беднее как по количеству категорий, так и по общему количеству вещей. Ф.А. Теплоухов объяснял это второстепенным значением этих костеищ и сравнительно непродолжительным пользованием каждого из них¹. Этими причинами можно объяснить разницу в количестве находок, но не в их разнообразии и характере объектов. На наш взгляд, другие причины этого явления можно разделить на несколько групп:

1. Хронологические. Ко времени возникновения поздних костеищ выходят из употребления некоторые категории вещей - бронзовые наконечники стрел, кремневые изделия, бляшки с ушками на обороте, некоторые типы бус.

2. Внешние. Резко сокращается поступление импортных украшений, прежде всего бус. Это связано, прежде всего, с политическими событиями в степной полосе и Северном Причерноморье – Великое переселение народов, так называемый “кризис III века” в Римской империи. В более близких к Пермскому Прикамью областях также происходили большие изменения этнического и социального характера. В.Ф. Генинг указывает целый ряд передвижений: убаларских и кара-абызских племен – к северу, чегандинских – на Вятку и в Нижнее Прикамье, осинских, предположительно, – на северо-запад, в верховья Чепцы². Все эти передвижения могли перекрыть торговые пути, и импорт с юга резко сократился.

3. Самая же главная причина упрощения обрядов и обеднения материала поздних “малых” костеищ по сравнению с Юго-Камским, и, особенно,

¹ Теплоухов Ф.А. Период древнейших костеищ. С. 1.

² Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С.220.

с Гляденовским состоит во внутренних изменениях в самом гляденовском обществе. Эти изменения выражаются прежде всего в переселении части населения в северные и северо-восточные районы. Исследователи датируют это переселение по-разному: I в. н. э.¹, III в.², рубежом IV-V вв.³ Судя по материалам Усть-Туйского костыща, наиболее верна дата, предложенная Ю. А. Поляковым. По мнению этого археолога, население пермского варианта было частично покорено и обложено данью очерским племенем гляденовской культуры, а частично вытеснено на север. При этом завоеватели основали на покоренных землях свои городища: Юго-Камское II — в центре Юговской племенной территории и Федотовское — в центре Мулянской⁴. Однако вряд ли это соответствует подлинной картине взаимоотношений разных племен гляденовской культуры. Юго-Камское II городище расположено на довольно низком (6-7 м) левом берегу р. Юг, имеет довольно бедный культурный слой мощностью 20-25 см и слабые укрепления. Оно никак не похоже на “цитадель” с гарнизоном завоевателей. Укрепления Федотовского городища разрушены пахотой задолго до начала раскопок, но, похоже, и они были не очень мощными. Анализ вещевого материала Гляденовского и Юго-Камского костыщ показывает, что большие ценности продолжали аккумулироваться на них вплоть до IV-V вв. В таком случае, чем же выплачивалась дань? Никаких следов военных действий — пожарищ, костяков со следами ранений и т.д. — на памятниках мулянской группы не встречено. Материал верхнекамских костыщ, особенно Гаревского показывает, что они использовались и пермским, и осинским населением. Маловероятно, что завоеватели вместо того, чтобы спокойно эксплуатировать побежденных, последовали за беженцами в незаселенную тайгу, где стали мирно сосуществовать с ними и молиться на одних и тех же святилищах. Основная причина переселения, повидимому, перевыпас скота, а не слишком большое количество людей или, тем более, какая-либо “гражданская война”. Кроме того, могли сыграть свою роль и природные факторы — ухудшение климата, которое повлияло на все население гляденовской культуры, независимо от племенной принадлежности. При этом переселенцы наверняка сталкивались со значительными трудностями при освоении этих незаселенных районов и имели гораздо меньше времени и сил для выполнения сложных и трудоемких обрядов — сооружения декоративных валов и рвов, вытесывания и вкапывания столбов-идолов, изготовления вотивных фигурок и вещей и т.д.

¹ Поляков Ю.А. Гляденовская культура. С. 19.

² Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья. С. 220.

³ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С. 112.

⁴ Поляков Ю.А. Гляденовская культура. С. 19.

Кроме того, эти люди в религиозном отношении, скорее всего, были гораздо меньшими “консерваторами”, чем оставшиеся на прежних местах в среднем Прикамье и могли быть беднее в материальном отношении. Тем не менее, главный обряд костищ – массовое жертвоприношение скота с последующим сожжением части мяса и костей и ритуальным пиршеством – сохранился. Для развешивания жертвенных вещей вместо шестов и столбов могли использоваться простые деревья, а вместо рукотворных углублений – естественные западины и промоины, как прослежено на костище Слепушка. Наиболее распространенные жертвенные вещи – стрелы, бусы и миниатюрные сосуды – также сохранили свое сакральное значение. Остальные предметы, видимо, не были столь обязательны в ритуале поздних костищ и поэтому крайне редки.

На поздних костищах, на наш взгляд, происходит упрощение ритуальных церемоний, обусловленное, видимо, их направленностью в первую очередь на отправление культа плодородия и магических действий, связанных с охранительными или очистительными обрядами, помогающими избежать мора домашнего скота (например, обряды против “Коровьей смерти”). Выход на первые роли в экономике древнепермского общества животноводства и, соответственно, земледелия способствовал постепенному исчезновению антропоморфных (культ предков переносится на родовые кладбища) и зооморфных изображений, votивных предметов и бусинного материала с площадок святилищ.

Преобладающим вещественным материалом остаются только наконечники стрел, традиционные орудия убийства жертвенных животных, связанные с отправлением древних ритуалов охотничьей (промысловой) магии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основными признаками костниц гляденовской культуры являются следующие:

1. Наличие слоя пережженных костей и костной золы;
2. Наличие слоя сырых костей, который расположен вокруг зольного слоя, а иногда перекрывает его;
3. Расположение на возвышенных местах – мысах, водоразделах, у края надпойменных террас. Минимальная высота от уровня воды наблюдалась на Усть-Туйском костнице – 12 м, максимальная – на Юго-Камском – 84 м.
4. Многие костница (Гляденовское, Юго-Камское, Слепушкинское, Ильинское, Ломотинское, Панкрашинское) приурочены к родникам и выходам грунтовых вод.
5. Приуроченность к углублениям (рукотворным или естественным).
6. Отсутствие следов больших долговременных сооружений. По-видимому, все обряды проводились под открытым небом.
7. Состав находок – наконечники стрел, украшения, миниатюрные жертвенные сосуды. Эти категории находок встречены на всех костницах, подвергавшихся раскопкам. Исключение составляют Останинское и Панкрашинское костница, на которых не найдены жертвенные чашки, но эти памятники изучены недостаточно.

По размерам, сложности устройства, богатству и разнообразию материала выделяется Гляденовское костнице. Видимо, оно имело особый статус среди святилищ гляденовской культуры. Многие вещи с этого памятника находят аналогии в разных археологических культурах – карабызской, чегандинской, усть-полуйской и т. д. Это можно объяснить не абстрактными «контактами» и «связями», а реальными посещениями костница представителями населения этих культур. Универсальным характером этого святилища объясняется и необычайное богатство и разнообразие материала, особенно украшений. Прочие костница имели локальный характер и использовались только населением племенных групп, на территориях которых они находились.

Костища были святилищами, на которых поклонялись многим божествам, имевшим антропоморфный или зооантропоморфный облик. Многообразие этих божеств определяет многообразие религиозных обрядов и церемоний, проводившихся на костищах, особенно ранних. Этой же причиной можно объяснить и многообразие вещей, найденных на костищах. Некоторое упрощение обрядности, наблюдаемое на поздних костищах, не означает каких-то глубоких изменений в религиозных представлениях гляденовцев. Оно вызвано, прежде всего, экономическими причинами – следствиями переселения части населения на необжитые места.

Почти все черты религиозной обрядности костищ находят аналогии на святилищах поволжских и уральских культур раннего железного века. В какой-то степени это свидетельствует об общности религиозных представлений населения этих культур. Но сочетание этих черт на костищах является уникальным. Существование этих оригинальных святилищ обусловлено рядом факторов, прежде всего интенсивным развитием скотоводства у гляденовских племен. Другой важный фактор – отсутствие большой внешней опасности. В пьяноборскую эпоху Среднее и Верхнее Прикамье было надежно прикрыто от вторжений с юга Чегандинским и, особенно, кара-абызским союзами племен, имевших довольно сильную военную организацию. С самими же чегандинцами и кара-абызцами гляденовцы поддерживали в основном мирные отношения. Об этом свидетельствует большое количество предметов, найденных на костищах и характерных для этих культур.

Причины упадка и исчезновения костищ Прикамье впервые попытался установить А.В. Шмидт. Упадок костищ в Пермском Приуралье он связывал, прежде всего, с развитием торговых отношений и аккумуляцией богатств не на святилищах, являющихся эгалитарными общинными институтами, а у племенной и военной элиты «рост феодальных элементов общества»¹.

Выводы А. В. Шмидта в целом верны. Надо только добавить, что сами социально-экономические изменения были вызваны не только внутренним развитием гляденовского общества, но и внешними факторами. Речь идет о появлении в Пермском Прикамье курганных могильников. Большинство исследователей считает носителей этого нового для Прикамья погребального обряда выходцами из степных районов южного Зауралья – носителями саргатской культуры². Точка зрения Ю. А. Полякова³, что

¹ Шмидт А.В. О доисторических жертвенных местах ... С. 29.

² Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С. 134.

³ Поляков Ю.А. Гляденовская культура. С. 19.

никакого переселения не было, а курганные могильники принадлежат гляденовскому населению, изменившему погребальный обряд под влиянием южных соседей, кажется менее убедительной.

Это проникновение датируется рубежом IV-V вв. Количество пришельцев, их этническая принадлежность и характер взаимоотношений с местным населением остаются предметом дискуссий. Например, население саргатской культуры определяется как ираноязычное, угорское, самодийское, угорско-иранское¹. Н. В. Кулябина подчеркивает роль сармат², но для данной темы это не имеет большого значения. Важно то, что этнические изменения сопровождались социальными. Этот процесс нашел яркое отражение в появлении в Пермском Приуралье курганных захоронений с богатыми погребениями воинов (Мокино, Броды, Бурково и т. д.).

В руках этой новой элиты происходила аккумуляция богатств, что сопровождалось возникновением новых идеологических установок, связанных, прежде всего, с войной, культом оружия и военных вождей. Конечно, это не означает, что старые религиозные представления полностью исчезают. В указанный период жертвенные места начинают приобретать облик «священных рощ», где проводились довольно скромные аграрные праздники, связанные с культом плодородия и природы. Они были подобны этнографически известным священным местам «Три Елочки», Плотниково, Сюзьпозья и т. д. Обряды, связанные с почитанием предков, а также хтонических божеств, переносятся на могильники.

Крупные жертвенные места, насыщенные костями древних животных, ритуальными объектами и предметами, в эпоху средневековья продолжают функционировать на территориях тех древних обществ, в которых, несмотря на появление начальных форм производящей экономики, продолжали развиваться традиционные сферы человеческой деятельности — охота и рыболовство. Наиболее яркими святилищами этого времени являются жертвенное место Подбобыка на р. Колве, которое явно оставлено таежными охотниками, скорее всего, ванвиздинского культурного круга, а также Чаньвенская пещера, связанная с вогульскими (мансийскими) группами населения.

¹ Голдина Р.Д. Этническая история пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т.1. С. 25.

² Кулябина Н.В. К вопросу о роли сармат в этнической истории Прикамья // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тезисов докладов конференции, посвященной 100-летию А.П. Смирнова. М., 1999. С. 53-56.

В связи со сложными социально-экономическими процессами, происходившими в общинах древнепермского населения на рубеже IV-V вв., сложная культовая обрядность, свойственная костыщам, постепенно трансформировалась в ритуальное поедание жертвенных животных на праздниках «быкобоев», которые сохранялись у коми-пермяцкого населения вплоть до XX в. Характерно, что в этих обрядах, а также в фольклорных преданиях отражен процесс замены лосей, оленей и ланей, традиционных жертвенных животных, рогатым домашним скотом. Многие подобные праздники приурочены к дням христианских святых, являющихся покровителями животных (Флор, Лавр, Василий, Илья-Пророк) или носителям культа плодородия (Богородица).

Сохранение многих черт обрядности костыщ до этнографической современности объясняется относительно непрерывной линией развития культур раннего железного века и средневековья вплоть до русской колонизации Урала.

Список источников и литературы

Государственный исторический музей

1. Коллекция № 40974. Гляденовское костыще. Раскопки С.И. Сергеева и Н.Н. Новокрещенных. 1896-1897 гг.

Кабинет археологии ПГУ

2. Коллекция № 93. Усть-Туйское костыще. Сборы В. Ф. Генинга, 1949 г.

3. Коллекция № 96. Ильинское костыще. Сборы В. Ф. Генинга. 1949 г.

4. Коллекция № 101. Старо-Гаревское костыще. Сборы В. Ф. Генинга, 1949 г.

5. Коллекция № 283. Коновалыатское селище. Раскопки Ю. А. Полякова, 1953 г.

6. Коллекция № 533. Костыще “Костяная горка”. Сборы Г. Шокшуева, 1957 год.

7. Коллекция № 561. Гляденовское городище. Сборы А. Д. Вечтомова, 1957 г.

8. Коллекция № 562. Гляденовское городище. Сборы А. Д. Вечтомова, 1958 г.

9. Коллекция № 879. Юго-Камское II городище. Раскопки Ю. А. Полякова, 1964 г.

10. Коллекция № 911. Юго-Камское II городище. Раскопки Ю.А. Полякова, 1965 г.

11. Коллекция № 974. Гляденовское костыще. Сборы Ю. А. Полякова, 1966г.

Пермский областной краеведческий музей

12. Коллекция № 11311. Косьвинское костыще. Раскопки А. Е. Теплоухова.

13. Коллекция № 11312. Панкрашинское костыще. Раскопки А. Е. Теплоухова.

14. Коллекция № 11313. Гаревское костыще. Раскопки А. Е. Теплоухова.

15. Коллекция № 11320. Останинское костыще. Раскопки Ф.А. Теплоухова.

16. Коллекция № 11369. Находки у д. Фекленки. Коллекция Теплоуховых.

17. Коллекция № 11379. Ильинское костыще. Раскопки Ф. А. Теплоухова.

18. Коллекция № 11380. Усть-Туйское костыше. Раскопки Ф. А. Теплоухова.
19. Коллекция № 11381. Пьянковское костыше. Коллекция Теплоуховых.
20. Коллекция № 11394. Находки у с. Ильинское. Коллекция Теплоуховых.
21. Коллекция № 18581. Гляденовское костыше. Раскопки А.Д. Вечтомова. 1980-84 гг.
22. Коллекция № 18582. Гляденовское костыше. Раскопки А.Ф. Мельничука. 1991 г.
23. Коллекция № 18609. Слепушкинское костыше. Раскопки А.Ф. Мельничука. 1991 г.
24. Коллекция № 18610. Слепушкинское костыше. Раскопки А.Н. Лепихина. 1992 г.
25. Коллекция № 18903. Слепушкинское костыше. Раскопки А.Н. Лепихина. 1993 г.
26. Коллекция № 19009. Слепушкинское костыше. Раскопки А.Н. Лепихина. 1994 г.
27. Коллекция № 19163. Селище Пеньки. Сборы сотрудников КАЭ. 1980-е гг.
28. Коллекция № 19165. Гляденовское костыше. Раскопки А.Н. Лепихина. 1995 г.
29. Коллекция № 19271. Юго-Камское костыше. Раскопки Ю.А. Полякова. 1964 г.
30. Коллекция № 19363. Гляденовское костыше. Раскопки А.Н. Лепихина. 1996 г.
31. Коллекция № 19418. Юго-Камское костыше. Раскопки Ю.А. Полякова. 1965 г.
32. Коллекция № 19464. Гляденовское костыше. Раскопки А.Н. Лепихина. 1997 г.
33. Коллекция № 19621. Юго-Камское костыше. Раскопки А.Н. Лепихина. 1998 г.
34. Коллекция № 19691. Юго-Камское костыше. Раскопки А.Н. Лепихина. 1999 г. Коллекция № 5474 НВ. Полуденковское селище. Раскопки А. Н. Лепихина, 2000 г.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Добрянским отрядом КАЭ 1952 г. Архив АК ПГУ.
2. Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках древнего могильника у д. Деменки Харинского сельсовета Пермско-Ильинского района

Молотовской области, произведенных научно-исследовательским отрядом Молотовского областного музея под руководством В.Ф. Генинга летом 1953 г. Архив АК ПГУ.

3. Генинг В.Ф. Усть-Туйское костыше. Рукопись. Архив АК ПГУ.

4. Ленц Г.Т. Отчет об археологических исследованиях в Пермской области в зоне строительства нефтетрассы Сургут-Полоцк в 1981 г. Архив КА ПГУ.

5. Лепихин А.Н. Отчет о раскопках костыща Слепушка (Усть-Громотуха) в Пермском районе Пермской области в 1992 году. Архив ПОКМ, ф. р-484, опись 1, д. № 1107.

6. Лепихин А.Н. Отчет о раскопках Слепушкинского костыща в Пермском районе Пермской области в 1993 году. Архив ПОКМ, ф. р-484, опись 1, д. № 1115.

7. Лепихин А.Н. Отчет о раскопках Слепушкинского костыща в Пермском районе Пермской области в 1994 году. Архив ПОКМ, ф. р-484, опись 1, д. № 1118.

8. Лепихин А.Н. Отчет о раскопках 1995 года в Пермском и Ильинском районах Пермской области. Архив ПОКМ, ф. р-484, опись 1, д. № 1121.

9. Лепихин А.Н. Отчет о раскопках Гляденовского костыща 1996 году. Архив ПОКМ, ф. р-484, опись 1, д. № 1124.

10. Лепихин А.Н. Отчет о раскопках Юго-Камского костыща в 1998 году. Архив ПОКМ, ф. р-484, опись 1, д. № 1378.

11. Лепихин А.Н. Отчет о раскопках Юго-Камского костыща в 1999 году. Архив ПОКМ, ф. р-484, опись 1, д. № 1400.

12. Лунегов И.А. Дневники и записи. Чердынский краеведческий музей. НВ № 1110/561.

13. Мельничук А.Ф. Отчет о полевых исследованиях в Пермском Прикамье в 1991 г. Архив АК ПГУ.

14. Оборин В. А. Отчет о раскопках КАЭ в 1953 году. Архив АК ПГУ.

15. Обороина В.А. Отчет о работе археологической экспедиции Института археологии АН СССР в июле 1960 г. Архив В.А. Обороина. Пермский областной краеведческий музей, № вх 852.

16. Поляков Ю. А. Отчет о раскопках Юго-Камского костыща в 1964 году. Архив АК ПГУ.

17. Поляков Ю.А. Отчет о раскопках Юго-Камского костыща в 1965 году. Архив АК ПГУ.

18. Теплоухов А.Е. Археологический дневник, 1870 г. Архив ЛОИА РАН, ф. 48, д.1,2.

19. Теплоухов Ф. А. Период древнейших костыщ. Рукопись. Архив ПОКМ № 11409/14.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977.
2. Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.
3. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975.
4. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978.
5. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982.
6. Андреева Е.Г. Домашние и дикие животные из раскопок памятников Верхнего и Среднего Прикамья // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982.
7. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении проблемы происхождения первобытных верований. М., 1958.
8. Атаманов М.Г. Изображения удмуртских воршудов // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983.
9. Ашихмина Л.И. Исследования на реках Вятке и Печоре // Археологические открытия 1979 года. М, 1980.
10. Бадер О.Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции // Учен. зап. Перм. унта. Харьков, 1953. Т. 9. Вып. 3.
11. Бадер О. Н. Ананьинское и более поздние селища на Огурдинской стоянке близ Усолья // Учен. зап. Перм. ун-та. 1960. Т. 12. Вып. 1. С. 151-160.
12. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.
13. Балалаева О.Э. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.
14. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI - XVII веках // Бахрушин С.В. Научные труды. М.;Л., 1955. Т. 3. Ч. 2.
15. Белавин А.М. Священные рощи коми-пермяков (о культе природы у населения Коми-пермяцкого округа) // Полевой симпозиум «Святынища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996.
16. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1958. Т.45.
17. Белоцерковская И.В. Гравированные изображения из Гляденовского костыща // Труды Государственного исторического музея. М., 1990. Вып. 74.
18. Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
19. Борзунов В.А. Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинской фортификации // Российская археология. 1997. № 1.
20. Борзунов В.А. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья (городище Алтен-Тау) // Российская археология. 1997. № 2.

21. Варов А.И. Археозоологические аспекты изучения костищ // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

22. Варов А.И. Костные останки из костищ Среднего Прикамья // Полевой симпозиум «Святылища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1993.

23. Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1906.

24. Васкул И.О. Культовые памятники конца I тыс. до н.э - первой половины I тыс. н.э. на территории европейского северо-востока // Полевой симпозиум «Святылища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996. С. 16-17.

25. Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.

26. Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда // Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1889. Т. XIV. Вып. 3.

27. Верещагин Г.Е. Человеческие жертвоприношения вотяков // Известия Архангельского общества исследователей Русского Севера. Архангельск, 1911. № 10, 12.

28. Верещагин Н.К. Почему вымерли мамонты. Л., 1979.

29. Вечтомов А. Д. Раскопки Гремячанского поселения на р. Тулве // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып. 2.

30. Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Учен. зап. Перм. ун-та. Пермь, 1967. № 148.

31. Вечтомов А.Д. К вопросу о племенной организации населения среднего Прикамья в эпоху раннего железа // Учен. зап. Перм. ун-та. Пермь, 1968. № 191.

32. Вечтомов А. Д. Раскопки Половинного I селища // Археологические открытия 1975 года. М., 1976.

33. Вечтомов А. Д. Раскопки Гляденовского городища // Археологические открытия 1980 года. М., 1981.

34. Вечтомов А. Д. Раскопки Гляденовского городища // Археологические открытия 1981 года. М., 1982.

35. Вечтомов А. Д. Раскопки Гляденовского городища // Археологические открытия 1982 года. М., 1984.

36. Вечтомов А. Д. Новые исследования Гляденовского святилища // Археологические открытия 1983 года. М., 1985.

37. Викторова В.Д. Ликийский могильник X-XIII вв. // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 137-174.
38. Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной Среднего Зауралья. Автореферат канд. дисс... Свердловск, 1969.
39. Викторова В.Д., Непомнящих В.В., Непомнящих О.З. Находки на горе Азов //120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф.Генинга. Екатеринбург, 1999. Ч. 1.
40. Вильданов Р.Ф., Мельничук А.Ф. Монеты в хронологии Гляденовского костыща // Областная отчетная научная конференция. Тезисы докладов. Пермь, 1991.
41. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.
42. Владыкин В.Е. Языческие святилища удмуртов // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996.
43. Гемуев И.Н. Мирозозрение манси. Дом и Космос. Новосибирск, 1990.
44. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культурные места. Новосибирск, 1986.
45. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.
46. Генинг В. Ф. Памятники харинского времени в Прикамье // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., 1955. Вып. 57.
47. Генинг В. Ф. Осинское городище // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М., 1959. Вып. 1.
48. Генинг В. Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып. 2.
49. Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть 1. Чегандинская культура (III в. до н.э. - II в. н.э.) // ВАУ, вып. 10. Ижевск-Свердловск, 1970.
50. Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть 2. Чегандинская культура (III в. до н.э. - II в. н.э.) // ВАУ, вып. 11. Ижевск-Свердловск, 1971.
51. Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III-V вв. (проблема этноса и его происхождения).// Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
52. Генинг В.Ф. Програма статистической обработки керамики из археологических раскопок. //СА, 1973, №1.
53. Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников).// Из истории Волго-Камья. Казань, 1976.

54. Генинг В. Ф. Гляденовское костыще – могильник с обрядом трупопожжения. // Древности Волго-Камья. Казань.,1977.
55. Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988.
56. Генинг В. Ф., Оборин В.А. К вопросу о гляденовской культуре // УЗ ПГУ, 1960, Т. 12, вып. 1.
57. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ, вып. 12. Свердловск, 1973.
58. Геродот. История: в 9 кн. Л.,1972.
59. Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996.
60. Глушков И.Н. Чердынские вогулы. М.,1900.
61. Голан А. Миф и символ. М.,1992.
62. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.,1985.
63. Голдина Р.Д. Этническая история пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) //Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. Т.1. М.,1989.
64. Голдина Р.Д. К вопросу о специализации жертвенных мест Приуралья // Полевой симпозиум «Святылища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии.» Пермь, 1996, с. 20-24.
65. Голдина Р.Д. К вопросу о духовной культуре прикамского населения эпохи мезолита //Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Часть 2. Глазов,1997.
66. Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
67. Горбунов А. Народ мари. Кунгур, 1925.
68. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА-94. М.,1961.
69. Грибова Л.С. Культ “древних” у коми-пермяков. М., 1964.
70. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. М., 1975.
71. Данилов О. В. Ранние черты марийского язычества в поздних жертвенниках // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Тезисы докладов. Ижевск, 1987.
72. Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. СА № 4, 1961.
73. Джумабекова Г.С. Бронзовая курильница из Семиречья // РА. № 2, 1998.

74. Денисов В.П. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры //УЗ ПГУ. № 148, Пермь, 1967.

75. Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV-V вв. СА. № 3, 1959.

76. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1986. Елизаренкова Т.Я. Ригведа – великое начало //Ригведа. Мандалы I– IV. М., 1989.

77. Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.

78. Збруева А.В. Галкинское городище. МИА № 1. М., 1940.

79. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА - 30. М., 1952.

80. Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Казанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА № 80. М., 1960.

81. Зенько А.П. Личные духи-покровители в мировоззренческой традиции хантов //Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Часть 2. Глазов, 1997.

82. Ивакин Г.Ю. Священный дуб языческих славян // СЭ. № 2, 1979.

83. Иванов А.П. Материалы к антропологии Пермского края. Труды общества естествоиспытателей при Казанском ун-те, Т. X, вып. 1. Казань, 1881.

84. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железного века. М., 1984.

85. Иванов В.С. Скульптура народов Сибири XIX - первой половины XX в. Л., 1970.

86. Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов. М., 1910.

87. Казанцева О.А. Хронология погребальных комплексов Красноярского могильника // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995.

88. Казанцева Т.Г., Чемякин Ю.П. Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Приуралья и Западной Сибири // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч.1. Екатеринбург, 1999.

89. Калевала. БВЛ. М., 1977.

90. Канивец В.И. Канинская пещера. М., 1964.

91. Кипарисова Н.П. Жертвенное место на Голом Камне. Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.

92. Ковалева В.Т. Космогония и жертвоприношения (по материалам поселений ташковской культуры) // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф.Генинга. Ч. 1. Екатеринбург, 1999.

93. Коми народный эпос. М., 1987.
94. Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984.
95. Конаков Н.Д. Представления о колдовстве и колдунах у народов коми (зырян и пермяков) // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Часть 2. Глазов, 1997.
96. Коренюк С.Н., Оборин В.А. Работы Камской экспедиции // Археологические открытия 1986 г. М., 1988.
97. Корепанов К.И. Изображение медведя в искусстве Прикамья второй половины I тысячелетия до н.э // Вопросы археологии Урала, Свердловск, 1981.
98. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
99. Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983.
100. Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов // Из истории шаманства. Томск, 1976.
101. Кулябина Н.В. К вопросу о роли сармат в этнической истории Прикамья // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тезисов докладов конференции, посвященной 100-летию А.П. Смирнова. М., 1999.
102. Лепихин А.Н. Исследования костяк гляденовской культуры: некоторые итоги // Музей XXI века: взгляд в прошлое и будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Пермь, 1999.
103. Лепихин А.Н. Новые данные для датировки гляденовских костяк. XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск, 1999.
104. Лепихин А.Н. Символика жертвенных вещей с костяк гляденовской культуры Труды ГИМ, вып. 113, М., 2000.
105. Лепихин А.Н. Новый жертвенный комплекс Гляденовского костяк. Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. Вып. 1. Пермь, 2000.
106. Лепихин А.Н. Религиозная обрядность костяк гляденовской культуры и этнографические параллели // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции: «75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга». Ижевск, 2000.
107. Лепихин А.Н. Материалы Ильинского костяк в фондах Пермского музея // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники, 2001.
108. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Костяк гляденовской культуры // Тезисы XII УАС. Свердловск, 1993.

109. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. К проблеме хронологии костяных изделий гляденовской культуры // Полевой симпозиум «Святыни и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996.

110. Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф. Гляденовское костыще. Каталог коллекции Пермь, 1997.

111. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Костыще Слепушка – жертвенное место поздней стадии развития гляденовской культуры // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998.

112. Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф. Гляденовское костыще. Раскопки 1995-1997 гг. Каталог коллекции. Пермь, 1999.

113. Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф. Труды В.Ф. Генинга, посвященные изучению гляденовской культуры и современные проблемы ее исследования // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции: «75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга». Ижевск, 2000.

114. Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф. Гляденовские костыща в трудах А.П. Смирнова и новейшее их изучение // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Труды ГИМ, вып.122, М., 2000.

115. Лещинская Н. А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки I – начала II тыс. н. э. // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995.

116. Лещинская Н.А. Ошкинский могильник - памятник пьяноборской культуры на Вятке. Ижевск, 2000.

117. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел. М., 1966.

118. Мельничук А.Ф. Исследование памятников раннего железного века в Среднем Прикамье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. Мельничук А. Ф. Новые исследования Гремячанского поселения-святыни // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

119. Мельничук А.Ф. Гляденовские всадники // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тезисов докладов конференции, посвященной 100-летию А.П. Смирнова. М., 1999.

120. Мельничук А.Ф., Оборин В.А. Новые исследования Гремячанского поселения-святыни // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. Мельничук А.Ф., Оборин В.А., Соболева Н.В. Исследования Мокинского могильника близ Перми // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

121. Мельничук А. Ф., Соболева Н. В. Селище Пеньки – памятник харинского времени на р. Чусовой // Приуралье в древности и средние века. Ижевск, 1986.
122. Минх А.Н. Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии // ЭО, кн. XV, вып. 4. М., 1892.
123. Мифологический словарь. М., 1991.
124. Мищенко О.П. География, топография и хронология святилищ на вершинах гор в Среднем Зауралье // Археология и этнография Средне-го Приуралья. Вып. 1, Березники, 2001.
125. Могильников В. А. 1968. Елыкаевская коллекция Томского университета //СА 1968, № 1.
126. Мокрушин В. П. Некоторые итоги изучения комплекса археологических памятников д. Заосиновка. Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990.
127. Мошинская В.И. Материальная культура Усть-Полюя // МИА. № 35. М., 1953.
128. Мошинская В.И., Лукина Н.В. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982.
129. Мурыгин А.М. Средневековые святилища Печорского Приуралья // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996.
130. Напольских В.В. Культ утки у финно-угров: евразийско-североамериканские параллели // XVII всесоюзная финно-угорская конференция. Т. II. Устинов, 1987.
131. Напольских В.В. Миф о возникновении Земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция. СЭ, №1, 1990.
132. Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (уральский космогонический миф) // Материалы к серии “Народы Советского союза”, вып. 5. М., 1991.
133. Напольских В.В. Как Вукузё стал создателем суши. Ижевск, 1993.
134. Нижегородские марийцы. Йошкар-Ола, 1994.
135. Новокрещенных Н.Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии //Тр. Пермской ученой архивной комиссии, т. IV. Пермь, 1901.
136. Новокрещенных Н. Н. Гляденовское костыще // Труды Пермской ученой архивной комиссии, т. XI. Пермь, 1914.
137. Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976.

138. Оборин В. А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988.
139. Окладников А.П. Открытие Сибири. М., 1981.
140. Осокин И.М. Места подвигов преп. Трифона Вятского в Пермском крае. Труды Пермской ученой архивной комиссии, вып. V. Пермь, 1902.
141. Памятники истории и культуры Пермской области. Т.1. Материалы к археологической карте Пермской области. Пермь, 1996.
142. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
143. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства Евразийских степей скифской эпохи. М.,1994.
144. Перевощиков С.Е. Еще раз о косах-горбушах // Тезисы докладов конференции «Проблемы межэтнических воздействий в сопредельных национальных и административных образованиях». Сарапул, 1997.
145. Плесовский Ф.В. Космогонические мифы коми и удмуртов // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972.
146. Поляков Ю. А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Уч. зап. ПГУ, № 148. Пермь, 1967.
147. Поляков Ю. А. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье. Дисс. канд. ист. наук. Пермь, 1980. Архив Кабинета археологии ПГУ.
148. Поляков. Ю.А. Керамика гляденовской культуры // Finno-Ugrica, №1(3). Казань,1999.
149. Поляков. Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып 1. Березники, 2001.
150. Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.,1995.
151. Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О культовых памятниках Тоболо-Иртышья конца эпохи бронзы // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Пермь,1996.
152. Попов Н.С. Марийский народный праздник “Керече” // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 1980-х гг. Йошкар-Ола, 1983.
153. Прокошев Н.А. Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье // СА, т. 10. М.,1948.
154. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
155. Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. Уфа, 1968.

156. Пшеничнюк А.Х. Кара-Абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. 5. Уфа, 1973.

157. Пшеничнюк А.Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.

158. Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986.

159. Руденко К.А. Поясной набор из могильника Алтэн-Тау в Пермской области // Пермский регион: история, современность, перспективы. Березники, 2001.

160. Сагалаев А.М. Птица, дающая жизнь (из тюркско-угорских мифологических параллелей) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.

161. Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994.

162. Семенов В.А. Этнографо-археологические параллели одному ритуальному символу пермских финно-угров // Материалы Международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т.1. С.103-105. .

163. Сергеев С.И. Раскопки на р. Колве Чердынского уезда // Записки УОЛЕ, т. XXII. Екатеринбург, 1901.

164. Сидоров А.С. Идеология древнего населения Коми края // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972.

165. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА № 28. М., 1952.

166. Смирнов А. П. Фигурка барана из Гляденовского костыща // Труды ГИМ. Археологический сборник. М., 1960.

167. Смирнов И.Н. Пермьяки. Известия ОАИЭКУ, т. IX, вып. 2. Казань, 1891.

168. Смирнов К.А. Новые данные о почитании топора древними славянами // СА № 3, 1977.

169. Смирнов К.А. Религиозные представления жителей Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы археологии Евразии. М., 1991.

170. Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972.

171. Соколова З. П. О культе предков у манси // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.

172. Сорокин Н. Путешествие к вогулам // Труды ОЕИКУ, т. 3, № 4. Казань, 1873.

173. Соловьев А. И. О жертвоприношениях людей у угорского населения Сибири // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.

174. Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1905.
175. Спицын А. А. Гляденовское костыще // Записки Русского археологического Общества. Вып 1- 2. Спб., 1901.
176. Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР, вып. 26, Спб, 1902.
177. Старков В.Ф. Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.,1973.
178. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.,1989.
179. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА-27. М., 1952.
180. Теплоухов А. Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Зап. УОЛЕ. Т. 6. Вып. 1. Екатеринбург, 1880.
181. Теплоухов Ф. А. Древности Камской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край, т. 2. Пермь, 1893.
182. Теплоухов Ф.А. Народное празднество “Три елочки” в Богородской волости Пермского уезда // Пермский край. Пермь, 1892. Вып.1.
183. Традиционная культура народа коми. Сыктывкар, 1994.
184. Удмурты. Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993.
185. Федорова Е.Г. Жертвенные животные в культуре манси // Традиционное мировоззрение народов Сибири. М., 1996.
186. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.
187. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. М.,1983.
188. Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М.,1977.
189. Худяков М.Г. Культ коня в Прикамье // Известия ГАИМК, вып. 100. М-Л., 1935
190. Худяков М.Г. Культурно-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового общества // ПИДО, 1934, вып 11-12.
191. Чагин Г.Н. Летние моления и жертвоприношения марийцев Среднего Урала в XIX – начале XX века // Полевой симпозиум «Святынища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996.
192. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Труды Института этнографии. Т.11. Л.,1959.
193. Черных А. В. Жертвенные места куединских удмуртов // Полевой симпозиум «Святынища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996.
194. Черных А.В. Символика одежды у куединских удмуртов в начале XX века // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Часть 2. Глазов,1997.

195. Черных Е.М. Культурный комплекс Аргыжского городища на реке Вятке // Полевой симпозиум «Святыни и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь, 1996.

196. Черных Е.М. Культурная постройка ананьинского времени с Аргыжского городища // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып.1. Пермь, 2001.

197. Черных Е.М. Культурные комплексы Зуево-Ключевского II городища в Среднем Прикамье. Оренбург, 2001.

198. Шарапов В.Э. Понятие “тень человека” (морт вуджор) в традиционных представлениях коми // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Часть 2. Глазов, 1997.

199. Шишонко В.Н. Пермская летопись. IV период. Пермь, 1884.

200. Шмидт А.В. Туйский всадник // Записки коллегии востоковедов АН СССР. Т.1. Л., 1925.

201. Шмидт А.В. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область // Музей антропологии и этнографии. Л., 1928. Т. VII.

202. Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края // Изв. ГАИМК, вып. 1 – 2, т.13. М., 1932.

203. Шумилов Е.Ф. Первые удмуртские села как важнейшие цивилизующие центры: Елово и Укан 1741-1917 гг. // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. Часть 2. Глазов, 1997.

204. Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в. Ижевск, 1992.

205. Шутова Н.И. Основные типы дохристианских святилищ удмуртов 17-20 вв. // 120 лет археологии восточного склона Урала. 1-е чтения памяти В.Ф. Генинга. Материалы конференции 29 ноября – 2 декабря 1999 г. Часть 1. Екатеринбург, 1999.

206. Яковлев А.А. Культурные места XIX - начала XX вв. на территории Томской области // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1980.

Список сокращений

- АО – Археологические открытия
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
БВЛ – Библиотека всемирной литературы
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИАОИРС – Известия Архангельского общества исследователей Русского Севера.
ИЭ – Институт этнографии АН СССР
КА ПГУ – Кабинет археологии Пермского государственного университета
КАЭ – Камская археологическая экспедиция
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР – Материалы по археологии России
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ОАИЭКУ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОЕИКУ – Общество естествоиспытателей при Казанском университете
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
ПГУ – Пермский государственный университет
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
РА – Российская археология
СА – Советская археология
СЭ – Советская этнография
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
ЭО – Этнографическое обозрение

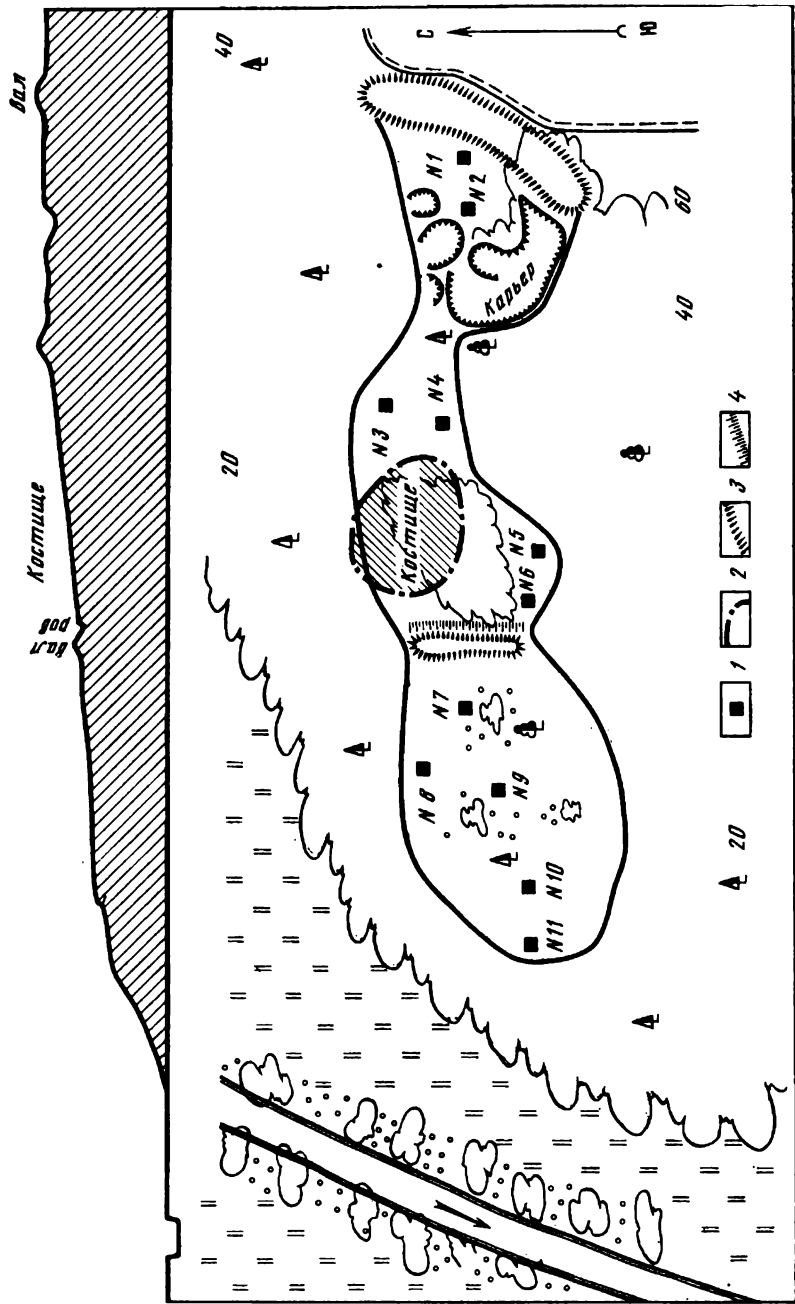

Рис.1. Схема площадки Гляденовского городища (по В.Ф. Генину).

1-шурфы, 2-граница распространения слоя сырых костей, 3-4 — валы и ров городища

Яма №68 Уч. К-13

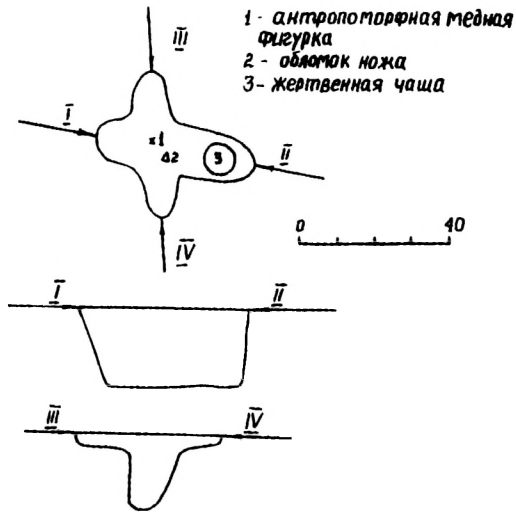

Рис. 2. План и профиль ритуальной ямы № 68. Гляденовское костище

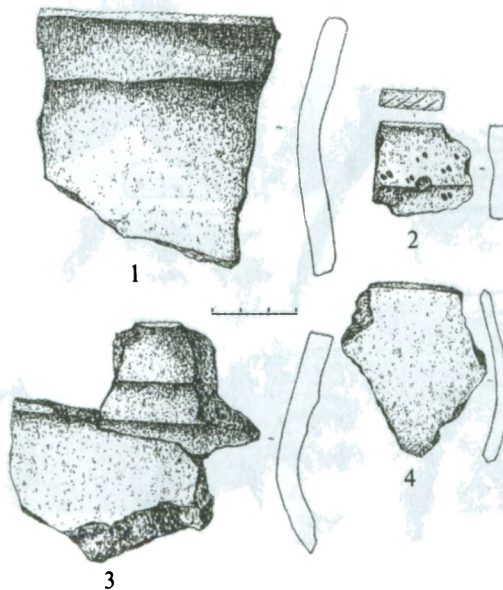

Рис. 3. Ананьинская керамика из раскопок Гляденовского костища в 1995-1997гг.

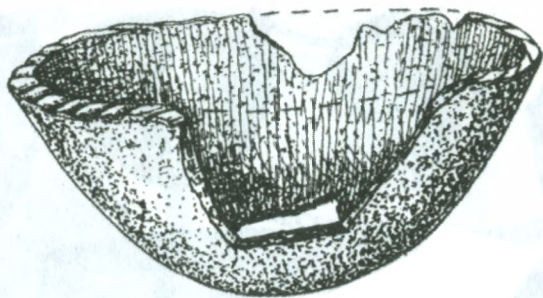

Рис. 4. Бытовая керамика Гляденовского костища (по В.Ф.Генингу)

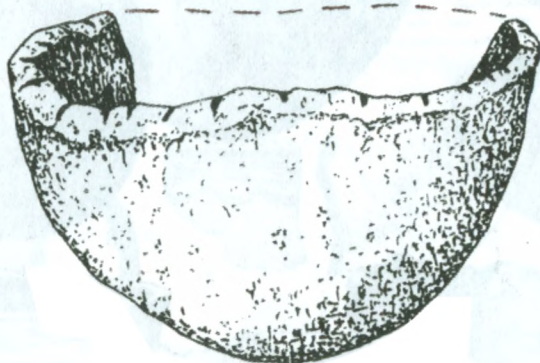

Рис. 7. Керамика Ильинского костища из раскопок А. Н. Делюхина

Рис. 5. Жертвенная керамика Гляденовского костища
(по В. Ф. Генингу)

1

2

3

Рис. 6: Ритуальные сосуды из раскопок Гляденовского костища в 1995-1997гг.

Рис. 7. Керамика Ильинского костяка из раскопок А. Н. Лепихина

№№ 1-11 и 38-39 в $\frac{2}{3}$ натур. вел.; №№ 12-29 в натур. вел.; №№ 36-37 в $\frac{1}{2}$ натур. вел.

Рис. 8. Материалы костищ из коллекции Теплоуховых
(по А. А. Спицыну)

1, 2, 10, 24 — д. Останина; 3-9, 14, 27-29, 32, 38-47, 49 — с. Ильинское;
11-13, 15-23, 25, 30, 31, 33-37 — Гаревское костище; 26 — Грудята.

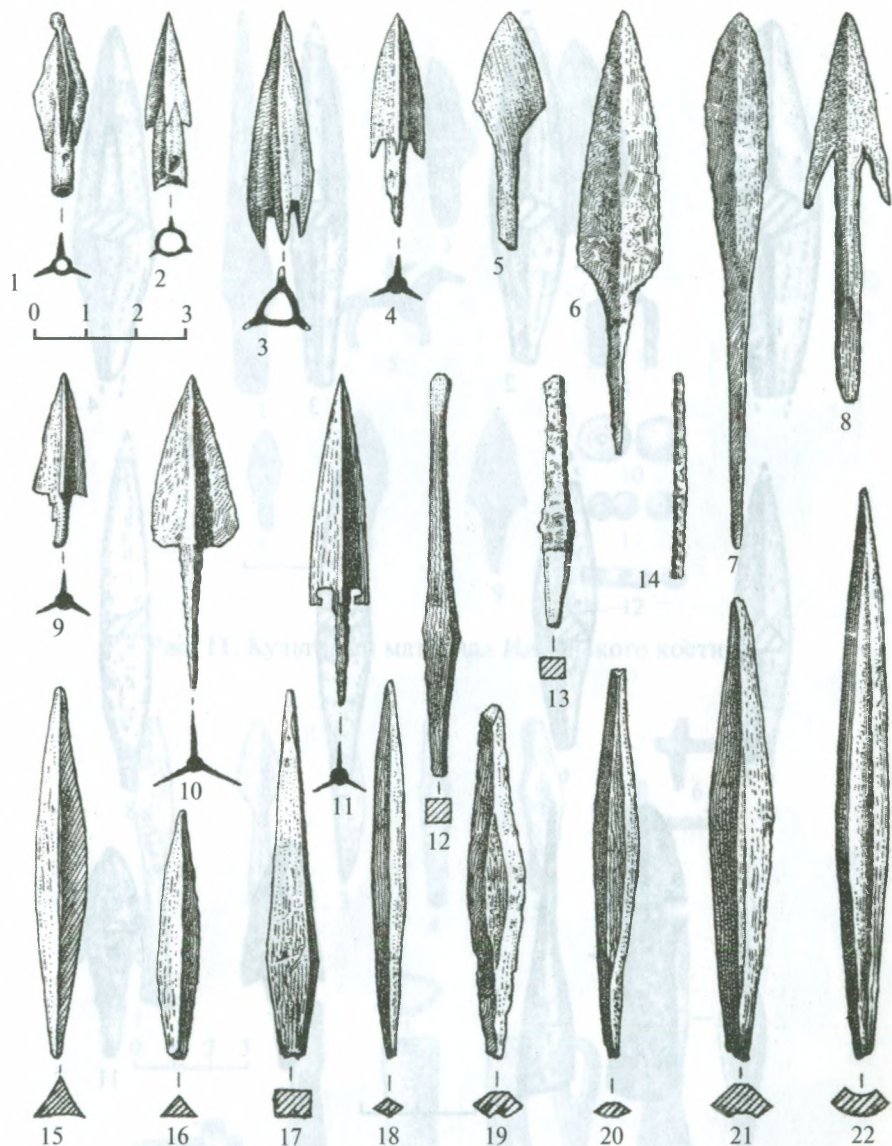

Рис. 9. Наконечники стрел из материалов Гляденовского костяща (по В. Ф. Генингу)

Рис. 12. Волочные предметы из костяща Гляденовского костяща (по В. Ф. Генингу)

Рис. 10. Наконечники стрел из раскопа А. Н. Лепихина
на Ильинском костыще

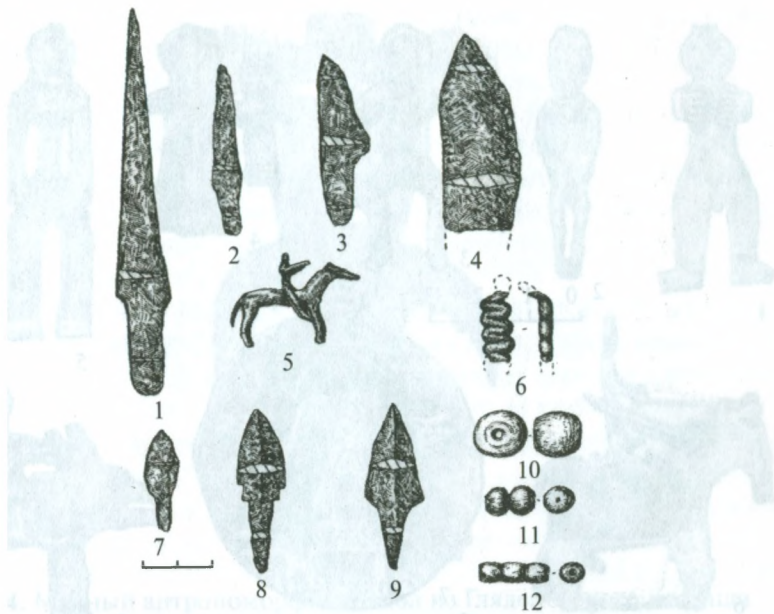

Рис. 11. Культовый материал Ильинского костища

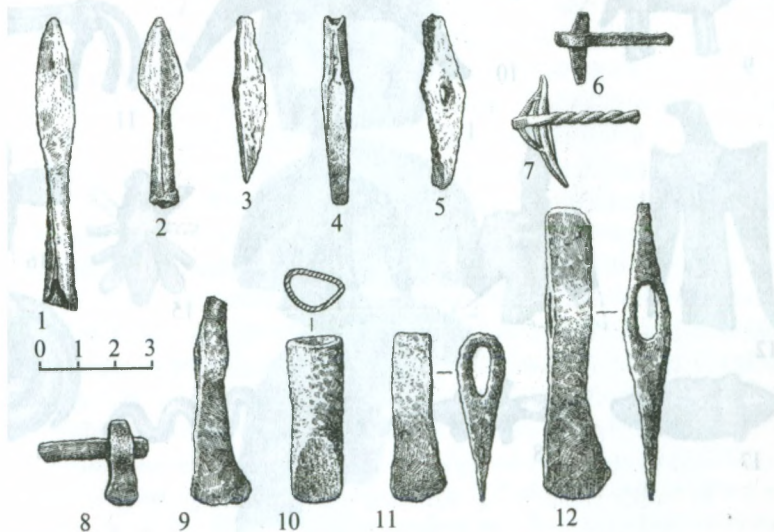

Рис. 12. Вотивные предметы из коллекции Гляденовского костища (по В. Ф. Генингну)

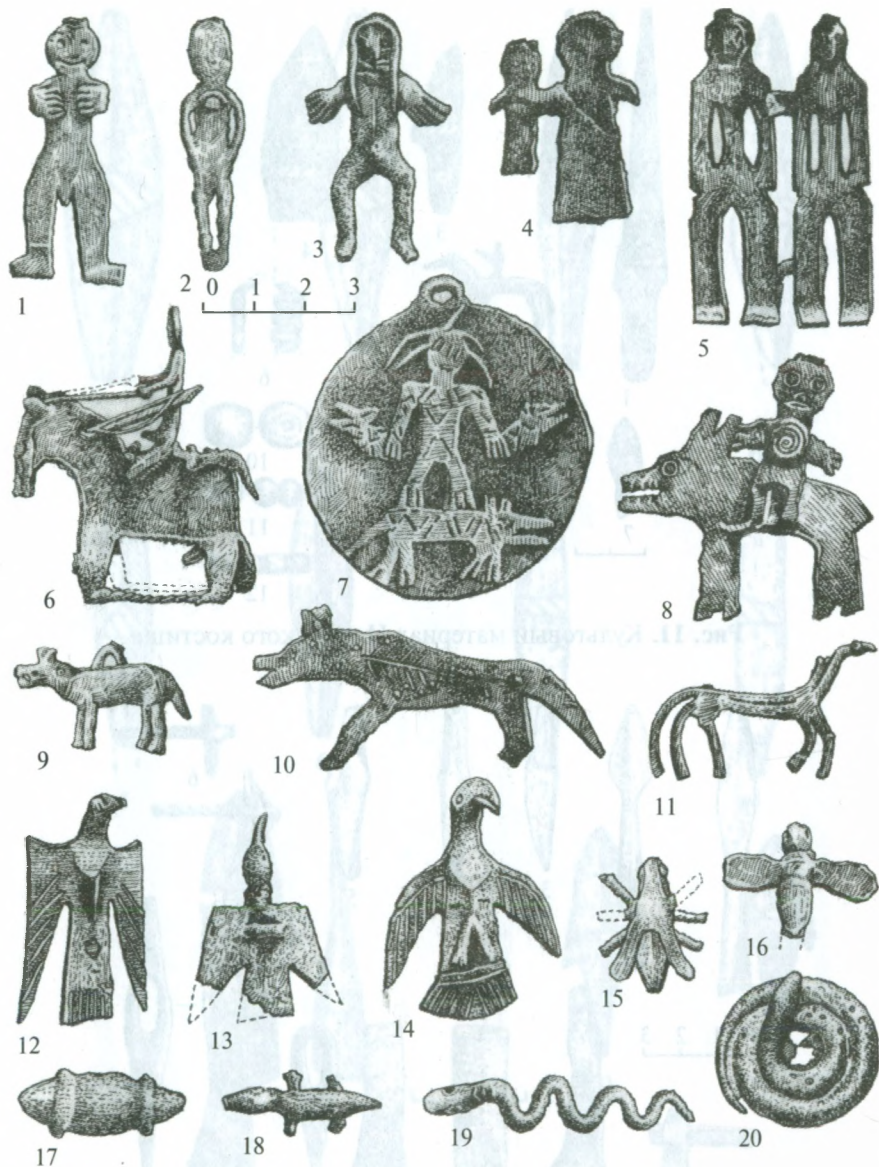

Рис. 13. Культурные медные фигурки из Гляденовского кистища
(по В. Ф. Генингу)

Рис. 14. Медный антропоморфный идол из Гляденовского костыща

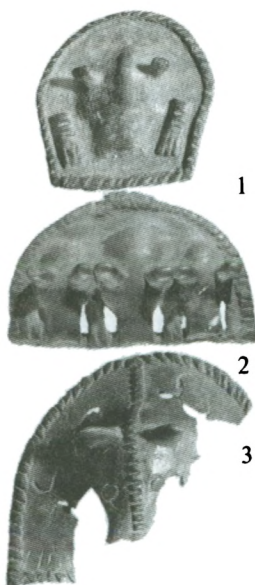

Рис. 15. Изображения медведей в «жертвенной позе».
1,3 -Юго-Камское костыще (Ю. А. Поляков), 2 -Гляденовское костыще

А. Н. ЛЕПИХИН – ОФИЦИАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ И «БЕСЕДЫ О НЕОПУБЛИКОВАННОМ» (эссе в двух жанрах)

Легенда. Несколько лет назад при раскопках древнего святилища, расположенного недалеко от поселка Ильинский Пермской области, два археолога нашли пару старинных мечей. То ли мечи были заколдованные, то ли место проклятое – неизвестно, но только спустя несколько месяцев оба археолога погибли...

Эту «легенду» или, выражаясь более точно, «байку», в середине декабря 2006 года несколько поклонников теософии поведали сотруднице отдела археологии Пермского областного краеведческого музея Кулябиной Надежде Викторовне во время осмотра экспозиции по древнейшей истории Прикамья. Любой пермский археолог легко поймёт, что источниками появления данной истории явились два не связанных между собой события – относительно недавнее обнаружение в фондах краеведческого музея города Чёрмоз Ильинского района меча каролингского типа и гибель в 2002 году двух прикамских археологов, явившаяся результатом несчастных случаев (в разное время и при разных обстоятельствах).

По злой иронии судьбы, одним из двух погибших археологов, попавших в легенду о мечах, был Анатолий Николаевич Лепихин: человек, который сам всю свою жизнь собирал слухи, байки и легенды, связанные с памятниками археологии, в том числе и теми, которые входили в сферу его научных интересов. Например, об Ильинском костыше, раскопки которого стали последними в его, в общем-то, недолгой жизни.

Родился будущий ученый-археолог 16 мая 1963 года в г.Перми. Еще в школе Анатолий проявлял интерес к истории, а после поездки в 1979 году на раскопки Непряхинских VII и X-ой стоянок (эпоха ранней бронзы) навсегда «заболел» археологией. После окончания школы в 1980 году он поступил на исторический факультет Пермского государственного университета, при котором с 1947 года существует Камская археологическая экспедиция.

Будучи студентом, Анатолий Лепихин принимал участие в раскопках памятников раннего железного века: Гляденовского костыща, Заосиновских I, IV, V, VI и VII поселений, Оханского могильника, а в 1982 – 1983 годах самостоятельно провел археологическую разведку в Осинском, Еловском и Чайковском районах Пермской области. На пятом курсе университета он, под руководством А.Д. Вечтомова, пишет и защищает дипломную работу «Культовые комплексы раннего железного века в Среднем и Верхнем Прикамье». Именно эта тема стала ведущей во всех последующих исследованиях молодого ученого.

После окончания университета, теперь уже Анатолий Николаевич – дипломированный историк, уезжает в пос. Ильинский Пермской области, где с 1985 по 1987 год работает в районном краеведческом музее на должности научного сотрудника. В эти годы он принимал участие в раскопках поселений раннего железного века Половинное I (1985 г.) и Заосиновское I (1986 – 1987 гг.).

С ноября 1987 года Анатолий Николаевич Лепихин работал в Пермском областном краеведческом музее в секторе археологии (с 1995 г. – отдел археологии), сначала младшим научным сотрудником, с 1992 г. – старшим научным сотрудником, а с 1993 года – заведующим сектором археологии. В качестве научного сотрудника Анатолий Николаевич участвовал в раскопках Першинского могильника (в 1990 г.), поселения Заюрчим (в 1988, 1990 и 1997 гг.), Гремячанского поселения-святилища (в 1992 – 1994 гг.) и ряда других памятников раннего железного века. В 1988, 1990 и 1991 годах он провел археологическую разведку в Пермском, Ильинском и Добрянском районах. Как автор раскопок Анатолий Николаевич исследовал ряд культовых памятников гляденовской культуры раннего железного века – костыщ: Слепушкинского (в 1992 – 1994 гг.), северной площадки Гляденовского (в 1995 – 1997 гг.) и Югокамского (в 1998 – 1999 гг.). Результаты исследования были отражены в 38 научных публикациях, написанных как самим Анатолием Николаевичем, так и в соавторстве с другими исследователями.

Но все это, что называется, официальная биография-справка, за которой часто теряется собственно личность. Да, Анатолий Николаевич был замечательным ученым, но, помимо этого, он был замечательным человеком и другом. Все, кто близко знал его, помнят, что Анатолий был из тех, кого называют «душа компании». Его юмор и неподражаемый, необычайно заразительный смех трудно забыть. Как и его умение работать с детьми. Подростки, которым посчастливилось с ним работать в экспедициях, зачастую продолжали заниматься археологией и после окончания полевых исследований, создавали под его руководством свои первые научные работы.

Также в официальной биографии ученого, как правило, «за кадром» остается масса мировоззренческих аспектов, которые, входя в раздел «неопубликованное», тем не менее, являются движущей силой процесса познания для любого исследователя. Именно они формируют научные интересы и, главное, определяют саму цель занятий наукой. Иногда исследователи, дожившие до преклонных лет, пишут «автобиографии интеллекта», в которых делятся своими мыслями об устройстве мира и связанных с ним мотивах, толкнувших их на занятие той или иной отраслью науки. Но это те, кто «дожил»... Об иных же остается только вспоминать и сожалеть о том, что их «автобиографии интеллекта» уже никто не сможет прочесть, и все, что запомнилось из личных бесед с ними, становится «беседами о неопубликованном».

Все, кто близко знал Анатолия Николаевича, помнят, что он всегда, с самого детства, был человеком верующим. Работая с ним в одном отделе, да и просто во время дружеских посиделок я, атеист, каждый раз с удивлением узнавал, что можно вполне совмещать две, казалось бы, такие разные вещи, как приоритет материалистического взгляда на мир и человеческую историю в науке с глубокой, искренней верой в бога. В ходе бесед и споров я постепенно узнавал, каким видится мир Анатолию и в каком отношении этот мир находится с богом. По его глубокому убеждению, бог создал мир и мыслящие существа в нем, но познание бога человеком происходит по мере развития самого человека и его знаний о мире. Процесс познания мира и бога находит свое отражение в мифах, легендах, сказках, религиозных культурах и сопутствующих им обрядах. Отсюда и интерес Анатолия Николаевича, как исследователя, именно к духовному аспекту развития человеческих обществ и к культовым памятникам археологии в частности. Он хотел знать, как человек познает бога. При этом, по мысли Анатолия, материальный мир, да и само человеческое общество, развивается по своим законам, имеющим вполне материалистическую основу. Единственное, что выбивалось из общей картины материального мира – это «божественные чудеса». «В них остается только верить», – говорил Анатолий Николаевич. И верил!

Своими знаниями о древних формах «богопознания» молодой ученый щедро делился не только в своих публикациях, но и во время лекций и экскурсий по музейным выставкам и экспозициям. Кстати, единицы из сотрудников музея могут похвастаться таким же удивительным умением, которым в совершенстве владел Анатолий: полностью на протяжении всей лекции, «держат» внимание любой возрастной аудитории, а его экскурсии по выставке «Пермский звериный стиль» стали просто легендарными. Все это было возможным только потому, что являлось результатом

не просто заученных текстов, а частью постоянно пополняемой, цельной, пусть в основных посылках религиозной, но объективно научной картины мира Анатолия Николаевича Лепихина, ученого-археолога, искренне верующего православного материалиста.

* * *

Анатолий Николаевич Лепихин ушел из жизни 10 октября 2002 года. Незадолго до смерти им была подготовлена диссертация «Костища гляденовской культуры», подводящая некоторые итоги многолетних исследований.

ЧЕЛОВЕК ВНЕ СТЕРЕОТИПОВ И СХЕМ

Так уж повелось, что жизнь наша достаточно стандартизирована — от того пути, который большинство из нас проходит, до собственных мифов и априорных представлений, иногда тщательно сформированных всей системой образования и воспитания. Сложно поручиться за всех, но для меня лично субъект, занимающийся наукой, должен был выглядеть достаточно определенно. И сломался этот очень устойчивый стереотип именно при встрече с Анатолием Лепихиным.

Можно сказать, что обрушились практически все представления — кроме того, что связано с высоким уровнем интеллекта. Вернее, обрушение происходило в два этапа. Первый пришелся на студенчество, промежуток между первым и вторым курсом, когда одним из самых ярких впечатлений становится археологическая экспедиция. Однако, там все ограничилось выводом о том, что археологи, а, следовательно, научные работники, бывают разные. Оценить интеллектуальный потенциал и оригинальность мышления возможности не представилось.

А потом нас свело на научной стезе, причем совершенно неожиданно, поскольку на практике религиоведы и археологи пересекаются нечасто. Возникла мысль о том, что Урал — это регион, обладающий собственной мифологией с уникальным хронотопом, не зависящим от этнических, политических и конфессиональных границ. Сразу возникла потребность в аргументах и артефактах, и добрые люди посоветовали: «Иди к Лепихину, в знании древних образов Прикамья ему равных нет». Не особенно рассчитывая на результат, я изложила свои соображения Анатолию. Скепсис мой объяснялся следующими соображениями: в археологии свои методы, подходы и принципы; кому нужно разрабатывать мои завиральные проекты; и самое главное — не очень-то похож на академического ученого этот невысокий человек с немного странным смехом, одетый так, словно на раскопки ему выезжать через 15 минут и непосредственно с места встречи, рассказывающий забавные байки обо всем на свете.

Как и во всем известной пословице, предположения мои ими и остались, а эффект превзошел все ожидания. Оказалось, что Лепихин обладает набором таких качеств, которые для меня находятся на самом вершине шкалы ценностей, приложенной к научной работе. Прежде всего, он сразу понял, о чем речь, и вывалил гору фактов, которые могли подтвердить предлагаемую гипотезу. Для меня так и осталось непостижимым, как можно одновременно удерживать в голове старый и современный фольклор местного населения, огромное количество найденных костей и черепков, а также места, к которым данные находки относились. Неожиданно из только формально очерченного проекта уральская мифология превратилась в стройную систему фактов, обладающих неоспоримой внутренней связью.

Вторым бесспорным достоинством оказалось умение слушать – великий дар, которого сейчас лишено большинство людей. За весь период сотрудничества – что-то около года – ни разу не возникло ситуации, в которой Лепихин попытался бы проигнорировать соображения собеседника, отмахнуться от чужой аргументации, продавить собственную точку зрения, хотя был намного старше по возрасту и, соответственно, обладал намного большим стажем исследовательской работы. Сразу оговорюсь, что подобный стиль поведения не связан с бесхарактерностью или некомпетентностью этого человека. Скорее можно было говорить об уважении и – что очень важно – огромной доброте Анатолия Лепихина.

В сотрудничестве с ним получилось сформировать концепцию, имеющую устойчивую научную основу и актуальное применение. Первое возникло благодаря огромному количеству правильно подобранной, абсолютно уместной информации, подтвержденной соответствующими археологическими изысканиями, во многих из которых он сам принимал участие. Актуальность же появилась благодаря тому, что теперь принято называть креативным мышлением. Лепихин догадался, как можно многочисленные былички и побасенки Урала, посвященные земле, горам и подземным сокровищам, связать с тем, что мы договорились называть культурным хронотопом региона. Примечательно, что собраны они были не в ходе специального делегированной этнографической или фольклорной экспедиции, а связывались местным населением с теми памятниками, которые оказались объектами внимания археологов.

О подробностях рождения идеи можно рассказывать необычайно долго: как радовались каждому штриху, не противоречащему вырисовывающейся картине; как активно начали привлекать к проекту всех, кто находился в орбите нашей общей коммуникации, не обращая внимания на специализацию и научные интересы археологов, этнографов,

специалистов по религиозной истории Прикамья... Собственно, это сразу было наделено некоей сумасшедшинкой, поскольку не обещало ни финансовых дивидендов, ни признания научного мира, ни быстрого и результативного завершения изысканий. И очень сложно определить сейчас, что было более привлекательным — опубликовать очередную статью в сборнике у хорошего знакомого, эпатировать признанных авторитетов в этой сфере на конференции или просто общаться с человеком, который интересен. Задним числом приходит понимание того, что все это совершенно неразделимые вещи, ради которых, собственно, и стоит заниматься научной работой.

Так и получилось, что для меня лично уход Анатолия Лепихина стал не просто утратой очень хорошего человека, которого хочется пригласить в гости и разговаривать за полночь. В научном плане получился коммуникационный и интеллектуальный провал, который пока никак не получается заполнить. Конечно, пять лет не так уж и много. И если захотеть, можно завершить все, что было спланировано в 2000 году. Только это никак не отменит факта потери человека, которого язык не повернется назвать обычным.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АРХЕОЛОГА И ЛИЧНОСТИ (памяти А.Н.Лепихина)

Сосвоимоднокурсником Толиком (его так за просто звали без всякой иронии буквально все студенты истфака) мы познакомились осенью 1980 года, когда поступили на первый курс исторического факультета Пермского государственного университета им. А.М. Горького.

Приятельские, и можно сказать душевные, отношения у нас сложились буквально с первых дней учёбы, хотя это для меня и до сих пор остаётся загадкой. Дело в том, что я поступил на истфак в довольно зрелом возрасте: поработал в Перми на заводе им. Я.М. Свердлова, отслужил в армии, а Толик был меня моложе на четыре года, — семнадцатилетний парнишка, вчерашний выпускник средней школы...

Проживал я в студенческие годы в общежитии (в «восьмёрке» и «шестёрке»), и Толик уже на первом курсе частенько оставался ночевать у нас, так как беседы за «чашкой чая» у нас иногда затягивались до полуночи. А на утро в комнату к нам приходила его бабушка, Александра Николаевна (милейший и обаятельный человек, которая души не чаяла в своём единственном внуке), делала нам лёгкое замечание и иногда уводила нас вместе с ним домой просто... покормить.

Бабушка его была знаменита на всё общежитие и сразу получила шутовское и ласковое прозвище — Штирлиц. Мама Толика, Наталья Николаевна, воспитывала сына вместе с бабушкой. Вот возможно именно поэтому, под влиянием этих двух простых, добрых русских женщин характер у Толи и был мягкий, покладистый. От него постоянно исходило некое «физиотерапевтическое» тепло, какой-то неуловимый «домашний уют». К тому же он в прямом смысле мог другу отдать всё, что у него было, как говорится «последнюю рубашку», и некоторые этим, к сожалению, пользовались.

Но вместе с тем, нельзя сказать, что Анатолий был «размазня», «слюнтяй», «маменькин сынок», «нюня», «тихоня-недотёпа»... Несмотря

на «женское», домашнее воспитание (да и здоровье у него было далеко не атлетическое — он был даже освобождён от физкультуры), он **ежегодно**, ещё со школьной скамьи (!) и до самой смерти в возрасте 39 лет, на весь сезон ездил в археологические экспедиции, несмотря, как говорится, на «зной, слякоть и стужу».

Всю свою жизнь Толик посвятил одной единственной профессии, археологии. Будучи ещё школьником, он активно посещал кружок юных археологов при Пермском госуниверситете, которым руководил известный учёный В.А.Оборин. Но в то же время Толик Лепихин никогда не был «ботаником». Его эрудиция, остроумие, юмор, ироничность (при этом не помню случая, чтобы она была злобной, пошлой или бестактной) привлекали буквально всех, как и его оригинальный, присущий только ему заразительный, хриповатый смех.

А как он любил петь! Правда, надо сказать, музыкальный слух у него отсутствовал напрочь, поэтому, подыгрывая ему на гитаре, всегда нужно было слушать его, а не соблюдать принятый в песне музыкальный размер. Главное для него в песне были слова, их смысл. Кроме озорных студенческих песен, типа «В пещере каменной нашли бутылку водки...» или «Они песни поют, они горькую пьют...», репертуар Руслановой он знал, по-моему, полностью...

Все пять лет учёбы на истфаке мы с ним писали курсовые и диплом на одной кафедре «досоветского периода». Был у нас и один научный руководитель, известный археолог Анатолий Данилович Вечтомов. Часто вспоминаю, как мы в мае 1985 года «вышли на диплом» и приехали со своими «кирпичами» прямо домой к Анатолию Даниловичу.

Сначала Анатолий Данилович разговаривал со мной (не более часа). А вот по диплому Толика разговор (скорее дискуссия) продолжался более трёх часов. Странного здесь ничего не было. Курсовые работы я начинал писать под руководством нашего тогдашнего декана истфака В.В.Мухина, но так как Владислав Владимирович уходил в творческий отпуск, то и передал меня А.Д.Вечтому. Темой моего диплома была «Русская армия второй половины XIX века: численность, социальный состав, процесс комплектования», и до сих пор я благодарен этим двум учёным, В. В. Мухину и А. Д. Вечтому. Но вот встреча дипломника Лепихина и его научного руководителя Вечтомова стала не просто беседой эрудитов-археологов об их «любимом Гляденовском костыше» (они не раз вместе ездили на раскопки), а превратилась в настоящий научный диспут в домашней обстановке.

Честно скажу, следить за аргументацией, выводами, доказательством своих взглядов, наблюдать внимательное и уважительное отношение к коллеге (оппоненту) двух «учёных мужей» мне довелось тогда впервые.

Хотя я себя и не считал полным дилетантом в археологии, так как несколько полевых сезонов провёл в отрядах под руководством профессора В. А. Оборина, но глубина этой дискуссии, основанной на многолетних археологических изысканиях, настолько меня поразила, что я слушал, затаив дыхание, так и не проронив ни слова.

Кстати, к А. Д. Вечтому с подготовленными к защите дипломами мы пришли 9 мая 1985 года, а Анатолий Данилович был фронтовиком! И вот после его рекомендаций и наставлений мы... уселись за праздничный стол отмечать очередную медаль Анатолия Даниловича (юбилейную, в честь 40-летия Победы), и выпили мы тогда намного больше, чем «по сто граммов». Во время этого праздничного застолья, которое затянулось до полуночи, разговоры, процентов на 90, велись опять об археологии. Поздно ночью, Анатолий Данилович со своей заботливой женой нас с Толиком посадили в такси и (за их счёт) отправили домой.

У Анатолия Лепихина работоспособность была просто потрясающая. Об этом, например, говорила широта его знаний, которая меня всегда поражала. Когда он только успевал прочитать столько научной литературы, которая вроде бы к его «любимой» археологии не имела никакого отношения? С ним можно было говорить буквально на любую тему: о декабристах, развитии пароходства на Каме, о философии, политике, системе образования...

Наши студенческие годы сегодня иногда в отечественной истории именуется как «застольно-застойные». А некоторые наши ровесники пишут о себе, что якобы они уже тогда были непримиримыми борцами с «командно-административной системой». Думаю, что многие из них всё-таки лукавят. Толя Лепихин никогда не был «антисоветчиком», «диссидентом», «борцом с режимом», он был простым добрым русским человеком, хотя, наверное, неслучайно его тянуло именно на кафедру «досоветского периода» и в археологию, где обязательные в те годы «идеологические клише» были объективно сведены до минимума. Впрочем, и по складу своего характера Анатолий Лепихин вряд ли бы когда-то смог громить идеологических противников: хоть с трибун, хоть в печати. Его доброта, отзывчивость были просто безграничны. До сих пор не могу себе представить, чтобы у Толика был не просто какой-то враг, а даже какой-то недоброжелатель...

Правда, здесь его доброта вспоминается и с другой стороны. Так на последнем курсе нас на несколько недель, как будущих офицеров запаса, отправили на военные сборы в лагерь под Новые Ляды. На сборах я, как служивший в армии и имевший звание, был назначен старшиной роты, состоящей из историков, юристов и геологов. К нам в лагерь иногда

приезжала «Штирлиц» (неугомонная бабушка Толика) привозила нам разную домашнюю выпечку, ну и, разумеется, хотела проведать любимого внука.

И как-то бабушка отвела меня в сторону и спросила:

– Вова, ну почему, когда я ни приеду, Толик всегда стоит под «грибком» на посту? Почему всё он и он?

Я тогда что-то помню, пробормотал, мол, это просто случайность, у нас все по очереди и честно... Но у Толика поинтересовался, в чём дело? А он – наивная душа: вот, мол, меня попросили постоять, этот «приболел», другому надо в город к невесте сбегать... Мне же, говорит, нетрудно за ребят...

Кстати, когда Толик нелепо погиб, и я об этом при встрече говорил тем самым юристам и геологам, которые в студенческие годы были с нами в одном взводе и роте на военной кафедре и на военных сборах, то они все искренне сокрушались, жалея, что на Земле стало меньше одним очень добрым человеком...

После окончания истфака в 1985 году наша дружба с Толиком не только не прекратилась, но, можно сказать, вышла на какой-то новый уровень. Хотя я по распределению уехал преподавать в Березники, да так там и обосновался, а Анатолий уехал первоначально работать в музей в Ильинском, а потом через два года вернулся в Пермь, уже в областной музей и, как и прежде, большую часть рабочего и свободного времени отдавал археологии. Весёлые, беззаботные студенческие годы закончились, и началась размеренная и ответственная «взрослая» жизнь.

Мне и после окончания вуза очень часто приходилось бывать в Перми, и как-то само-собой получалось, что меня там всегда ждали друзья-однокурсники: Олег Подвинцев, Андрей Суслов, Гена Халилов и, конечно, Толик Лепихин. Очень часто после этих дружеских встреч ночевать я уезжал к Толику, где всегда мне были рады его мама и бабушка. Ещё до сих пор меня поражает один факт. Я видел, что мама и бабушка с него, что называется, «пылинки сдувают», и, повторяюсь, Толик просто обязан был вырасти «хлюпиком» и «маменькиным сыночком», но этого не случилось! Это был в жизни абсолютно бесхитростный, бескорыстный, не избалованный человек, который с большим воодушевлением вспоминал обо всех своих полевых сезонах, в которых, как известно, комфорта минимум... Его всегда тянуло «в поле».

Впрочем, возможно именно его доброта и не позволила ему стать более-менее «зажиточным» человеком. В трудные для России 90-е годы прошлого века Толику Лепихину действительно жилось нелегко. Не мог

он изменить любимой археологии, уйти из музея на какое-нибудь «хлебное место», тем более никогда не умел он шагать «по головам». Помню как-то в конце 1990-х годов я ночевал у него дома, и его мать, за ужином, покачав головой заметила:

— Вот умру я, Толя, как ты будешь жить? Ты же свою зарплату только на полмесяца рассчитать можешь и всем в долг даёшь, кто у тебя не попросит...

В Березниках более десяти лет на базе филиалов ПГТУ и ПГУ мне регулярно приходилось проводить научно-практические конференции и почти на каждую из них Анатолий приезжал с новым интересным докладом. Иногда после завершения конференции он оставался у меня. Кроме этого, дважды в 1990-е годы он был на раскопках в соседнем Усольском районе, а я приезжал написать репортажи для местных газет. Он же заезжал погостить ко мне в Березники.

И вот в эти последние годы, когда он гостил у меня, он был и тот, и не тот. С одной стороны, когда мы начали учиться на истфаке, я был как бы на правах старшего товарища (ему же было 17 лет), а теперь он был не только с благородной сединой, немного грузный, но и уже со своим довольно богатым житейским опытом... Но при всём этом — это был всё тот же Толик Лепихин! Всё то же остроумие, эрудиция, оригинальный смех... Как и прежде ему была чужда мелочность, суетность, вздорность. Как и прежде от него веяло дружелюбием, благожелательностью и пониманием.

В Березниках он познакомился с некоторыми моими новыми друзьями и сразу произвёл на них просто неизгладимое впечатление. Особенно он понравился нашему местному поэту Станиславу Божкову (его стихи в годы «застоя» публиковали в Париже, Нью-Йорке), который у меня дома, хлопая дружески по плечу Толика, как-то заметил:

— Было бы просто замечательно, если бы ты, Толик, тоже был как я, поэт!

До сих пор не могу прокомментировать это высказывание. Но, возможно, это просто была случайная встреча двух близких не только по интеллекту, но и по духу людей (говорят у поэтов тонкая и ранимая душа).

Кстати, только здесь же в Березниках я случайно заметил, как внимательно слушают Толика дети, и как он умеет говорить с ними «на равных». Очень жаль, что не было у него жены и детей. Не сложилось. Об этом, видимо, он сильно переживал. Как-то с большим сожалением и тоской, незадолго до смерти, он, грустно вздохнув, сказал еще одному нашему однокурснику Николаю Голубеву:

— Вот, Колька, у тебя есть сын Роман, а у меня никого...

За годы у меня появилось просто масса (десятки и может даже сотни) замечательных и прекрасных знакомых, приятелей, коллег.. Но вот настоящих друзей больше десятка, наверное, не наберётся. Одним из них, без всякого сомнения, был мой однокурсник, талантливый учёный-археолог, Друг с большой буквы Анатолий Николаевич Лепихин.

Не знаю почему, но до сих пор, когда вижу его фамилию в сборниках, проезжаю в Перми мимо его дома около цирка, начинает щемить сердце и вспоминаются слова из песни Владимира Высоцкого:

– Он молчал невпопад... Друг, оставь покурить, а в ответ тишина...

Думаю, не ошибусь, что для многих, кто был с ним знаком, несмотря на его далеко не «аристократическую» и не «академическую» внешность, Анатолий Лепихин навсегда останется эталоном порядочности, честности, отзывчивости и преданности своему делу (особенно в наши сегодняшние дни всеобщей и часто какой-то бессмысленной гонки). Запомнится он и человеком абсолютно бескорыстным (столь редкое качество в наш век всеобщего прагматизма). А по-большому счёту, его вроде бы «спокойная», отнюдь не «героическая» жизнь заставляет задуматься о своем месте в этом мире, о вечном и бесконечном: многие ли из нас оставят после себя столько душевной теплоты людям?

Список научных трудов А. Н. Лепихина

1. Культурные комплексы позднеананьинской и гляденовской эпох в Среднем Прикамье//Перестройка и актуальные вопросы общественных и психолого-педагогических наук. Тезисы докладов. Пермь, 1988. С. 27-29.
2. Новые памятники эпохи железа в бассейне р. В. Мулянки//Тезисы докладов конференции молодых ученых ПГУ. IX октябрьские чтения. Пермь, 1990. С. 33-34.
3. Исследования святилищ раннего железного века в Пермском Приуралье//АО Урала и Поволжья. 1990, Ижевск. С. 40-41. (соавторы А. В. Голдобин, А. Ф. Мельничук).
4. Человеческие жертвоприношения на памятниках ананьинской культуры в Среднем Прикамье//Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Т. 3. Красноярск, 1991. С. 40-41 (соавтор А. Ф. Мельничук).
5. Костища гляденовской культуры//Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993. С. 41 (соавтор А. Ф. Мельничук).
6. Исследования культовых памятников раннего железного века в Среднем Прикамье//АО Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1993. С. 67-70 (соавтор А. Ф. Мельничук).
7. Раскопки костища Слепушка на р. Сылве//АО 1993 года. М. 1994. С. 137-138.
8. Костище Слепушка – новый культовый памятник гляденовской культуры//Проблемные вопросы истории, культуры, образования и экономики Северного Прикамья. Березники, 1994. С. 22-23.
9. К вопросу о назначении костищ гляденовской культуры//Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала. Соликамск, 1996. С. 96.
10. Гляденовское костище. Каталог коллекций. Пермь, 1997, 66 с., (соавтор А. Ф. Мельничук).
11. Исследования костищ гляденовского времени в Прикамье//АО 1995 года. М. 1996. С. 271-273.
12. Новое в исследованиях Гляденовского костища//Религия и Церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Киров. 1996. С. 135-139 (соавтор А. Ф. Мельничук).
13. К проблеме хронологии костищ гляденовской культуры//Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Пермь. 1996. С. 48-53 (соавтор А. Ф. Мельничук).

14. Археологические памятники Ильинского района Пермской области//Сторонушка Ильинская. Ильинский. 1997. С. 11-12 (соавтор А. Ф. Мельничук).

15. Исследования жертвенных мест Пермском Приуралье//АО 1996 года. М. 1997. С. 250-252 (соавторы Р. С. Казанцев, А. Ф. Мельничук).

16. Костище Слепушка – жертвенное место поздней стадии развития гляденовской культуры//Исследования по археологии и истории Урала. Пермь. 1998. С. 48-70 (соавтор А. Ф. Мельничук).

17. Космологические представления населения гляденовской культуры (по материалам Гляденовского костыща)//Сохранение, восстановления, использование исторического, культурного, природного наследия народов России. Березники. 1998. С. 17-19 (соавтор С. Э. Лифшиц).

18. Современные исследования гляденовских костыщ//Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тезисов конференции, посвященной столетию А. П. Смирнова. М. 1999. С. 49-50 (соавтор А. Ф. Мельничук).

19. Исследования костыщ гляденовской культуры: некоторые итоги//Музей XXI века: взгляд в прошлое и будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Пермь. 1999. С. 119-123.

20. Новые данные для датировки гляденовских костыщ//XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск. 1999. С. 127-128.

21. Гляденовское костыще. Раскопки 1995-1998 г.г. Каталог коллекции. Пермь. 1999. 76 с. (соавтор А. Ф. Мельничук).

22. Изучение жертвенных мест в Среднем Приуралье//Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность. Березники. 1999. С. 27-30. (соавтор А. Ф. Мельничук).

23. Труды В. Ф. Генинга, посвященные изучению гляденовской культуры, и современные проблемы её исследования//Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции: «75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга». Ижевск. 2000. С. 215-216. (соавтор А. Ф. Мельничук).

24. Религиозная обрядность костыщ гляденовской культуры и этнографические параллели//Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции: «75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга». Ижевск. 2000. С. 281-283.

25. Новый жертвенный комплекс Гляденовского костыща//Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. Выпуск 1. Пермь. 2000. С. 15-17.

26. Новые исследования Юго-Камского костяка // Оборонские чтения. Материалы археологических конференций. Выпуск 1. Пермь. 2000. С. 17-20.

27. Предварительное сообщение о местонахождении ископаемого слона // Геология и полезные ископаемые Прикамья. Тезисы научно-практической конференции. Пермь. 2000. С. 141-142. (соавторы А. А. Болотов, Т. Ф. Фадеева).

28. Символика жертвенных вещей с костяка гляденовской культуры // Труды ГИМ. выпуск 113. М., 2000. С. 61-64.

29. Памятники археологии в современном фольклоре // Пермское Прикамье в истории Урала и России (Материалы Всероссийской научной конференции). Березники. 200. С. 58-62.

30. Хтонические персонажи в уральской мифологии // Пермское Прикамье в истории Урала и России (Материалы Всероссийской научной конференции). Березники. 2000. С. 65-69. (соавтор С. В. Рязанов).

31. Гляденовские костяка в трудах А. П. Смирнова и новейшее их изучение // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Труды ГИМ. Выпуск 122. М., 2000. С. 93-98. (соавтор А. Ф. Мельничук).

32. К вопросу о датировке и назначении костяка гляденовской культуры // Музеи и краеведение. Труды национального музея республики Коми. Выпуск 2. Сыктывкар. 2000. С. 69-78.

33. Материалы Ильинского костяка в фондах Пермского музея // Археология и этнография Среднего Приуралья. Выпуск 1. Березники. 2001. С. 94-97.

34. Ильинское костяка – жертвенное место населения гляденовской культуры в бассейне р. Обва // Пермский регион: история, современность, перспективы. Березники. 2001. С. 20-28. (соавтор А. Ф. Мельничук).

35. Охранные исследования памятника гляденовской культуры – селища Полуденково в бассейне р. Юг // Пермский регион: история, современность, перспективы. Березники. 2001. С. 59-64.

36. Новейшие исследования костяка гляденовской культуры: итоги и перспективы // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург. 2001. С. 163-164 (соавтор А. Ф. Мельничук).

37. Исследования Юго-камского костяка // Археологические открытия 1999 года. М., 2001. С. 191.

38. Ранние костяка гляденовской культуры // Оборонские чтения. Выпуск 2. Пермь: ПОКМ. 2002. С. 22-28.

39. Бусы костяш гляденовской культуры как индикатор культурных опосредованных связей населения Среднего Приуралья с цивилизациями Востока и античного мира // Древние этнокультурные связи финно-угров. Йошкар-Ола. 2002. (соавторы А. Ф. Мельничук, С. С. Овчинников, Е. В. Чуйкина).

40. Культовое литье гляденовских костяш и проблемы соотношения гляденовских и кулайских древностей в археологии раннего железного века Евразии // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: ИИиА УрО РАН. 2002. (соавтор А. Ф. Мельничук).

41. Культурные опосредованные связи населения Среднего Приуралья с цивилизациями Древнего Востока и античным миром. (По материалам Гляденовского костяша) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск III / Под ред. Белавина А. М. Пермский гос. пед. ун-т. Пермь: ПГПУ, 2003. С. 44-50 (соавторы А. Ф. Мельничук, Р. Ф. Вильданов, Е. В. Чуйкина).

42. Гляденовский и кулайский мир: проблема их соотношения // Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. Выпуск 3. Пермь: ПАКМ. 2004. С. 56-59 (соавтор А. Ф. Мельничук).

43. Каменные изделия костяш гляденовской культуры // Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. выпуск 3. Пермь: ПОКМ. 2004. С. 59-64.

44. Дальние южные связи населения Пермского Приуралья в раннем железном веке (по монетному материалу Гляденовского костяша) // Новый Гиперборей: Межвуз. Сб науч. трудов / Перм. Гос. Ун-т. – Пермь. 2004 – С. 74-79 (в соавторстве с Р. Ф. Вильдановым, А. Ф. Мельничуком.).

Список литературы об А. Н. Лепихине

Серова С. В. Лепихин Анатолий Николаевич // Краеведы и врачевательские организации Перми. библиографический справочник. пермь: изво «Курсив». 2000. С. 168-169.

Сокол В. А. Толя Лепихин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск III. Пермь: ПГПУ. 2003. С. 40-41.

Подвицнев О. Б. Человек, которого забыть невозможно // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск III. Пермь ПГПУ. 2003. С. 42-43.

Составитель библиографии А. М. Белавин

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю (<i>С. В. Неганов</i>)	5
Предисловие (<i>Р. Д. Голдина</i>)	7
Вступительные замечания (<i>А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова</i>)	10
Введение	14
ГЛАВА I. Геоморфологическая и стратиграфическая характеристика костяш. Сооружения и детали	23
ГЛАВА II. Вещевой материал костяш	62
ГЛАВА III. Проблемы хронологии, культурной принадлежности и назначения костяш	103
Заключение	174
Список источников и литературы	178
Список сокращений	193
Иллюстрации	194
<i>Чурилов Э. В.</i> А. Н. Лепихин – официальная биография и «беседы о неопубликованном» (эссе в двух жанрах)	206
<i>Рязанова С. В.</i> Человек вне стереотипов и схем	210
<i>Шилов А. В.</i> Штрихи к портрету археолога и личности (памяти А. Н. Лепихина)	213
Список научных трудов А. Н. Лепихина (<i>А. М. Белавин</i>)	219
Список литературы об А. Н. Лепихине	222

*Древняя культура финно-угорских
народов Пермского Прикамья*

Лепихин Анатолий Николаевич

**КОСТИЦА ГЛЯДЕНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ**

Составление и подготовка:

**Белавин А. М., Неганов С. В.,
Подвинцев О. Б., Студеникина Л. И.**

Художественное оформление

И. Н. Проваторовой

Компьютерное исполнение

О. А. Чилеевой

Корректор

Т. Н. Назукина

Подписано в печать 03.10.2007. Формат 60x84/16.

Бумага ВХИ. Гарнитура Newton.

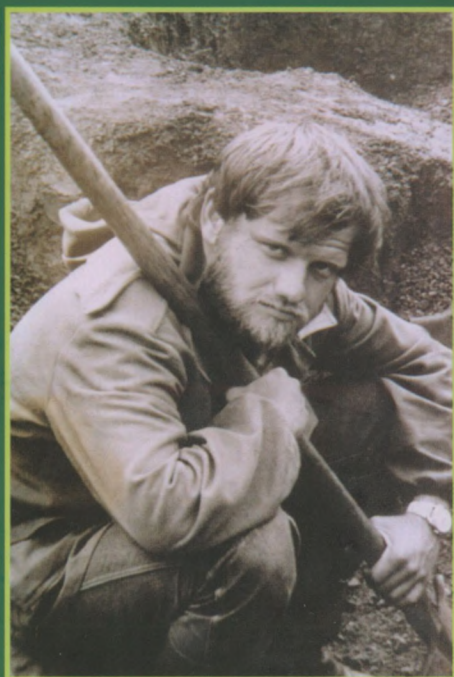
Усл. печ. л. 14. Печать офсетная. Тираж 500.

Заказ 5567.

Сверстано и отпечатано в ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова»,
618400, Пермский край, г. Березники, ул. Химиков, 7.

Тел.: (34242) 9-24-44, 6-72-88

E-mail: nabor@tarasov.berezniki.ru

Пять лет нет с нами
Толи ЛЕПИХИНА.

Замечательного человека и ученого. Его жизнь оказалась недолгой. Ему не везло в карьере и деньгах, не везло в любви. Он не успел завершить многое из того, что наметил. Его смерть была не только нелепой, но и мучительной. Но он оставил удивительно светлый след в душах тех, кто его знал, а таких людей было много. Память о нем, пусть и связанная с болью, не ослабевает. Данью этой памяти в числе прочего является и эта книга. Но не только данью памяти.

Научные результаты исследований А.Н.Лепихина, многие из которых до сих пор не были опубликованы, по крайней мере в системном изложении, сохраняют свою значимость. Они представляют интерес не только для специалистов-археологов, но и для всех, кто интересуется историей Пермского края, происхождением населяющих его народов.

Друзья